Писатели Бурятии ДЕТЯМ

Антология

Том 2

НОМАД
БУРЯТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Улан-Удэ
2023

УДК 821.512.31
ББК 84(2=642)
П 343

Составители
В. А. Осипова, Г. Х. Чагдурова

П 343 Писатели Бурятии детям : антология в 2-х т. Т. 2 / Сост.: В. А. Осипова, Г. Х. Чагдурова. – Улан-Удэ : Номад (ИП Дамдинжапова О. Б.), 2023. – 336 с. : цв. ил.
ISBN 978-5-6050883-7-0

Во 2-й том вошли произведения на русском и бурятском языках классиков бурятской литературы Х. Намсараева, Д. Мадасон, Ш. Нимбуева, В. Петонова, Ж. Тумунова, Ц. Номтоева и других известных авторов, а также современных писателей, пишущих для детей.

ISBN 978-5-6050883-7-0
УДК 821.512.31
ББК 84(2=642)

© Издательство «Номад»
(ИП Дамдинжапова О. Б.), 2023 г.

Полосатый кормилец

Маленького шустрого зверька сибирской тайги называют в шутку меньшим братом тигра. Только у бурундука имеется пять ярко выраженных полосок вдоль спины.

Бурундучок — неутомимый труженик. С осени до снега он запасает семена растений, кедровые орешки, набивая ими защёчные мешки.

Бурундуки с удивительной способностью различают орешки с ядрышками от пустых.

Зверёк этот очень чистоплотный. В доме-норке имеется несколько «комнат» — камер различного назначения: склад продуктов, место отдыха, туалет.

Бурундуки заготовляют на зиму пять-восемь килограммов чистого отборного ореха в двух-трёх норках. Делается это потому, что урожай кедра бывает один раз в три-четыре года.

Запасами бурундуков пользуются медведи. В кедровых массивах, где множество бурундучьих нор, они раскапывают их. Добравшись до запасов бурундука, медведь зорит его нору, поедая значительное количество питательной пищи. С лихвой окупаются затраты медвежьего труда при раскопках пищевых «складов».

Таким образом произвольно и неосознанно маленький бурундук становится кормильцем крупного хищника-медведя. Такова жизнь обитателей тайги.

Усердный лесовод

Живёт в сибирской тайге трудолюбивая птица — кедровка. Небольшая, меньше домашнего голубя, чёрного цвета с белыми пятнами по нижней части тела. У неё ярко-белое подхвостье и большой крепкий клюв.

Кедровка непоседа. В сентябре, когда прозревают кедровые орешки, она работает от зари до зари. Длинным клювом она ловко клюёт орехи из шишек. В зоб она набивает орешков. Потом кедровка улетает и забывает орехи в укромных местах. Во мху они делают более сотни таких кладовых.

Удивительна память этих птиц. Зимой, слетая с дерева, они разгребают снег и безошибочно добывают зёрна, спрятанные осенью.

Лесоводы считают эту птицу одной из полезнейших пернатых Земли. Она разносит семена в те места, где никогда не произрастали кедры. Таким образом, содействует расселению ценнейшего дерева в новые районы. На урожай кедровых шишек кедровки слетаются массами. И мигрируют на большие расстояния, если в местах, где они живут, нет урожая орехов.

Весной кедровка раньше других птиц готовит глубокое гнездо в защищенном от ветра месте. Самка откладывает 3-4 желтоватых в коричневую крапинку яйца величиной с голубиное и насиживает кладку. Вылупившиеся птенцы, получая разнообразный питательный корм, быстро растут и к осени почти не отличаются от взрослых птиц.

Есть ещё одна отличительная черта поведения кедровки: она наблюдательна и чутко оберегает таёжный покой. При виде в тайге любого животного или человека она издаёт громкий скрипучий крик. Так она извещает о приближающейся опасности.

Кедровка — полезная птица. Не позволяйте зорить её гнёзда, вовсе недопустимо стрелять её из ружья. Благодаря кедровке разрастаются наши леса.

Баабгай хабарга хоёр

Эрид хабсагайн орой дээрэ, ута шэнэһэнэй хажууда хабарга зогсожо байба. Энэ гүрөөһэнэй түрэлэй, утаашаа метр тухай, далаад сантиметр үндэртэй, эбэргүй амитан юм. Тэрэ байгааша хабарга юунһээб даа айһан хэбэртэй, тогтожо ядана, тархинь иишэ тиишээ эрьелдэнэ, шэхээе хайшална. Тиигэжэ байтараа хабсагайн эрмэг дээрэ туласа ошоод, доошоо халта харан сасуу, 40 метр тухай гүнзэгы хабшал руу һүрэшэбэ. Тархияа хойшонь хинсайлгажа, хүлнүүдээ дороо эбхэнхэй. Аяар доро ошожо, биса унахань гэһэн, хабсагайн эрид гэгшын ташалан хажууһаа арай бултайһан бишыхан тэбсэг дээрэ тэб буугаад, хүдэлхэеэ болишобо. Дээшээ харана.

Удангүй хабаргын һаяхан байгша газарта баабгай гаражa ерэбэ. Аманиинь ангайшаһан, даахиршаһан ноохотой юумэ аахилжа байна. Доошоо шагаажа харажархёод, хойноһоонь бууха гэжэ туршаба. Хабсагайн мэлшэгэр хажууда аһасалдаха гэхэ бүри ямаршье арга байбагүй. Баабгай доошоо буугаад, хабарга тээшэ дороһоонь аһажа ябатараа, гурбан метр тухай дээрэһээ халтиран, шулуун дээрэ унашаба. Үбдөө хаш даа. Шангаар хашхараад, үбдэһэн газартаа эгээл хүндэл адляар эльбэнэ. Дээшээ харана.

Тиигэжэ байтараа, нэгэ hанал досоонь ороо ха, баha ондоо газарта ошожо, иигэн тиигэн дээшээ аhажа, хабсагай дээрэ гараба. Тиигээд тэндэ хэбтэhэн шэнэhэ тэбэреэд, хабсагайн эрмэгтэ абаашажа, узууураарнь хабаргын дээрэhээ түлхижэ оробо. Модониинь хабарга дээрэhээ тудажа унахаар бэшэ байба ха. Тэрэнээ үргэжэ, сэхэ дээрэhээнь болгожо заhаба. Тиигээд лэ тэрэнээ тэбэриhэн зандаа хойто хүл дээрээ бодожо ерээд түлхибэ. Түлхинэл, түлхинэл. Тиигэжэ байтарынь модонойнь узуур диилэжэ, хабсагай руу хүнтэршэбэ. Баабгай модоёо табижа үрьдингүй модонтоёо доошоо ябалсашаба. Дүшэн метр дээрэhээ шулуу сохижо унахадаа баабгай юун бололтойб даа. Хабарга доошоо баабгайн хойноhоо нэгэ хараад, дээшээ гаража, ой руу орошобо.

Нохойн ашаар

Ахын аймагай хэдэн ангуушад Саяанай мундаргануудай дунда вертоледоор бууба. Тэдэнэр нохойнуудаа абаад ябаа. Сэлмэг дулаан үдэрнүүдтэ hамар, жэмэс түүбэд. Үбэлдөө агнахаар газар хараба. Түрүүшын хирмагай орохолоор булга, хэрмэ, hолонго агнажа эхилбэд.

Ангуушадай нэгэн нүхэдhөө амяараа, табан модо тухай газарта, хуушан зэмьеэ соо байрлаба. Нэгэтэ тэрэ хүн ан яhала олоор баряад, бусажа ябатараа, хадын эрид ташалан руу халтираад, ёрбогор шулуун дээрэ унашаба. Нилээд үбдэбэшье бодоод, аргаахан галгиhаар байрадаа ерэбэ. Сай шанажа уугаад, нохойгоо эдеэлүүлээд, дахаараа хушажа унташаба. Нохойнь шала дээрэ хэбтэбэ. Үглөөгүүр боложо байхада ангуушан hэришэбэ. Бүхы бэень хэмгүйгөөр үбдэжэ байба. Хажуу тээшээ эрьелдэхэ гэхэдэнь, үрөөлэ бэень мэдэрэлгүй, үрөөhэн хүл гар хоёрынь оройдоо хүдэлхэеэ болишоhон байба бшуу. Нохойгоо дуудаха гэhэниинь хэлэниинь хүдэлхэгүй бэлэйш. Гайхашоод хэбтэжэ байтарынь, гэнтэ нохойнь наар өөдэ аhаад, гангинажа байжа нюур гарынь долёобо. Эзэнэйнгээ абяа гаража үгэхэгүйдэ, үүдэеэ түлхин, гүйжэ гараа бэлэй. Харин тэрэнь нүгөөдэ ан-

гуушадай зэмьеэ гүйжэ ошоод, улижа байжа үүдыень маажаһан байба.

Тэндэ байһан зон гайхажа, үүдэеэ нээбэ. Нохой гэртэ ороод, тэдэнэй нюурнуудынь гангинажа байгаад харабал даа. Үүдэ туласа ошоод лэ, һөөргөө харан гиинана. Тэдэ зон нэгэ муу юумэн болоол даа гэлдэн, түргэн хубсалжа, нүхэрэйнгөө зэмьеэдэ ошобо. Ороод харахадань, сэбдэг хүйтэн зэмьеэ соогоо нүхэрынь хүдэлэншьегүй, абяашье гарангүй хэбтэбэ. «Һэриш, яагаабши?» – гэлдэн, татахадашье туһагүй. Юун хүүн болобо гээшэб гэлдээд, нэгэеэ ноёдтоо санаар эльгээбэ. Үлдэгшэдынь гал түлижэ, сай бусалгаад, ама руунь халбагаар шудхаба. Бүхэли үдэртөө тэдэ тэрээнээ һахижа үнжэбэд. Нохойень лэ гайхалсана. «Нохой гээшэмнай үнэхөөрөөл хүнэй нүхэр юм байна даа. Тэнэг хүнһөө үлүү ухаатай гэхээр. Иимэ нүхэрөө мэдэдэг, сэгнэдэг зон гээшэ гүбди даа, үгы гү?» – гэлсэнэ.

Эльгээһэн нүхэрынь бүхэли үдэртөө ябажа, һүни болоһон хойно хүрэхэ газартаа хүрөөд, туһаламжа дары хүрэжэ ерээ бэлэй.

Хун шубуун

Хун шубууе һайхашаахагүй хүн гэжэ байдаггүй. Үнэхөөрөөл һайхан шубуун даа. Тиимэһээл энэ шубуун тухай һайн һайхан үльгэрнүүдые зохёоһон байдаг. Жэшээ болгон, хори угай буряадуудай үльгэр дурдая.

Эртэ урда сагта Хоридой гэжэ нэрэтэй нэгэ залуу хүн Байгал далайн эрьеэр агнажа ябаба. Халуун дулаан эхилжэ, хамаг юумэн һалбаржа байһан һайхан саг байгаа. Огторгой тулама гэхээр үндэр модонууд ногоон набшаһаар хушаатай. Оёороорынь сэсэглэшэһэн улаан таша тэрэнги. Хоридойн ябажа ябатар, гэнтэ шубуунуудай ганганалдаһан ирагуу абяан дуулдаба. Хараашалһаар байтарынь, үүлэгүй сэнхир хүхэ тэнгэридэ бүлэг саб сагаан шубууд ниидэжэ ябатараа Байгалай эрьедэ буухаар хэбэртэй доошолбо. Хоридой бүтүү тэрэнгиин саана хоргодоод һуушаба. Шубууд далайн эрьедэ һууба. Тиигээд арһаяа хуу

татажа, залуухан дангинанууд болоод, далай руу шаг шууяа татан, гүйлдэжэ орошохо бэлэйш. Хоридой хүбүүн иимэ жэгтэй, ухаан зүүдэндэ ороогүй юумэ хаража гайхаба. Басагад үһанда ойможо, шууяна, энеэлдэнэ. Хоридой хүбүүн яагаа һайхан хүүхэд гээшэб, нэгэнэйнь арһа нюугаад үзэхэм гэжэ һанаха мүртөө һэмээхэн мүлхижэ ошоод, нэгэ арһа асаржа, хажуудаа табяад һууба. Хүүхэд үһанда зоргоороо оймобо. Тэдэнэр эрье дээрэ гүйлдэжэ гараад, арһануудаа абажа үмдэхэдөө, һөөргөө хун шубууд болошобо. Нэгэ басаганиинь арһаяа оложо ядан, иишэ тиишээ мэгдэн гүйнэ. Энэ үедэ Хоридой хүбүүнэй хоргодоһон газарһаа гаража ерэхэдэнь хун шубууд ниидэн дэгдэшэбэ. Нэгэниинь гансаараа үлэшоод, Хоридойе харахалаараа, үһа руугаа гүйжэ орошобо. Хоридой хүбүүн иигэжэ хэлэбэ: «Гарыш даа нашаа, дангинахамни, би шамайе элэглэхэ элдэблэхэгүйб. Һайн арадай хүбүүнби, томоотой эсэгын үриби. Хоюулаа танилсажа, хуби заяагаа холбоходомнай яаха юм?» Басаганай харахада, шииpаг дундаа ябаһан, сэбэр улаан шарайтай, сэхэ хурса харасатай, эрын эрхим байлтай хүбүүн урдань байба.

Басаган үһанһаа гаражa, Хоридой хүбүүнтэй хүтэрэлдөөд, бүмбэгэр сагаан гэртэнь ошожо, эзэн болон оробо. Һамганиинь боложо ажаһууба. Хэдэн арбаад жэлдэ хэтын жаргал эдлэжэ

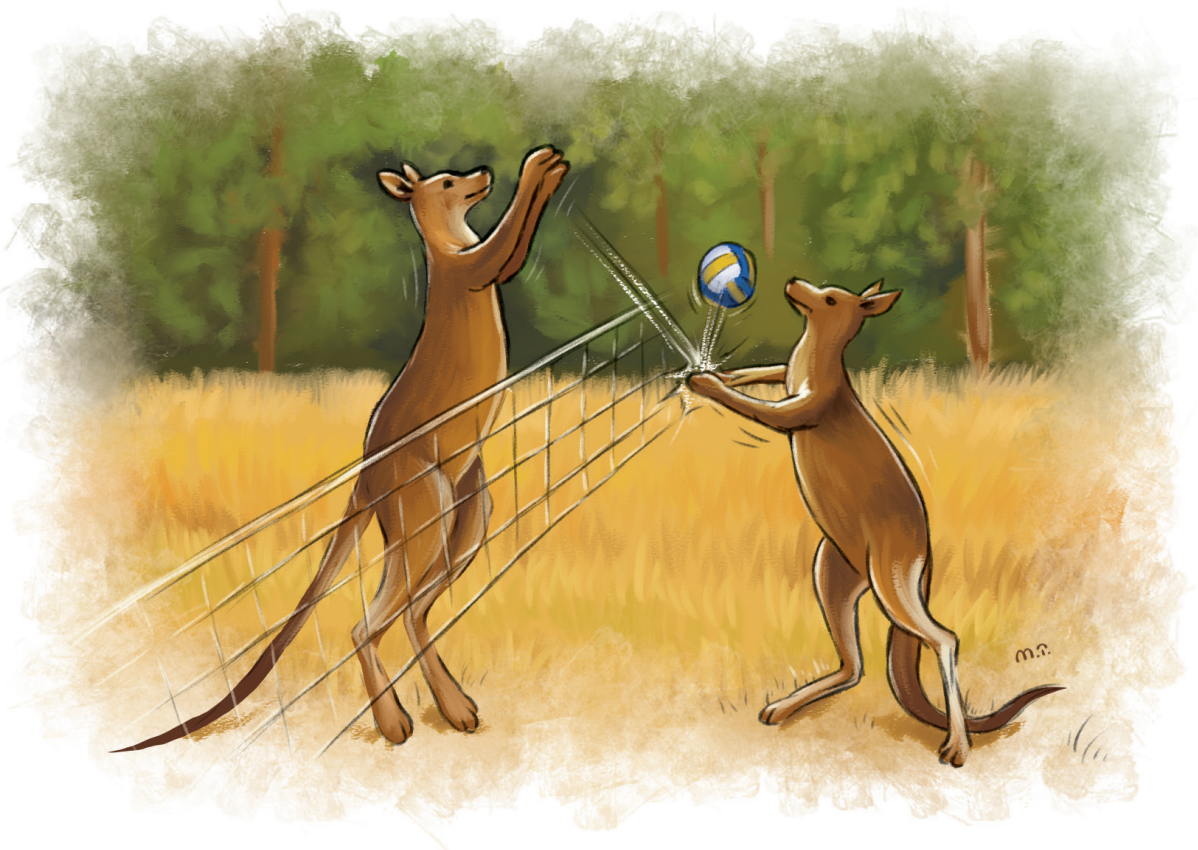
hуубад. Хун шубуун хатаниинь Хоридой мэргэн нүхэртөө арбан нэгэн хүбүүдые гаргажа үгөө. Тэдэнь иимэ нэрэнүүдтэй hэн: галзууд, харгана, хуасай, хүбдүүд, батана, шарайд, бодонгууд, худай, гушад, сагаан, хальбин. Хори угай зон эдэ 11 хүбүүдhээ гараhан гэлэйбди гэхэ юм. Иимэhээ энэ угай хүн зон хун шубуун гээшэ эхэмнай юм гэдэг. Тэрэниие hайханаар hанадаг. Хун шубуунай абяа дуулахадаа хүгшэд газаа гаражa, дээшэнь hү сасагша бэлэй. Хүн гээшэ аад, шубуунhаа түрэхэ гэжэ яаха hэм даа. Теэд юундэ иимэ домог гараhан юм? Хун гээшэ үлэмжэ hайхан шубуун хадань тиимээр домог зохёогоо бэшэ юм аа гү гэжэ hанахаар. Ондоошье арадууд иимэ удхатай домогуудтай гэдэг.

Ород арадта хун шубуунай дуун гэhэн булганда мэдээжэ үгэ бии. Эрэ эмэ хоёр хун шубууд хоорондоо яашагүй ехэ эбтэй, хоюулаа hалашагүй инаглан ябадаг. Хэрбээ нэгэнэйнгээ үхэшоо hаа, нүгөөдэнь айхабтар уйдхартайгаар абяа гаран, үүлэн тээшэ дэгдээд, тэндэhээ шэдэhэн шулуун мэтээр унажа, үхэдэг юм гэдэг. Хани нүхэртөө үнэн сэхэ байхын hүлдэ мэтээр энэнь үзэгдэжэ, хүнүүд хун шубуунай дуун гэлсэдэг ааб даа.

Нэгэ ангуушан иимэ ушар хөөрэhэн юм. Май hарын нэгэ үглөөгүүр нара гаражa байха үедэ Байгал далайн эрьеэр тэрэнэй ябатар тээ холо, үглөөнэй манан соо хоёр саб сагаан амитад уhан дээрэ бэе бэедээ нэгэ дүтэлжэ, нэгэ холодожо, үльгэр түүхэдэ хэлэгдэдэг ямар бэ даа үзэсхэлэнтэ hайхан хатар наада хэжэ байна гэжэ hанахаар байба. Хараhаар байтарынь, тэдэнэр дүтэлхэдөө хун шубууд болошобо. Нуурай тэгэндэ хүрэхэлөөрөө эрэнь тархияа дээрэ үргэжэ, ханхинаса дуулан, дээшэхэнээ гараад, ялагар сагаан далинуудаараа hэбижэ, уhа сагаалхитар сэсэргэжэ байгаад, эмэ шубуугаа тойрохо юм. Наранай гарахада, хамаг шубууд жиияалдажа эхилhэн аад, хун шубуунай дуугаа дуулахада булгадаа жэн балай болошобо. Эрэ хун нилээд удаан дуугаа дуулан эрьелдэhэнэй hүүлээр уhан дээрэ hууба. Нүгөөдэнь хажуудань ерээд, ехэ энхэргэнээр тархиинь үдэ заhана хэбэртэй. Тэндээ тэдэнэр тиигэжэ hууд гээд, аалихан дэгдэжэ, саашаа далда орошобо. Байгалай уhан дэлхэй дээрэ үзэгдөөгүй гэхээр арюун тунгалаг юм. Энэ уhан соо тэдэнэр бэеэ угаажа байгаа ха юм. Ямар арюухан ябадаг шубууд гээшэб?!

Волейбол

Две команды кенгуру
Утром начали игру
В волейбол.
Быстро сетку натянули,
Мяч резиновый надули
И судья пришёл — щегол.
Он на жёрдочку встаёт,
Игрокам свистит: «Вперёд!»
Вот и началась игра,
Замолчала детвора:
Мишки и мартышки,
Зайки — хвастунишки,
Полевые мышки
И все другие...
А дела такие:
Кенгуру бьёт по мячу
И кричит: «Ой, ой, лечу!»
Пролетает сетку
И прямо на соседку.
Но соседка — кенгуру
Не замедлила игру,
Отбивает этот мяч
И летит за ним — хоть плачь!
Уверяю, то не шалость.



Просто всё в игре смешалось
Где чужие, где свои?
Ну, попробуй, разбери!
Кенгуру прыгуч, как мяч,
Потому и нет удач.
Для него мала площадка,
Оттого ему не сладко,
Верещит судья — щегол:
«Я решение нашёл!
Счёт начнётся в волейболе,
Только на футбольном поле».

Первая ёлка

Дочка ходит возле ёлки,
Дочка трогает иголки,
Удивляется огням,
Разноцветным фонарям.

«Папа! Шарик голубой!» —
Тянет шарик за собой.
Ярко радуга сияет,
Звон стеклянный наплывает.

Дочке — два. Её впервые
Посетили чудеса,
Огоньково-расписные
Дочке видятся леса.

Там живут ручные волки,
Хитрый заяц, толстый слон.
В тех лесах у каждой ёлки
Ствол узором серебрён.

Ветер бродит по поляне,
Озорует с фонарями:
Ярко радуга сияет,
Звон стеклянный наплывает.

Пять пальцев – пять животных

Палец большой — это бык.
Как он работать привык!
Указательный палец — козёл.
Он в драках упорен и зол.
Палец средний — верблюд пустыни.
Он лучше всех вездеходов поныне.
Безымянный палец — конь,
Труженик и воин — огонь!
Ну, а мизинец, что слаб и тонок –
Это доверчивый к людям ягнёнок.
А если все пальцы вместе сложить –
Окажется нам без них не прожить.

Скворушка

Жил на свете скворушка
По имени Егорушка.
Любил он сказки сказывать,
Любил он песни петь,
Загадки всем загадывать,
Картинки посмотреть.
У него в скворечнике
библиотека большая.
Он сидит в очках,
малышам внушая:
«Любите вечером сказки,
А днём — салазки.
Когда вы ночью спите,
На салазках в сказки мчите».

Загадки

На небе ночью лучше всех видна.
Скажи-ка, кто она?

(луна)

Белою мукою всё покрыто сплошь,
Но хлеба из неё не испечёшь?

(снег)

По небу летают, на ладошке тают?

(снежинки)

Не виноват, а в углу стоит и мороз в себе таит?

(холодильник)

Два железных братца рождены на льду кататься?

(коньки)

Две серебряных змеи через поле пролегли?

(лыжня)

Отгадай-ка поскорей:
Дом имеет сто дверей.
Любит белка этот дом.
Кто же проживает в нём?
(кедровые орешки)

Он всё лето на ветке зеленеет,
А осенью желтеет?
(лист)

Утром над землёю поднимается,
И вокруг всё ясно освещается?
(солнце)

На длинных ножках он шагает,
А после в луже засыпает?
(дождь)

Как модники надели шляпки,
В лесу с тобой играют
в прятки?
(грибы)

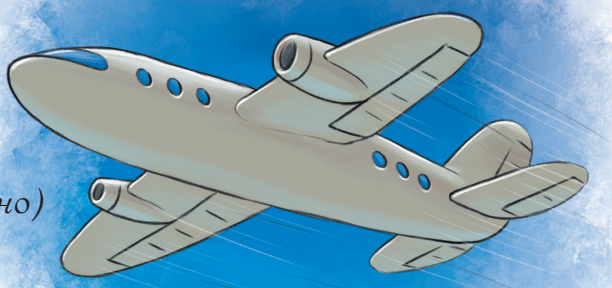
В лесу стульчик проживает,
Сесть уставших приглашает?
(пенёк)

Серебристые иголки вдоль берега снуют,
Но берег с рекою не сошьют?
(рыбные мальки)

Вся светом праздничным горит,
Под потолком она висит?
(электрическая лампочка)

В нём — сказки проживают
Вечером и днём,
Он весело мигает
Голубым окном?
(телевизор)

Оно прозрачно, как родник,
В нём проживает мой двойник?
(зеркало)



Целый день пропускает
Свет оно и называется...?
(окно)

Быстро в небе пролетает,
Серебристой точкой тает?
(самолёт)

На стене висит, о погоде говорит.
(радио)

Два шара с ручкой
Папа утром поднимает,
И сила в папе нарастает?
(гантели)

Дулаа зүгнөбөө

Сагай дулааraадүйдэ,
Сahанай хайлаадүйдэ
Шугын борбилоо
Шууяа татанхай.
Дулаархы зүгнөөд
Дуутай, зугаатай.

Галай булаг

Үбэлэй хүйтэн Ахын замаар янгинаба.
Үбгэн улааша түлеэ суглуулаад зугаалба:
— Булад хэтэ, шара уула, сахюур —
Булта баран минии бүhын hахюур.
Юун гэжэ эдэнэй тухай зугаалхабиб?
Юудэй гэжэ эдэнэй тухай дуулахабиб?
Хахасашагүй, hалашагүй эдэ гурбан
Хабатай, улаан, дулаан галай булаг.

Хабарай халуун һалхинаар

Шара наранай
Шаран, шатаан гарахада,
Шара сahан
Шабдаг сahаа эдеэд,
Шааян урдан хурхирна.
Хабарай наранай
Хатаан, шатаан гарахада,
Хабтагай дайда
Хатаад, ургы ногоогоор
Хаана яанаhаа халюурна.

Хүдөө талымни
Хүхэ ногоон дээгүүр
Хүхюу һалхинай
Хүльбэрэн һүрэн гүйхэнь
Хүнгэн сэнгүү гээшэнь.

Боосоото урилдаан

Нэгэтэ хара ута дэлһэтэй, хабтагар эбэртэй хандагай ехэ ундаархажа, мүрэнэй эрьедэ уһалхаа ерээд, аалин урадхалтай газартань орожо уһалба. Уһалжа садаад, уһанай ногоо һонинойхиие эдихэм гээд саашаа ороходоо, нүхэн соо хэбтэһэн мэли мэлигэр гутаарые биса гэшхэхээ һанаба.

— Нюдэгүй юм гүш? Намайе арай гэшхэн алдабаш,—гээд, гутаар хэлэбэ.

— Ши эндэ олом харгы дээрэ юундэ хэбтээ юмши?

— Яагаа хашартай яндан хандагайбши? Намда эдюулээгүйдөө, эндэһээ ябаха харгынгаа уйтан болоодүйдэ түргэн тонил!

— Һэ! Намайе хайшан гээд эдихэ юмши, эрьеын эреэн гутаар? Би ехэ хурдаар гүйдэг, холо харайдаг хандагай бэеэрээ байна бшууб. Гэшхэдэлээрээшье һаа шамда хүсэгдэхээеэ мэдэнэгүйб.

— Тиимэ хурдан хадаа намтай боосолдоод, урилдыш. Ши эрье дээгүүрээ гүйхэш, би уһан соогуураа тамархаб.

Хандагай гутаар хоёр хойто үдэрынь урилдаха гэлсээд, хоёр тээшээ тараба.

Эрьеын эреэн гутаар гансаараа үлэхэлөөрөө: «Тэсэлгүй тэнэгни ехэдээд, харайса ехэтэй хандагайтай боосолдобо гүб? Яаха хээхэ болоо гээшэбиб?»—гэһэн бодолгодо дарагдаба. Тиигээд мэлигэр гутаар мэхэ хэхэ гэжэ шиидэбэ.

Хэлсэһэнээ хэршэжэ, боосолдоһоноо боожо хаяха аргагүй. Гутаар аха дүүнэрээ, ураг таригуудаа бэдэрэн, өөдэ уруугаа гүйжэ, олон гутаарнуудаа суглуулжа, суглаа хэбэ:

— Зэ, аха дүүнэр, ураг һэльбээтэмни! Манай эндэ ехэ аюултай дайсан ерэжэ, маниие эндэһээмнай намнаха гэжэ байна. Битнай тэрэ дайсаниие унаһан түрэһэн уһандаа оруулхагүйн түлөө боосоо хэлсэбэб. Үглөөдэр нэгэ хандагайтай урилдаха болобоб.

— Зэ, хурдан хандагайн урдань бидэ хайшан гээд орожо шадаха гээшэбибди? Боосоогоо алдажа, эндэһээн үлдүүлжэ, хуу-

рай добо дээрэ хатажа үхэхэ сагнай ерээ бэшэ аал?—гэжэ нэгэ харahаа хара, хабтагарhаа хабтагар гутаарай хашхархада, бэшэниинь булта тооной «тиимэ, тиимэ» гэлдэнэ.

— Нэгэ арга байна. Хандагай гээшэмнай шэхэ hонор аад, хараса муутай юм. Бидэниие илгажа танихагүй. Урилдахадаа энэ уhалуурhаа тэрэ хара хабсагай хүрэтэр ошоод, hөөргөө уhалууртаа хүрэтэр урилдаха гэжэ хэлсээтэйбди.

Бидэ уhан соогууpаа тамархабди. Хандагай эрье дээгүүрээ гүйхэ, тиихэдээ хирэ хирэ болоод лэ: «Гутаар хаанабши?» — гээд hураха. Тиихэдэнь хандагайн урдуурхан хэбтэhэн гутаар, уhанhаан бултагад гээд: «Би эндэб», — гэжэ харюусаад доошоо орохот. Ойлгоо гүт?—гэхэдэнь, бэшэ гутаарнуудынь «ойлгообди, ойлгообди» гэлдэбэ.

Үглөөдэрынь хандагайнь уhалуурта ерэжэ уhалаад:

— Эрьеын эреэн гутаар! Бэлэн гүш?—гэнэ.

— Шиниингээ ерэхые шалатараа хүлеэжэ байнам,—гэжэ hая hэриhэн гутаар харюусаба.

Хэлсэhэн ёhоороо «hөөб» гээд, урилдаан эхилбэ. Хандагай hанаа амарханаар хатаржа ябаад: «Гутаар, хаанабши?» — гэхэдэнь, аяар урдань, уhан соohоо гутаар толгойгоо булта гад гүүлээд:

— Би эндэб, шамhаа урдахана ябанаб,—гээд, «палд» байса шунгашаба.

— Адхамар! Хурдаар тамардаг хүйхэр байналши!—гээд, хандагай hалхин мэтэ гүйдэлөө шангадхан, hомон шэнги хурдаар гүйнэ. Одоошье холо хойно таhараа бэзэ гэжэ бодоод, газараа тэгнэжэ ябахадаа:

— Гутаар, хаанабши?—гэхэдэнь:

— Бишни эндэб,—гээд, уhан соohоо гутаарай толгой бултайгаад, үгы болошобо.

Хандагай бүри хурдаар хада хабсагайда хүрэhөөр hөөргөө бии хабаараа уhалууртаа хүрэтэр гүйжэ ерээд, унан бодон байхадань, уhан соohоо мэлигэр хара мэхэшэ гутаар толгойгоо бултайлгаад:

— Бишни үни ерээлби. Ерэhээр нэгэ жараахай эдижэ үлөө заhаад байналби. Бүри эсээгүйлби. Шимни hурагта хурдан хан-

дагай аад, яагаа зүдэрэнги болоод, хүл дээрээ найган, нугаран байнабши,—гээд, гутаар энеэсэгээнэ.

— Зүб даа! Шимни боосоогоо эдибэш. Мүнөө болотор дүрбэн хүлтэ амитанда гартаагүйгөө, хүлгүй һэрбэгэрхэн һэрбээтэдэ гартааб. Намһаа энэ бэлэг аба,—гээд, гуяһаа ехэхэн мяха амхайсар хазажа абаад, гутаарта хаяжа үгэбэ. Гутаар «һам» гэн, тэрэ гуяынь мяхые залгижархиба. Залгихые залгяад, тэрэ мяхаа эдеэн болгожо шадабагүй. Тэрэнь досоонь харлаһаар харлажа, эльгэн болошобо. Урид гутаар эльгэгүй ябаа юм ха.

Һайрхуу гутаар хандагайнгаа гуяһаа хүртэһөөр:

— Хандагай, ши хара тайгын тураг аад лэ, ехэ тэнэг амитан байнаш. Хурдаар гүйһэндөө, торожо унахаа, үхэхөө һанажа байнаш. Шинии гүйжэ ябахада, би эндээ нэгэ газарта хэбтээ һэм,— гэжэ мэхэлһэн аргаа дууһан хэлэхэдэнь, хандагай ехэ сухалдажа:

— Мэхэшэ мэлигэр хара гутаарнуудые биса ниса дэбһэхэм,— гэжэ уһа уруу гүйжэ ерэхэдэнь, мүнөөхи мэхэшэ гутаарынь эрье дорохи нүхэндөө орожо хоргодобо. Нүгөө гэнэн гутаарнуудынь хандагайн хүлдэ биса ниса гэшхүүлжэ, ганса мэхэшэ гутаар һамгатаяа амиды үлөө юм ха. Үлэхыньшье үлөөд, тоһолиг эльгэтэй болохыньшье болоод, хандагай ерэжэ, маниие биса дэбһэхэ гэжэ айһандаа модо шулуунууд доогуур хоргодожо ябадаг болоо юм. Хандагай мүнөө болотор уһа уруу шагаажа, гутаараа бэдэрһээр зандаа юм гэлсэгшэ.

Хотоолой баатар

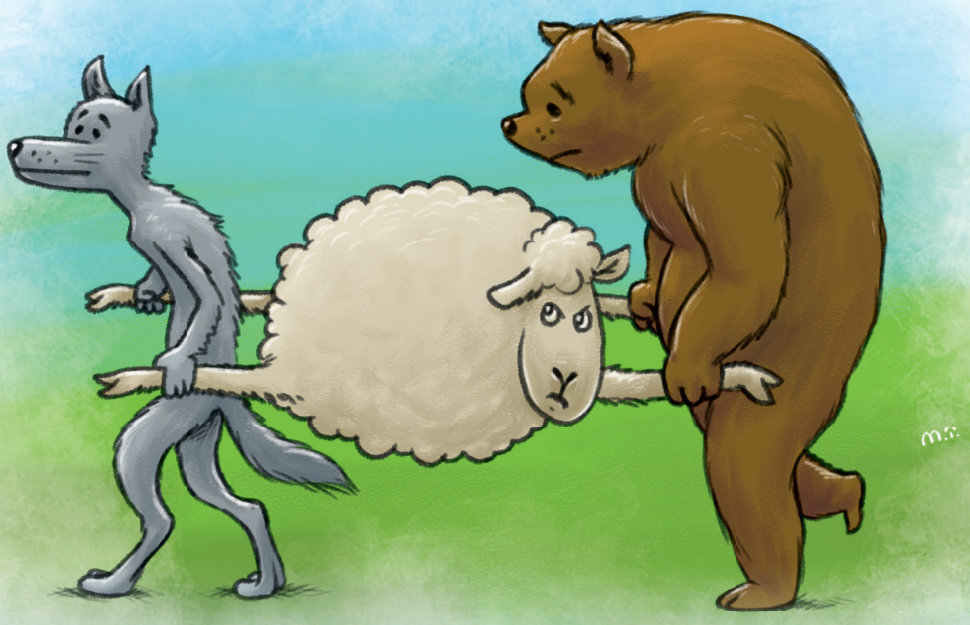
Үнэгые сэхэ һанаатай амитан гэжэ хэншье хэлэхэгүй. Хододоо мэхэ гаргажа ябадаг бшуу. Энээгээрээл бултанда алдартай хаям даа.

Нэгэтэ намар шоно баабгай хоёрые үнэгэн холоһоо хараад, ехэ түргэн тэдээндэ гүйжэ ерэбэ.

— Үнэгэн, юунһээ айгаабши? Хэн шамайе иитэрэшни намнааб?—гэлдэн шоно баабгай хоёр зэргэ асуубад.

— Хотоолой баатар хоёр хандагай алаад, мяхыень үлгөөд хатаажа байна, намайе алагша гү гэжэ тэрьелжэ ерэбэб.

— Хүн хадаа хүбүү басагадаа тэжээхэеэ алаһан байгааб даа, — гэжэ, баабгайнь хэлэнэ.



— Үгы, Хотоолой баатар гээшэш хүн бэшэ, холын оронһоо һая ерэһэн ан ха юм, — гэжэ үнэгэн харюусаба.

Шоно баабгай хоёр Хотоолой баатар ямар амитан бэ, хаана байрлааб, ехэ хүсэтэй юм гү? — гэжэ байгаад, һонирхобод. Үнэгэндэ энэл хэрэгтэй байгаа. «Гоходоо гохолжо, дэгээдээ дэгээдэжэ абаба хаб!» — гэжэ шэбшээд үнэгэн:

— Хотоолой баатарые хараха, үзэхэ дуратай хадатнай би харуулхаб. Тэрэтнэй ехэ мяхаша амитан юм. Таргахан хони асархат, битнай тэрээниие хүндэлхэб, та хоёрни холо байгаад хараарайгты,— гээд, тэдэнэр болзолдобо.

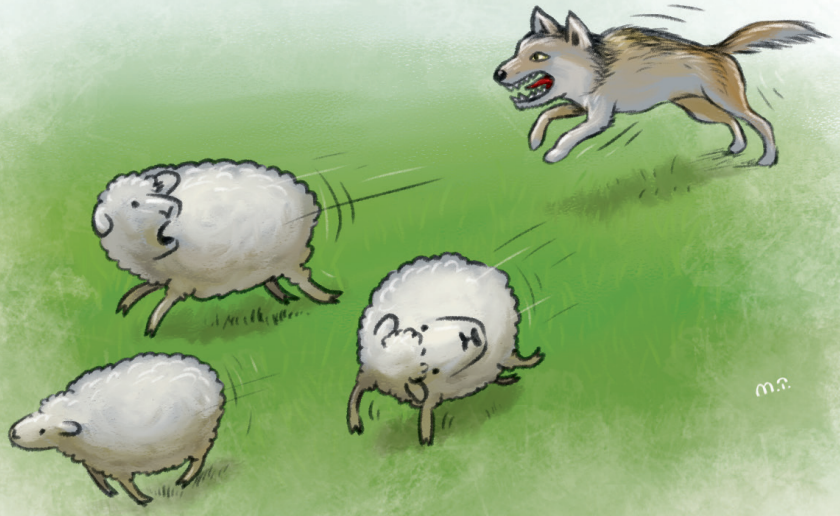
Болзорлоһон сагтаа шоно баабгай хоёр тарган хони асарба. Үнэгэн хоёр нүхэдөө хоргодуулба. Шононь үбһэнэй бухал доро хоргодобо. Баабгайнь үндэр нарһан дээрэ гаража, шэлбэһэн соонь хоробо.

Үнэгэн мануул миисгэйе дахуулжа ерээд, хониной мяха эдижэ оробо. Мануул миисгэй мяха эдихэдээ ехээр хэрхирнэ, хархирна. Шоно бухал дорохоо шагнаад: «Ай Хотоолой баатарынь ерээ хаям. Үрөөһэншье нюдөөрөө хараа хада һонирхолтой», — гээд, бухал дорохоон хушуугаа булгайлгажа эхилбэ. Тиихэдэнь мануул миисгэй тэрэниие хулгана гэжэ һанаад, гүйжэ ошобо. Шоно энэнь намайе барихань гээд, бурд гүйжэ гараад, хойшоошье харангүй ябашаба. Мануул миисгэйнь шонохоо сошоод, модон өөдэ гүйжэ гараба. Баабгай энэнь намайе барихаа ерэбэ гээд, айһандаа нугарһаа таһа унаад, үхэшэбэ.

Үнэгэн мануул миисгэйдээ: «Мүнөө шонод олоороо ерэжэ, хоро үһөөгөө абахань гээшэл даа», — гэбэ. Тиихэдэнь мануул миисгэй тайгада байхань аюултай байна гэжэ бодоод, губи газар тээшэ гүйшэбэ, мэхэшэ үнэгэн мяха ехэтэй үлэбэ.

Ангуудай суглаан

Ангуудай суглаан нэгэтэ болобо,
Аргагүй шухала асуудал табигдаба.
Арьяатан аймагаа урдаа hуулгаад,
Арсалан дарга элидхэл хэбэ:
— Шэнэлэн хубилалгада барандаа ороё,
Шүдэ hоёогоо ирзайлгахаяа болиё.
Арьяатан гэhэн хуушан ярлагаа
Абажа хаяя! Түргөөр hалгая.
— Зүб, зүб! — гэлдэжэ, hабарнуудаа hарбайбад,
Зүбшөөн баталбад, шэнэ дурадхал.
— Али болгон амитан зондо
Арьяатан гэжэ муушалуулхабибди,
Адуу малда добтолхогүйбди гэhэн
Шахуу тангариг булта үгэе!
Шэмхэжэ бэеэ үзөөд, ан бүхэн
Шэнэлэн хубилалгада ороё, гэлдэн,
Абаhан тогтоолдоо суглаан дээрээ
Аржыса hабараа табибад.
Шагнажа hууhан Шоно ирзайжа,
Шамдуухан Баабгайhаа hураба хаш:
— Шимни, нүхэр, юун гэжэ
Шэнэлэн хубилалгые hананаш?



— Зүбтэй юумэ хэлсэнэ гэжэ
Зүрхэндөө, нээрээ, дүтөөр һананаб.
Адуу мал бажуухагүйб гэжэ
Абаһаар тангаригаа үгэнэб.
Һанда һамар суглуулхаб,
Һамгандаа ногоо жажалуулхаб, — гээд,
Баабгай һууриһаа бодожо,
Бар тайгадаа бусаба.
— Хаял даа саашань, ойлгоногүйб:
Хайшан гэжэ Шоно өөрыгөө
Хубилган ондоо болгохо юм?
Хүлнүүдээ тайража хаяхамни гү?
Һобеогүй амхайжа ябахамни гү? — гээд,

Халба һүрэн Шоно арилба.
Һураһан юумэ һураар татуулшагүй,
Шоно хадаа шуналаа баришагүй...
Хойто үдэшэниинь харан гэһээмнай
Хонин һүрэгтэ добтолжо ябаһаар
Хаб байса ангуушанай
Хабхада хабшуулдашалай.

***

Шэнэлэн хубилха шэнжэгүй зариманда
Шонын ябадал хэшээл болуужа.
Һурамхи зангаараа һульмиижа ябабалынь,
Һургаха занга олдоно аабза.

Хүрэнгэ Сай хоёр

Түмэр пеэшэнэй түлигдэхэдэ,
Түргэн бусална, гүсэтэй Сай.
Хажуудаа торхогой Хүрэнгэдэ
Халажа захалхадаа халдалай.
— Харахадамни ходол шамай,
Халанашьегүйш, байнаш дуугай.
Сагаан эдеэ нэмэжэл байгша,
Садаха гэдэхээеэ болёогшо?
Халуун пеэшэндэ халаа хадаа,
Хаа-яа зугаалхаяа яанаш?
Хара торхыеш, халаг даа,
Халуун уһаараа сорьёһойб! — гээд,
Сошормог шабгансадал, газаашаа
Сай дэлбэрэн шааяшаба.
Хүрэнгэ Сайда хэлүүлһэндээ
Хүүршье хэлэнгүй бүтүүдээ
Хоро шараа хүдэлгэбэ ха.
Торхынгоо хабхаг хүрхэлзүүлэн

Тон удаан үндэлзүүлэн,
Эһэжэ гашуугаар гутаба ха.
Пеэшэнэй гал үни унтараа,
Пүшэгэнэһэн Сайшье намдаа.
Бэеэ зэмэлжэ, Хүрэнгэһөө
Хүлисэлшье гуйжа ядаа.
Эһэжэ бужаганаһан Хүрэнгэ
Үмхэй урьяһан зандаа.

***

Уур бэе зобоохо,
Уула мори зобоохо хадань,
Эһээжэ, удаан ябанхаар,
Эржэгэнээд номгороошонь дээрэ ха.

Семейские посиделки

Спраннего утра мать хлопотала по дому. Истопила печь и напекла пироги. Вытащила ухватом из печи горячий чугунок. Аромат топленого молока с кремовой пенкой и душистого деревенского хлеба с румяной корочкой наполнил комнаты дома. Позавтракав, я стал помогать матери по дому.

К полудню все хлопоты были завершены. Мать надела красное цветастое платье, шерстяную кофточку и плотно повязала голову шерстяным платком. Достала из шифоньера черные полуботинки с плетеными пряжками и примерила их. Постояв минутку у зеркала, надела тяжелые янтарные бусы. Взяла с кухонного стола покрытый белым полотенцем противень с брусничным пирогом, и мы пошли в гости к тёте Сане. Миновали мост через Тарбагатайку и свернули на улицу Ленина. Одетый в серый детский костюмчик, синие носки и красные сандалии, я важно нёс узелок пирожков с черемухой. Тетя Саня стояла у чисто вымытого окна светелки. Увидев нас с матерью, она заулыбалась и вышла открывать крепкий запор высоких деревянных ворот. Мы вошли во двор и поднялись по мытым до желтого цвета ступенькам широкого крыльца. В просторной горнице сидели подруги моей матери, наряженные в семейские сарафа-

ны. У всех женщин на голове были завязанные особым образом кички. Молодые незамужние девчонки на посиделки не пришли.

Дом-пятистенок, рубленный из толстого кругляка, блестел чистотой как снаружи, так и внутри. Я сразу же почувствовал горячее тепло трехведерного медного самовара. Начищенный до зеркального блеска, он стоял на самом важном месте, на толстом табурете из прочной лиственницы у русской печи. Тяга в самоварной трубе была хорошая. Жаркий огонь с гудением вылетал в круглое отверстие печной тяги, и вскоре самовар закипел. Минут через десять пламя затихло. Тетя Саня сбила водяным облаком жар прогоревших угольков и пригласила подруг за хлебосольный стол.

По старшинству и с особыми благопожеланиями женщины заняли места. Я как маленький гость сел рядом с матерью. Но сидя на окрашенной желтой лавке, я не видел самого главного: стопок нарезанных пирогов на белых тарелках, топленых жирных пенок, заваренной темно-глянцевой пастилки из черемуховой муки и ароматной халвы, поэтому пересел на высокий, обитый железом, сундук. Тетя Саня застелила его новым тряпичным ковриком ручной работы. Сидел я высоко и с нескрываемым любопытством смотрел на гостей. Первым делом хлебосольная хозяйка стала разливать горячий чай. Носик самовара «прикипел». Со второй попытки она прочистила березовой веточкой канал.

Горячий кипяток забулькал в фарфоровые чашки. Чай пили из блюдца, вприкуску с сахаром и с пирогами. Все немного вспотели. Капельки пота бежали и по моим покрасневшим щекам. Затем тетя Саня предложила подругам спеть песню. Все женщины за столом стали поправлять кички и богатые россыпи янтарных бус.

Первая песня была «тяжелой». Чем-то она напоминала жалобу на горькую женскую долю. Так в деревне только в поминальные дни голосили. Тетя Саня была вдовой. Муж её пришел с войны и вскоре умер из-за незаживающих ран. Подруги вытерли горькие слезы и спрятали мокрые платочки в узкие рука-

ва черных атласных кофточек. Я почувствовал, что песня не пелась, да и голоса женщин немного осипли. Тетя Саня достала из буфета темно-зеленый стеклянный флакончик и сказала:

— Девоньки, выпьем каплю для голоса!

Всем подругам она капнула чуть-чуть, по наперстку, и убрала флакон в буфет. Женщины выпили, порозовели и заулыбались. Сразу у всех окрепли голоса. Снова тетя Саня запела песню. Её голос зазвучал и медленно стал взлетать все выше и выше. И с каждым новым подъемом подруги подхватывали старинный мотив, и звонкие их голоса кружились, как горлицы вокруг звенящего голоса хозяйки. Песня, взлетев до наивысшего пика, приостановилась. Женщины набрали воздуха полные легкие и закончили песню в одной тональности. Снова певуньи достали из узких рукавов платочки и вытерли капли росинок на кончиках носиков. Исполненная песня всем сидящим за столом понравилась.

Тетя Саня увлажнила из блюдца свое горлышко и, немного смущаясь, обратилась к подругам:

— Сшила новый наряд. Юбки бравые получились, с атласными лентами, да вот крепко повязала. Дышать не вольно. Немного послаблю и споем.

Новую песню запели легко. С каждым новым запевом голоса поющих сливались в веселое многоголосье девичьей песни, по кругу поднимались ввысь и кружили, как птицы в небе. Голос каждой певуньи в свой черед взлетал на свою высоту полета и возвращался к подругам. В конце песни звонкие голоса слились в единый хор мотива. Незаметно девичий распев сменился тарбагатайской плясовой. Каблуки черных яловых женских сапог застучали о толстые плахи янтарно-желтого деревенского пола. Вскоре раздались звонкие переливы женских голосов, громкий стук деревянных ложек и нежный звон бубенцов. Я во все глаза смотрел на маминых подруг и не узнавал их. Помолодевшие, веселые, счастливые женщины радовались, как девчонки. Велика сила семейской плясовой!

Тетя Саня сняла со стены балалайку и тронула струны. Вмиг женщины перестроились на звонкий лад озорного инструмен-

та и попарно пошли в припляс. И я впервые увидел, как вместе с певуньями заплясал на столе горячий самовар, фарфоровые чашки, блюдца и серебряные ложки. Тучный самовар попыхивал в такт пляса горячим паром и тонким дымком непогашенного уголька...

Поход

В городской школе меня нередко называли деревенским. Не со злости, конечно, с ребятами у меня были хорошие и добрые отношения. Хотя первое время я был несколько замкнут и иногда сторонился шумных одноклассников. Вроде был таким же простым мальчиком: с серо-зелеными глазами, волнистыми каштановыми волосами, с прямым слегка острым носом, но деревенское воспитание нет-нет да и давало о себе знать.

Жили мы в частном доме, у детского сада, в поселке мельничного комбината. Первое время отец работал слесарем на мясокомбинате, а потом весовым мастером в комбикормовом заводе. Мать хозяйничала по дому. Старшие брат и сестры учились в вузах, я — в городской школе, с младшей сестрой нянчилась мать. Все дети воспитывались дома.

Тогда я учился во втором классе. Закончилась последняя четверть. Антонина Николаевна, учительница нашего класса, поставила мне с натяжкой «тройку» по русскому языку. Я обрадовался «успешному» окончанию учебного года и размечтался о летнем отдыхе. Но прежде чем отпустить учеников школы на летние каникулы, учителя решили сводить нас в поход. Я радостный прибежал домой и рассказал матери о предстоящем мероприятии.

— Мама, мы завтра всем классом пойдем в поход. Учительница сказала взять продукты, надеть теплые носки и сапоги...

— Хорошо, Петя, я всё приготовлю. Ты покушай, погуляй на улице, а я полы помою...

Я лихо зашвырнул на высокий шифоньер изрядно потертый за год ранец. После удачного избавления от ненавистных книжек и тетрадок схватил ломоть белого хлеба, накинул выгоревшую на солнце ватную телогрейку и выбежал на улицу. Там я встретил Воробьева Сережку. Он в отцовской кепке, новом ватнике и сапогах с важным видом прошел мимо меня.

— Ты куда? — поинтересовался я.

Он остановился.

— Куда-куда, в магазин, — бросил он через плечо. — Мамка полтинник дала. Куплю напиток, мелкий частик, печенье и леденцы. Завтра наш класс идет в поход. Пошли в магазин.

Услышав такое, я притих. Больше десяти копеек мне в школу не давали. Я почувствовал, как мои пальцы, словно кошачьи лапы, шумно заскребли в карманах телогрейки. Левый был пуст, а в правом лежал белый голыш. Денег у меня не было. Серега быстро догадался о причине долгого молчания и сказал:

— Ну ладно, я пошел.

А я от отчаянья полного безденежья достал из кармана камешек, прищурил правый глаз, ловко метнул голыш и попал в висящий на столбе фонарь. Тарелка сорвалась с железного крюка и глухо упала на землю, словно цепная гиря на голову часового мастера.

— Мы тоже в поход идем! — крикнул я ему вдогонку и взял деревенский зачин:

Ой, медведь ты мой батюшка,
Ты не тронь мою коровушку...

Серега взглянул на качающиеся провода, как Бах на струны сломанного рояля, и ушел в магазин. Вслед за ним потянулась вереница городских ребят и девчонок с эмалированными бидонами и банками для молока, с продуктовыми сетками и холщовыми сумками.

Мои родители ходили в магазин редко. Мать выросла на Урале и воспитывалась в строгой семье, где её отец и дедушка были

из поколения проповедников крепкой веры, в связи с чем она продолжала жить по-старому. Хотя наша семья была большая, семь человек, но мать всегда держала в запасе муку, крупу, сахар, молотую черемуху, варенье, кедровые орехи, подсолнечное масло, а также хозяйственное мыло, парафиновые свечи, соль и спички. Продукты в избытке хранились в ларях, эмалированных кастрюлях и оцинкованных бочках в казенке, а товары первой необходимости во флигеле. Хлеб, калачи, пироги и тарки мать пекла сама. Картошка, свекла, квашеная капуста, мясо, сало и лук не переводились круглый год. Былое строгое и прижимистое воспитание матери в семье моего деда давало о себе знать и в городе.

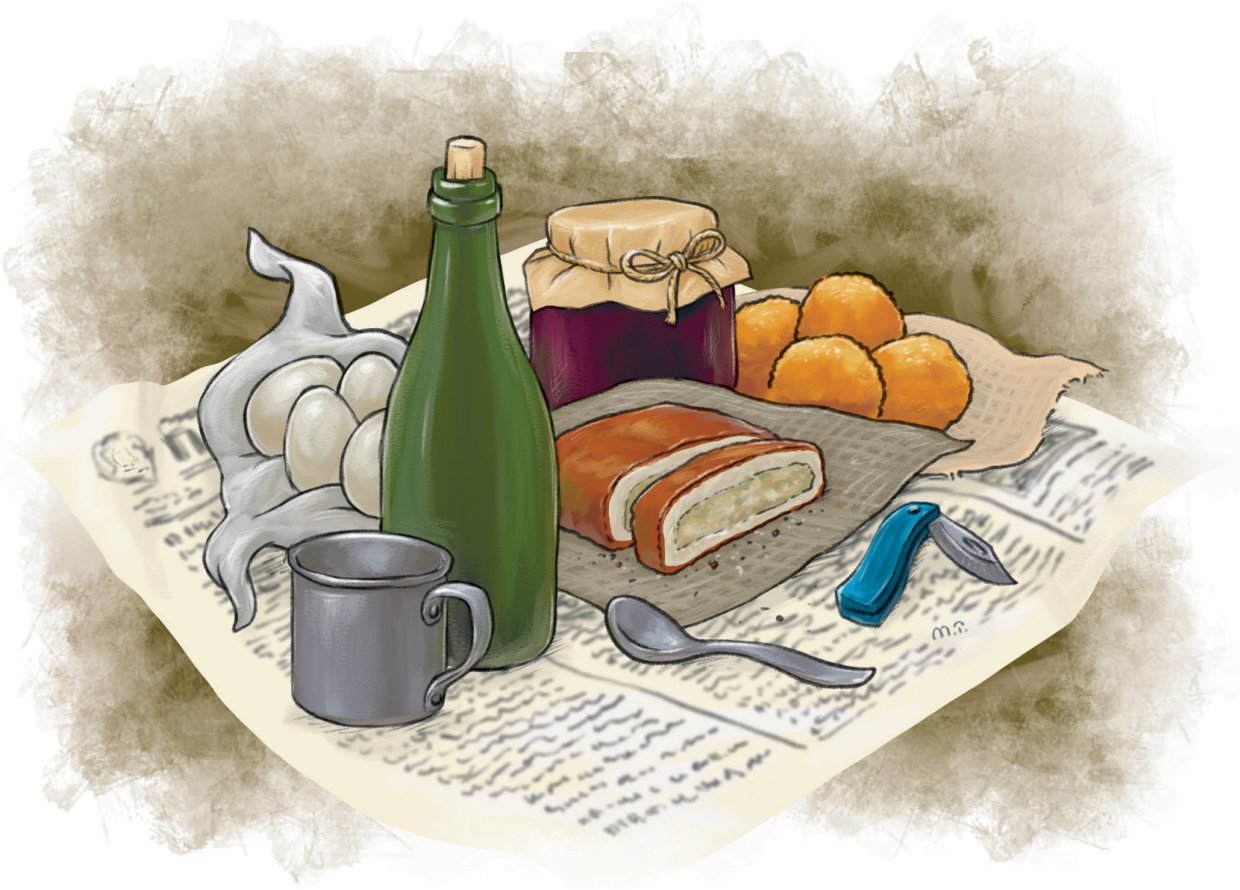
«Город не деревня, — говорила моя мать. — Запасов не имеет, живет одним днем».

Клянчить у мамки мелочь, как городские дети, мне было стыдно. Как-никак я ходил в школу и уже понимал, что содержать большую семью родителям было не просто. Лишних денег на детские капризы они не имели, а посему я до вечера играл с ребятами в ограде детского сада и был рад, что мне выпало свободное от домашних забот время. Поздно вечером я перелез через забор нашей ограды, незаметно вошел в дом и пробрался в свою спальню.

Прошла ночь. Рано утром проснулась мать. Взяла с плиты два чайника горячей воды и налила в умывальник. Вскоре пробудился отец, крепкий мужчина среднего возраста, человек спокойный и жизнелюбивый. Руки его были по-крестьянски большие, но добрые.

Батька долго брился и умывался в прихожей, а мамка готовила кашу. Нежный аромат томящейся пшенки и сливочного масла щекотал нос. Но вставать было рано. Моя очередь мыться и одеваться наступала не после завтрака и ухода отца на работу, а старших сестер в институты. Вскоре сестры проснулись. Надели халаты, ушли на кухню. Мать прикрыла дверь моей спальни. Я лежал в темной комнате и слушал капризы девчонок:

— Ой, мама, вода горячая! Подлейте холодной, — упрямилась старшая сестра.



— Терпи, терпи... — подбадривала её мать. — Холодной водой чисто не умоешься.

— Ой! Гребешок волосы дергает, — мучилась у зеркала с начесом волос средняя сестра.

— Возьми расческу, — посоветовала ей мать.

Вся долгая девчачья гигиена закончилась жирными плевками сестер в черную тушь для ресниц и долгим вытягиванием и подводкой тонких бровей и длинных ресниц у трельяжа.

Я заметил, что буквально за пару лет жизни в городе резко изменился облик моих сестер. Из простых деревенских девчонок они превратились в городских цац. Быстро отрезали косы. Покрасили в черный цвет короткие волосы и начесали на голове охапки «вороньих гнезд». Поменяли цветастые павлово-посадские платки и оренбургские пуховые шали на куцые береты. Теплые зимние пальто с лисьими воротниками — на

тяжелые дубленки и холодную демисезонную заграничную одежду.

Наконец сестры попили с пирогами чай и убежали на занятия в институты. Мать постояла у окна. Долгим взглядом проводила уходящих на остановку дочерей. Вскоре они сели в автобус и уехали в институты. Она заглянула в девчачью спальню. Поправила одеяло младшей сестры. Райка сладко спала. Затем мать вошла в мою комнату. Я давно бодрствовал.

— Расскажи, сынок, что приснилось?

— Да так, ничего...

— Вижу, давно проснулся, о походе думаешь, — прочла она мои мысли.

— О походе, — согласился я. — Мне еще надо сапоги почистить.

— Не волнуйся, они у печки стоят. Отец их помыл, посушил и кремом начистил. Блестят как новые. Можешь сегодня перед городскими девчонками женихаться, — пошутила она.

Я застеснялся и спрятал голову под подушку, а мать сходу догадалась.

— Наверно, отличница нравится, — быстро сообразила она. Я испугался разоблачения и натянул на голову одеяло.

«И откуда она знает, что Танька отличница мне нравится, а не двоечница Зойка...», — мучился я в догадках под душным одеялом.

— Вижу, Танька нравится, — догадалась о моих первых чувствах мать. — Ну, раз сегодня у вас поход, вставай, жених, мойся и кушай, — сказала она и вышла на кухню.

Я поднялся в хорошем настроении, натянул черные шерстяные штаны и красную фланелевую рубашку. Быстро прошел в прихожую и умылся остатками теплой воды. Посмотрел в зеркало. Лицо было чистое, мокрые волнистые волосы блестели, как шоколадная глазурь, глаза светились изумрудным светом. Я вытерся вафельным полотенцем и посмотрел в сад. На небе сияло майское солнышко. За окном стояла чудесная погода. На ветках ранетки набухли нежные кисти цветов и были готовы взорваться молочным цветом.

Мать стояла у окна и любовалась пробуждающимися красками природы.

— Весна, — сказала она.

— Ой, мне пора в поход собираться, — спохватился я.

— Петя, я все приготовила, — успокоила меня мама. — Сейчас ты поешь пшенную кашу, а я соберу еду и ты пойдешь в школу.

Мы прошли на кухню. На широком обеденном столе лежала походная еда: аккуратно упакованные в белый кулек пять крашеных пасхальных яиц, завернутые в вафельное полотенце куски рыбного пирога и румяные тарки, плотно закрытая чертежной калькой и крепко замотанная шпагатом небольшая банка черничного варенья и бутылка из-под шампанского с горячим чаем, крепко заткнутая мягкой пробкой. Рядом лежали солдатская кружка, ложка и складень.

Я посмотрел на продукты и сильно засмущался. Лицо моё покраснело.

«Рассказывать или не рассказывать?» — мучился я. Мама достала из комода холщовую сумку. Она почувствовала моё беспокойство.

— Что-то, Петя, не так?

Я опустил глаза и как капризный мальчик распустил нюни:

— Городские будут смеяться над моей едой. Ребята купили напиток, мелкий частик, леденцы, пряники и сушки, девчонки — сгущенное молоко, мятную карамель, печенье и шоколадные конфеты, а у меня деревенская еда: крашеные куриные яйца, рыбный пирог, домашнее варенье и чай с молоком.

Мать тяжело вздохнула и пристально посмотрела в мои глаза:

— Я положу в сумку еду, а ты сам решишь, что тебе делать, — брать или не брать её. Но без еды ты в поход не пойдешь... — недовольно сказала она и начала собирать домашний гостинец. Через пять минут я схватил холщовую сумку и убежал в школу. Скоро весь наш класс собрался в просторном кабинете. Все мои товарищи оставили без пригляда сумки с продуктами на подоконниках. Мальчишки бегали по коридору, дергали за косы девчонок. Те перешептывались с подругами и как глупые деревенские козы показывали им язык. Я спрятал сумку с про-

дуктами в парту и, как примерный октябренок, сидел и смотрел на Антонину Николаевну. С минуты на минуту кто-то из родителей обещал принести новое ведро для варки чая на привале, и мы должны были отправиться в поход.

— А ты, Петя, что не играешь? — спросила меня учительница.

— Да так, не знаю... — невпопад ответил я и крепко сжал сумку с продуктами.

Через пару минут пришел с ведром Мишкин отец. Он резко открыл дверь. Мощный поток ветра распахнул настежь плохо прикрытые рамы. Часть походных мешков и сумок упала на пол. Я увидел, как рассыпались бумажные кульки с конфетами и печеньем, раскатились стеклянные бутылки с газированной водой и рыбные консервы. Все бросились собирать купленную в магазине еду. Мне почему-то стало стыдно за свой домашний харч. Я расстроился и приуныл. Как мы дошли до леса, я не помню. На пригорке мои одноклассники развели костер и начали накрывать на поляне стол. Я постоял, посмотрел на городскую еду и решил кушать отдельно, помня, что мать всегда говорила: «С кусками хлеба по улице не бегай и чужих не объедай!».

В этом походе я сильно проголодался. Помыл в ручье руки. Где-то у края зеленого ельника притоптал прошлогоднюю траву. Расстелил мятую газету «Пионерская правда». Сверху бросил чистое полотенце, разложил домашнюю снедь и приступил к деревенской трапезе.

Иногда за густыми ветками ельника раздавались едкие смешки городских девчонок. А двоечница Зойка грызла сухой пряник и колко говорила:

— Петька деревенский, приехал в город из Тарбагатая, а там только домашние пироги кушают, в магазин за продуктами редко ходят и из одной посуды не едят...

Антонина Николаевна тихо шикнула на сплетницу и та быстро прикусила язык.

Пообедали, поиграли в мяч, а потом все сидели у костра, пели веселые песни и пили горячий чай с дымком. Вскоре солнце легло на верхушки зеленых сосен. Мы решили идти домой. Ре-

бята собрали пустые консервные банки, бутылки и конфетные обертки. Сложили в пустые сумки и мешочки. Весь походный мусор они взяли с собой. Мне собирать было нечего. Я схватил свои вещи и первым рванул в поселок.

По дороге доел кусок рыбного пирога и допил холодный чай. Вечером учительница пришла к нам в дом и рассказала о моём поступке:

— Ваш мальчик замкнутый, избегает общения с учениками класса. Кушает один. Это нехорошо...

Мать тактично промолчала, а учительница ушла. Я сидел у темного окна и смотрел на серое небо. Мне было больно и совестно перед матерью, что я постыдился выложить на походный стол приготовленную её руками вкусную деревенскую еду, но одновременно и рад, что съел её один.

Нечистая сила

В городе наступило Рождество. Ночью ударил мороз. Утром в каменном доме стало прохладно и неуютно.

Мать пришла из хлебного магазина и растопила печь. Я помыл лицо и прибежал на кухню. Сел пить чай с городскими баранками. За пять минут смёл со стола и сдобные, и молочные, и с маком.

Мама взгрустнула и вспомнила деревенскую пекарню. Там она пекла хлеб. Старая пекарня находилась за камушками, на другом конце деревни. Иногда мама работала днем — в первую смену, а иногда и до ночи — во вторую.

Тогда мне исполнилось шесть лет, отец с сестрами выкопали в поле картошку и положили её на хранение в подполье.

Я прибежал с улицы и сел на табуретку у кухонного окна. Ждал, когда отец закончит все дела по хозяйству и пойдет в хлебопекарню встречать мать. Она работала во вторую смену.

Ближе к полуночи мы с отцом вышли на темную улицу и свернули к мосту. Ветерок стих. Я услышал плеск воды. Внизу

бежала студеная речка. Отец поднял меня на руки и перешел мост. Вдали показались огни пекарни.

Сторож детей в пекарню не пускал, и, когда отец ушел в тестомесильный цех, я остался в сторожке пить сладкий чай с румяным хлебом. Веселый дядя Федя был очень добрым человеком. Он смотрел на гостя и приговаривал:

— Ешь, Петька, ешь калачи и шаньги...

Вскоре рабочая смена закончилась. Дядя Федя проводил нас до порога, попрощался с родителями, а в конце добавил:

— Легкой вам дороги и спокойной ночи....

Погода этой ночью резко изменилась. Сильный ветер нагнал на небо черные тучи, и стало совсем темно. Работницы пекарни подошли к реке. Неожиданно за мостом они увидели горбатую

старушку с седыми волосами, опирающуюся на черную палку. Она медленно шла навстречу людям.

Я не разглядел лица сухонькой бабушки, но увидел лунный свет на рукавах её дошки. Старая женщина тихо брела. Никто не слышал её шагов, как будто она не ступала по земле.

Работницы пекарни остановились и остолбенели. Возможно, старушка увидела людей. Она сбежала к реке, взвизгнула как поросенок и исчезла под мостом.

Женщины закричали:

— Караул!!! Ведьма!!! Нечистая сила!!!

Схватив крепко сетки с хлебом, бабы бросились через мост и разбежались по домам.

Мои родители стояли на мосту. Мать прочитала молитву, все утихло. Старой женщины не было видно. Только быстрая речка перекатывалась на черных камнях.

К утру по всей деревне расползлись ночные слухи. Старушки неистово молились. Ближе к обеду деревенские ребята собрались у моста. Следов сапог ночной старухи они не нашли.

Это невероятное событие произошло в деревне, а в городе наступил новый день и меня ожидали другие истории.

Двор

В семейской деревне все дома добротные, срублены из толстых бревен. Наличники на окнах резные, а ставни расписные. Одно загляденье. И у каждого дома есть двор, обнесенный высоким заплотом.

Выходя из дома, я сразу же бежал на задворки. Там отдыхали сытые свиньи. Откормленные и ленивые они довольно похрюкивали под лучами летнего солнца. А я тихо крался к ним. Свиньи видели озорного мальчика, но были настолько ленивы, что не вставали с лёжки и не убегали от деревенского шалуна. Я легко и быстро запрыгивал на спину самой жирной свиньи, а она с визгом вскакивала и стремительно неслась по двору.

В этот момент главное — подольше удержаться на свинье. Не свалиться и вовремя спрыгнуть на чистую землю, а не в грязную лужу. Иначе мать отправит мыть сапоги.

Кататься на свиньях было весело, но хлопотно. Больно много визга они на весь двор поднимали. Прокатишься разок верхом на свинье и убежишь к козлятнику. Раньше это был старый амбар.

Как-то вечером мы со старшим братом ходили закрывать коз на ночь.

— Наш амбар полон чертей... — напугал меня Вовка.

Я испугался рогатых «чертей» и дал большого стрекача. Прибежал домой и забрался на печку.

— Какой черт тебя нагнал? — спросила меня мать.

Но первой кормилицей крестьянской семьи была корова. Каждое утро и вечер она давала молоко. Моя мать каждый день три раза кормила и поила Красулю.

— Молоко у коровы на языке. Как её покормишь, так её и подоишь, столько она даст молока, сливок, сметанки, творожка, сырка и маслица, — приговаривала мама.

Все в деревне старались хорошо пасти своих коров. Рубили из кругляка добротные стайки и просторные сеновалы. Зимой заготавливали в лесу жерди, весной огораживали сенокосы, поливали их водой из рек или канав. Летом косили траву, сушили сено и ставили зароды.

Все лето коровы паслись вволю. Вечером пастух пригонял стадо в деревню. Каждая хозяйка загодя выходила встречать свою Красулю или Зорьку.

Наверное, никого так не ждали в деревне вечером, как ждали возвращение коров с пастбища.

Огород

В Тарбагатае, на Партизанской улице, все соседи имели по два огорода. В огородах со стороны реки выращивали зеленую мелочь, а со стороны горы — картошку. На каждом приусадебном участке стояло чучело, наряженное в старую одежду, с дырявым котелком на голове. Оно сторожило грядки и парники.

Но самым главным начальником на огороде был урожай. Правда, приходил он в деревню в конце лета.

С ранней весны на огородах трудились женщины, и я иногда слышал, как они волновались:

— Ох, девоньки, нынче-то урожая может и не быть. Три дня нет дождя, жара и суховей.

Но наступала осень.

— Урожай-то ноне в огороде богатый, — приговаривали они.

И я сразу представлял очень тучного и грозного великана в соломенной шляпе, у которого усы свисали с толстых щек зеленым укропом. Вместо носа у него — красная свекла. Глаза — помидоры. Щеки, как бока у спелой тыквы. Рубаха на нем зеленая

с цветами, как огуречная ботва, а шаровары из золотистой мешковины. Обут он в лапти, плетенные из лыка.

Мне всё казалось, что как только великан входил в огород, воробьи разлетались по заплотам, а чучело огородное снимало дырявый котелок с головы и докладывало своему начальнику.

— Сторожу огород днем и ночью.

А начальник отчитывал чучело за поклеванную воробьями рассаду, за помятую козами картофельную ботву, за потоптанный свиньями лук.

Но больше всех урожай ждали деревенские ребята. Первый огурец был самым сладким. Возможно, иногда и не воробьи, и не козы, и не свиньи безобразничали в огороде?

Деревенские ребята урожая ждали, а их матери трудились, переживали и готовились к встрече.

Оказывается, если в огороде заведутся засуха, сорняки и тля, урожая можно и не ждать. Поэтому с раннего утра женщины работали на огороде. Пололи грядки, лунки и парники. Носили в ведрах воду из канавы на коромыслах. Поливали лук-батун, огурцы, помидоры, свеклу, морковь, укроп, петрушку и капусту.

Как-то я увидел ладони моей матери, покрытые мелкими трещинками да зеленой растительной краской от прополотых сорняков и ботвы. Вот такие же ладони, подумалось мне, и у дяденьки урожая.

Алдарта Байгалнай

Байгаалиин баяниие шэнжэлжэ,
Байгал далайдаа хүрэнэл.
Эртэ урданай үльгэр түүхээрээ
Эршэтэй долгёороо угтанал.

Алдарта агуу Байгалнай
Арадуудые нягта нэгэдүүлнэл.
Арьяатанай нюдэ һаргаанал,
Ангар мүрэеэ билтарганал.

Форум, фестивальнуудые үнгэргэжэ,
Франци, Америкэһээ сугларнал.
Ондоошье олон гүрэнүүд
Омогорхон Байгалые магтанал.

Хэтэ мүнхэ далайгаа
Хүндэлжэ хамгаалхаяа хэлсэнэл.
Хаража хододоо сахиха
Хамаг зоной нангин уялгал.

Эхэ нютаг

Үндэһэн Буряад нютагтам
Үндэр хада ууланууд,
Үргэлжэ тойрон хизаартам
Үльгэрэйхидэл бурьялһан горхонууд,

Эхэ һайхан орондом
Эреэлжэ миралзаһан нуганууд.
Элдин үргэн бэлшээридэм
Эбэртэ, хушуута малнууд.

Эхын хэлэн

Эжы абадаа үргүүлхэдээ,
Эльбүүлжэ, эрхэлүүлжэ хэлэгдэһэн хэлэн,
Эхэ баян дэлхэйдээ
Элшэ нарандаа шарагдажа,
Эльгэлэн дуулаһан хэлэн.

Хөөрхэн байхадаа
Хормойень барижа, татажа,
Хөөрэжэ, уйлан гүйжэ,
Хашхаржа «Аа-һаа, э-жы!» — гэжэ
Хэлэһэн түрэлхи хэлэн.

Эхэ орондоо
Эхин һургуулиһаа
Эдэбхи зоригтой
Эрдэм һургаал шудалуулха
Эхын һайхан хэлэн.

Мүрысөөн

Халуун нажарай байхада,
Хонхор жалгын
Хүхэ ногоон дээрэ
Хүльбэрэн нааданаб.
Хүйтэн үбэлэй ерэхэдэ,
Хүбхэгэр саһан дээрэ
Халтиржа, һолжоржо,
Хүхюу шангаар
Хөөрэлдэнэб, аляарханаб.
Хабаяа мэдэжэ,
Харуулнаб мүрысөөндэ:
Хэмнай хурдан бэ?!
Хэмнай хүнгэн бэ?!
Хэмнай хэн бэ гэжэ,
Харюусаха болобобди.

Сагаалганда

Сүндүүг хобтоёо нээжэ,
Сэгээн торгоёо гаргаял,
Сээжэ зүрхөө хүдэлгэжэ,
Сэсэн зугаа захалаял.
Сагаан эдеэгээ бэлдэжэ,
Столоор дүүрэн табиял.
Сагаалганаа угтажа,
Сагаан сэржэм үргэел.
Хүндэтэ айлшадаа урижа,
Хоймор таладаа һуулгая,
Хэр угһаа зохидхон
Хэрэгтэй зугаа хэлсэе.
Хүбүүд, басагад барандаа

Хүндэтэй хүнүүд болоел.
Хамаг буряад заншалаа,
Хэлээ, соёлоо шудалаял.

Сентябриин нэгэн

Сүүмхээ нюргандаа зүүнхэй,
Сэсэгүүдээ гартаа баринхай,
Шэнэ хубсаһаяа үмдэнхэй,
Шабинар үйлсөөр гэшхэлнэт.
Баабай, эжынэрынь олоороо,
Багшанарынь барандаа
Баяртай, зоригтой сугларжа,
Бодол, түсэбөө баталнат.
Сэлмэг тэнгэриһээ заяатай
Сэсэн һургаал абахыетнай,
Сэдьхэл һайхан ябахыетнай,
Сентябриин нэгэндэ хүсэнэб.

Түрэлхи хэлэн

Түрэл орондоо,
Түрэһэн нютагтаа,
Тунгалаг агаартаа
Түнжэжэ үндынэб.
Тойроод миралһан
Тала дайдадаа
Тоомжолжо ханданаб.
Түрэлхи хэлээ
Тон оролдожо үзэнэб.
Түрэлхид, тандаа дурланаб.

ВЛАДИМИР МИТЫПОВ

Мамонтёнок Фуф

(Главы из повести-сказки)

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой приходит весна, а великан Рау поёт свою песню

Весна в тот год пришла рано. Всё вокруг, куда ни глянь, тонуло в сиянии огромного солнца. Небо светилось, как самый синий и прозрачный камень. Тающие сугробы искрились так, что над каждым из них стояла маленькая колючая радуга. Что ни день — тем всё больше становилось проталин, и в них дымилась мокрая земля.

В один из таких дней великан Рау, вожак стада мамонтов, что всю зиму паслось у границы Леса, отправил в рот охапку веток и почувствовал на языке вяжущую горечь весеннего сока. Высоко в небе тихо двигалось большое солнце и осторожно поглаживало тёплыми лучами бурый бок Рау.

Мудрый Рау не хуже нас с тобой знал, что в Белое Время солнце маленькое и совсем гладкое. И лишь с концом Белого Времени оно становится жарким, большим и косматым, как ма-

монт. Тогда-то и наступает Время Большого Солнца — лето, как называем его мы.

Все обитатели Земли, Воды и Неба — от огромного мамонта до крошечной рыбки — так и делили год: на Белое Время и на Время Большого Солнца.

Вожак был очень стар и суров. Его глаза видели, как во время огромных наводнений гибли в болотах северных равнин целые стада могучих мамонтов. От их предсмертных криков разбегались тучи и дрожала земля. Испытывал Рау и великий голод, после которого мёрзлые трупы мамонтов устилали землю не на один день пути.

Многое перевидел Рау на своём долгом веку, и оттого стал он недоверчивым и сердитым. Но каждый раз, когда после долгого перерыва в конце Белого Времени он видел в небе косматое солнце и чувствовал снова его тепло, ему почему-то начинало казаться, что он ещё совсем маленький, резвый мамонтёнок, гуляющий под присмотром своей заботливой мамаши.

Долго стоял мудрый вожак мамонтов, задумчиво горбя косматую спину. Потом он вскинул к сияющему небу хобот и протяжно затрубил, возвещая конец Белого Времени.

Вот о чём пел Рау в тот солнечный доисторический полдень:

Слушай меня, мой великий род!
Внимайте, могучие отцы,
Чьи спины подобны холмам!
Внимайте, матери, дающие жизнь!
Слушайте и вы, молодые мамонты,
Чей век и ум ещё не длинны!
Слушайте, рыжие мамонтята,
Послушные дочери и сыны!
Кончилось Белое Время,
Голодное время. Земля потемнела,
Сладкий сок по жилам деревьев
Струится, как в реках вода!
Сочные травы,
Обильная зелень,
Тёплые ночи,
Тихие дни

Нас ждут
Впереди!
Род наш могуч, и нет нам врагов.
Мы будем жиреть и множиться.
И сотни маленьких мамонтят
Будут топать по травам, резвясь.
И будет много у нас
Солнечных дней,
Звездных ночей,
Обильной еды.
И несметные сотни
Лет впереди!

Замерли могучие мамонты, опустили на глаза тёмные веки и, глубоко вдыхая, вбирали в себя сырой аромат земли. Вскидывали головы полные сил молодые мамонты, порываясь куда-то бежать. Останавливались в задумчивости пожилые мамонтихи, и вязкая жёлто-зелёная слюна тихо стекала с их губ. Только глупые ещё мамонтята, вскидывая петельками хвосты, неуклюже взбрыкивали задними ножками и теребили матерей за жёсткие бока.

Над окрестными холмами появились остроухие волчьи морды с подрагивающими ноздрями. Насторожённо понюхав воздух, они бесшумно исчезли. По своим непонятным делам спешил куда-то свирепый пещерный медведь. Услышав песнь Рау, он остановился, присел на задние лапы, и даже что-то вроде доброты на миг появилось в его маленьких глазках.

Пришло Большое Солнце! Оно пришло для всех: для слепых червей в подземных норах, для зоркого орла в просторном небе, для вековых деревьев, для трав, живущих лишь одно лето, для змей в камнях, для рыб в холодных струях бегучих рек, для безобидных мышей, для кровожадных тигров — для всех. Одно только солнце бывает так одинаково добрым ко всем без различия...

На следующее утро мамонтов здесь уже не было. Вслед за отступающим снегом ушли они своими извечными тропами туда, где за дымкой далёкого горизонта без конца и края раскинулись равнины Страны Мамонтов. Сотни стад, несметные тысячи косматых великанов собирались там каждое лето и вволю кормились до глубокой осени.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой Фуф с матерью отправляются на юг и появляется носорог Рум

Почему-то в стаде в последние годы мамонтята появлялись всё реже. Фуф был единственным за несколько лет. Поэтому Фуфина мама не чаяла души в своём сынишке. Уже которую весну она не решалась отправляться вместе со всеми в Страну Мамонтов.

Пока ещё не стало совсем тепло, они вдвоём медленно передвигались по широкой долине матери всех рек — Амгау и доедали то, что не успело съесть стадо за зиму. Фуф по привычке каждую ночь забирался под косматое брюхо матери. Тут, между четырьмя толстыми, как деревья, ногами и свисающими почти до земли космами шерсти, он прятался всегда — и в зимние метели, и в осеннее ненастье. До чего же это было славно — в морозную ночь осторожно высунуть хоботок из своего тёплого укрытия, оглядеть одним глазом белую равнину в стылом лунном блеске, дремлющих по соседству мамонтов и, тихонько взвизгнув от сладкой жути, отпрянуть обратно в уютную тесноту. В большие морозы мамонты тесно сбивались в кучу, согревая друг друга боками, и тогда Фуф отправлялся на прогулку по тёплому живому лесу, где деревья принимались вдруг переступать и переминаться, а вплотную нависший мягкий свод состоял сплошь из мохнатых урчащих животов.

Когда снег сошёл совсем и на деревьях стали разворачиваться клейкие ушки листочков, Фуф, держась за мамин хвост, отправился на юг. Там, среди невысоких скалистых горок в широких долинах, текло множество небольших речек — притоков великой Амгау. По берегам шумели берёзовые и буковые рощи, над водой нависали мягкие кустарники, а земля была покрыта высоким ковром сочных трав. Для стада мамонтов здесь, конечно, не хватило бы пищи на всё лето, но для Фуфа с матерью было вдоволь. И не только для них. Тут жили гигантские олени, горделиво носившие на голове целый лес рогов. Водились олени поменьше, дикие свиньи, целые стада красивых тоненьких косуль и антилоп. Здесь же где-то неторопливо и важно похаживал шерстистый носорог Рум — хозяин этих мест. Хоть ростом он был не намного меньше мамонта, пищи хватало и для него — он выглядел всегда сытым и самодовольным, несмотря на угрюмый и необщительный нрав. Этот неотёсанный верзила был дальним родственником мамонтов и потому приходился Фуфу кем-то вроде дяди. Он в первый же день притопал в рощу, которую облюбовали Фуф с матерью.

— Не советую ходить по тропе вверх по Амгау, — пробурчал он, пережёвывая в то же время целый ореховый куст.

— Почему? — встревожилась Фуфина мама, даже забыв выговорить ему за то, что он не поздоровался. По её мнению, это был дурной пример для Фуфа. С тех пор, как у неё появился сын, она нервничала по любому поводу, хотя вообще-то мамонты не боялись никого на свете.

— Люди, — буркнул Рум, озираясь исподлобья в поисках очередного аппетитного куста. — Они устроили на тропе замаскированную яму-ловушку. Прошлой осенью в неё угодили свиньи. Сразу полстада. Визг стоял такой, что на ближних деревьях свернулись листья. — Носорог презрительно хрюкнул: — Что с них возьмёшь, свиньи есть свиньи.

Рум повернулся и тяжело двинулся к следующему кусту.

— Что вы говорите? — забеспокоилась мамонтиха. — Люди? Это такие маленькие, на двух ногах и дружат с огнём?

— Хр-р, — подтвердил Рум. — Ради каких-то своих пустяковых делишек они готовы подпалить весь Лес. Но вы не бойтесь, в открытую они не решаются нападать даже на свиней. Когда в их ямы никто не попадает, они охотятся за сурками и выкапывают коренья.

Рум замолчал и, прикрыв глаза, с хрустом и причмокиваньем взялся дожёвывать куст. Он казался сейчас неуклюжим и добродушным. Бока его покрывал толстый слой засохшей грязи, потому что он любил целыми днями валяться в болоте. Насмотревшись на Рума, то же самое делали свиньи, и за это над ними потешался весь Лес. Но над Румом никто не осмеливался хихикать: очень уж грозно выглядели два рога, торчавшие на его морде. Особенно передний — ужасно длинный и острый. Даже злой пещерный медведь Харр, которому иногда взбредали в голову чрезвычайно мрачные и дикие шутки, про Рума никогда ничего плохого не говорил. Правда, и хорошего он тоже не говорил.

Фуф не знал всего этого. Он с любопытством разглядывал хмурого носорога и не испытывал при этом никакого страха. Ведь его мама была повыше ростом, а её огромные бивни были чуть ли не в два раза длиннее его рога. Поэтому Фуф смело по-

добрался к носорогу и уж совсем было изготовился потянуть его за смешно повиливающий хвост, но мать успела поймать шалунишку.

— Опять у тебя одни проказы на уме, негодник! — строго сказала она и наградила сынишку чувствительным шлепком. — Ты слышал, что сказал дядя? Вот если не будешь слушаться, попадёшь в яму, как те свиньи.

Фуф захныкал и тотчас спрятался ей под брюхо.

Мамонтиха вырвала куст, аккуратно обхлопала его об дерево, чтобы стряхнуть с корней землю, и не спеша отправила в рот.

Рум между тем шаг за шагом углублялся в чащу, так добросовестно расправляясь с кустами, что за ним оставалась широкая чистая дорога.

Когда сопенье и чавканье носорога стихли вдали, Фуф выбрался из своего укрытия и обиженно принялся за еду. Скоро ему это надоело.

— Ф-фуф, я больше не хочу... — капризно заныл он. — Мам, я пойду поиграю.

— Только далеко не уходи, — предупредила мамонтиха.

Фуф полез через кусты и сразу оказался на опушке рощи. Далеко-далеко он увидел горы. По цвету они походили на облака перед грозой — такие же белые, с синевой, только совсем неподвижные и острые вверху. А всё ровное пространство до них было покрыто травой. Невдалеке, опустив морды, ходили большие рогатые звери — бизоны.

Фуфу очень понравились маленькие бизончики — дикие телята. Они носились между взрослыми бизонами, презабавно бодая воздух и держа на отлёте хвостики.

— Ма-а-ам, — сказал Фуф, — смотри, кто тут ходит. Я пойду с ними поиграю.

Мамонтиха выбралась из кустов и посмотрела, куда указывал хоботком Фуф. У мамонтов было острое чутьё, но видели они неважно. Поэтому она долго и близоруко вглядывалась, пока разглядела бизонов.

— Тебе нельзя с ними играть, — сказала она. — Это чужие.

— А как это — чужие? — помаргивая, спросил Фуф.

И тут ему был дан небольшой урок. Мамонтиха никогда не упускала таких случаев и называла это воспитанием.

— Чужие — это те, — наставительно сказала она, — кто не похож на нас, живёт не так и ест не то. Мы живём на чистых равнинах, а чужие ютятся в сырых лесах, ползают в болотах или прячутся среди камней. Мы самые большие, а чужие все меньше, не ровня нам, понятно?

Фуф кивнул. Это было правдой: кто мог сравниться с мамонтами!

— Мамонт не может дружить с теми, кто меньше его. Он не должен вмешиваться в их ссоры, есть их пищу и ходить их тропами. Иначе он никогда не стал бы МАМОНТОМ.

— А как же дядя Рум? — подумав, спросил Фуф.

Мамонтиха поморщилась: она не очень-то жаловала его, хотя и признавала, что из всех живущих шерстистый носорог ближе других к мамонтам.

— От него ты ничему хорошему не научишься, — сдержанно сказала она. — Ты же видел, какой он грязный.

На этом она сочла воспитание законченным и снова аппетитно захрустела кустами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой мы встречаемся с Олой и дедом Учей и узнаём кое-что о старике Псо и Отце-Вороне

Ты помнишь, конечно, как Рум ругал людей? Скажем так: не стоит слишком-то уж полагаться на его слова. Во-первых, он всего-навсего шерстистый носорог, а что может знать о людях носорог, даже если он очень большой и сильный? Во-вторых, особенно умным его никто в Лесу не считал, так что ляпнуть что-то, не подумав, ему ничего не стоило. В-третьих, такой уж у него был характер, что за всю свою жизнь он ни о ком хорошо не отозвался. И наконец, если уж на то пошло, он никогда не мылся. Спрашивается: как же такому чудаку верить? Но, может

быть, Руму просто не везло и он видел только плохих людей? Такие тогда тоже были...

Кто знает, что сказал бы Рум, но род Большого Ворона, к которому принадлежала девочка Ола, нам бы, наверно, понравился. Это были храбрые и дружные люди, занимавшиеся охотой, собиравшие съедобные коренья, дикие фрукты, мёд и орехи. Жили они в хижинах со стенами из вкопанных в землю огромных костей мамонтов и носорогов. Крышей служили переплетённые рога оленей, а сверху ещё лежал толстый слой камыша, сухой травы и листьев. Посредине жилища на земляном полу всегда горел костёр, а дым уходил в отверстие в крыше. Стены были увешаны шкурами бурых медведей, диких коз и оленей. И на полу лежали шкуры. Окон не было, свет попадал через верхнюю дыру или вход, если он не был завешен шкурой, служившей дверью.

Когда Ола проснулась, вокруг было пусто. Видно, мать и старшие сестры вместе с другими женщинами ушли за травами и кореньями.

— Аф! — крикнула Ола и прислушалась. — Аф, иди сюда! Аф! Аф!

Приручённая Олой собака не отзывалась.

«Вот какой, даже не сказал, куда идёт», — обиженно подумала девочка и подошла к очагу. Он сильно дымил. Оле пришлось опуститься на колени и раздуть огонь, чтобы он горел сильно и ровно. Очаг был обложен гладкими камнями, и на них лежали большие, чуть подгоревшие куски рыбы, покрытые коричневой пузыристой коркой.

Торопливо позавтракав, Ола выбежала из хижины.

День обещал быть жарким. Солнце над дальним лесом было ещё по-утреннему красноватое, но уже ощутимо грело. Внизу, над рекой, стлался туман, рыхлый, с разрывами, похожий на облака.

— Аф! — ещё раз крикнула девочка.

— Убежал твой Аф, — послышался из-за соседнего жилища хриплый старческий голос.

Это был дед Уча. Он сидел на блестящем от долгого пользования черепе носорога и, подслеповато щурясь, куском песчаника шлифовал обломок мамонтового бивня.

— Всю ночь твой Аф лаял, а утром чуть свет убежал во-он туда, — дед Уча махнул рукой с камнем в сторону леса. – Наверно, к своим сородичам убежал. Зверь есть зверь, с людьми он никогда жить не станет.

— Но Аф мне говорил, что останется со мной навсегда, — огорчилась девочка.

Она присела на корточки рядом со стариком и потрогала пальцем расщеплённые кости. Тут же лежали острые каменные ножи, резцы, недоделанные бусы и фигурки зверей.

— Э-хе-хе, это как же ты с ним разговариваешь?

Никто не верил, что Ола может разговаривать с собакой, и дед Уча тоже не верил.

— Да я тебе уже столько раз показывала, – с досадой сказала Ола. – Вот слушай.

Она сложила губы трубочкой и издала негромкий звук — ворчанье и визг одновременно.

— Ишь ты, умница! — засмеялся дед Уча и погладил Олу по голове своей шершавой ладонью. — Смотри, что я тебе сделал, — спохватился он и, нагнувшись, вытащил из-под носорожьего черепа тонкий костяной кружок. На нём были вырезаны две сплетённые змеи с большими головами. В круглой пластинке было отверстие, чтобы можно было продеть ремешок и носить на шее.

— Это чтобы тебя змеи не трогали, — объяснил дед Уча, возвращаясь к своей работе.

Тут послышался кашель, и из-за ближайшей хижины показался вечно недовольный старик Псо. Он приблизился шаркающей походкой и остановился рядом, опираясь на длинную корявую палку.

— Опять твой выкормыш до утра спать не давал, — сказал он, уставив на Олу свой крючковатый нос. — Слишком много воли стали мы давать детям, вот что. Озорники растут, опасные выдумщики. Нет, в моё время дети такими не были. Худые времена настали. А что дальше будет?..

— Зря ты так, Псо, — заступился за Олу дед Уча. — В детстве и ты был озорник. Разве мало мы с тобой дрались тогда? Сказать правду, ты всегда норовил драться нечестно...

— Не помню такого, — пробурчал старик Псо. — Да хоть бы и так, всё равно мы были куда лучше нынешней детворы.

— И насчёт собаки ты зря, — посмеиваясь, продолжал дед Уча. — Смотрю, собака-то, оказывается, зверь полезный. По ночам голос подаёт, хижины сторожит...

— Э! — старик Псо махнул рукой. — Это ещё неизвестно, сторожит или, напротив, врагов подманивает — того же, скажем, пещерного медведя: «Вот где, мол, они, люди-то, тут они спят. Приходи, медведь, кушай и мне оставить не забудь!» Что, разве не так?

— Ты во всём видишь одно плохое, — Ола сердито шмыгнула носом.

— Хе-хе-хе! — очень довольный собой, старик Псо ощерил в ухмылке реденькие острые зубы. — Я всегда говорю: жить надо тихо. Чтоб никто не знал, где мы, что делаем, сколько нас. Кругом одни враги, это понимать надо. Никому не верь — целее будешь. Ни с кем не делись — жирнее будешь. И выдумки всякие бросить надо. Что нужно, то уже давно и не нами придумано. А от нового только вред. Вчера один сорванец выдумал тоже: хорошо бы, говорит, козу приручить, шерсть, мол, будет, молоко, мясо, шкура... Эка что придумал! А я ему: «Может, – говорю, – тебе ещё и дикого коня захочется приручить, дурак ты этакий!» Он смотрит на меня своими бессовестными глазёнками: «Что ж, – говорит, – может, когда-нибудь и до этого дело дойдёт». Тьфу, чего только не придумают?.. Нет, такие горячие головы остужать надо. Скажем, прикладывать к голове холодный булыжник. Или толстый конец дубинки. С размаху, конечно. Тогда другим неповадно будет.

— Постой! — опешил дед Уча. — Дубинку? К голове, с размаху? А потом что? Может, ещё и съесть посоветуешь?

— Н-ну... может, и не съесть, – глубокомысленно отвечал старик Псо. — Но с некоторой пользой употребить их можно. Скажем, набив соломой, сделать чучела. В назидание. Чтоб помнили и знали... А вот насчёт приручения разных зверей, то думаю так, глядя на Олу, старик Псо наставительно поднял палец. — Куда полезнее приручить тех же крыс хотя бы. Зверьки

тихие, не лают. Смышлёные и прожорливые. Можно бы натравливать их на поселения соседей, чтобы крысы пожирали у них съестные припасы. Соседи тощают, а мы, напротив, живём в довольстве. Стало быть, сила на нашей стороне. Полезно это? Полезно!

Дед Уча лишь сокрушённо помотал головой, выслушав такое. Ола молча таращила глазёнки на чрезвычайно оживившегося старика Псо. А тот, торжествующе взмахнув своей палкой, заявил:

— Ай да Псо! Умно придумал! Пойду поразмышляю, с какого конца взяться за такое большое дело.

После его ухода дед Уча и Ола долго молчали. Плохо им вдруг стало. И день как бы померк, хотя солнце светило вовсю, и весело сверкала внизу Амгау, и где-то радостно визжала детвора. Всё испортил вечно недовольный старик Псо.

Дед Уча мрачно шлифовал костяную заготовку. Наконец он приблизил её к глазам, вдумчиво осмотрел со всех сторон. Видимо, дед остался доволен, потому что взял острый прозрачный камешек и стал осторожно чертить им по кости.

Ола, затаив дыхание, следила за его рукой. На гладкой поверхности появилась фигура мамонта.

— Для наших охотников, — сказал дед Уча, отвёл руку и принялся издали рассматривать рисунок. — Зимой, помнишь, они ходили на охоту с моими бычьими амулетами и добыли трёх бизонов? Сделаю вот этот, и охотники пойдут за мамонтом, чтобы запасти на зиму мясо.

Дед время от времени искоса поглядывал на Олу и чему-то про себя лукаво улыбался. Внимание же Олы целиком было поглощено изображением мамонта.

Дед Уча отложил свою работу, погладил редкую седую бороду и не спеша произнёс:

— Сегодня утром ещё до солнца я вышел из жилья, чтобы посмотреть, не вернулся ли Отец-Ворон.

Ола вскинула на деда вмиг загоревшиеся глаза:

— Ты видел его, дед? Видел, да?

Дед Уча вместо ответа оттопырил ладонью ухо и к чему-то прислушался. Потом он встал, поманил пальцем Олу и на цы-

почках пошёл вокруг хижины. Осторожно заглянув за угол, он повернулся к девочке:

— Смотри, вот он!

Неподалёку, посреди круглой утоптанной площадки в центре селения, возвышался резной столб. На самом верху его висел рогатый бычий череп. На нём сидел большой сутулый ворон. Сразу было видно, что это очень старая птица. Это и был Отец-Ворон, покровитель рода. Он лениво поглядывал по сторонам и изредка гулко долбил клювом по черепу.

— Прилетел! — радостно ахнула Ола. — Значит, сегодня можно плыть к духам охоты? И ты возьмёшь меня с собой? Ведь ты же обещал!

— Да, наступило время Большого Солнца, и Отец-Ворон снова вернулся к нам, — торжественно сказал дед Уча. — Сегодня я должен посетить духов охоты. Я возьму тебя с собой, потому что ты когда-нибудь станешь предводительницей рода, как твоя мать. Тебе надо увидеть духов удачной охоты!

Они вернулись, и дед стал аккуратно собирать свои инструменты.

— Надо спешить. Плыть далеко, а к вечеру нужно вернуться, — бормотал он. — Спускайся к лодкам! — крикнул он, уходя в свою хижину, я скажу, чтобы мои домашние присмотрели за вашим огнём.

Солнце стояло уже высоко. По стойбищу с криками носились дочерна загоревшие малыши. Зябко кутаясь в облысевшие шкуры, ковыляли дряхлые старушки.

Тумана над рекой уже не было. Дул лёгкий ветерок, и вся необъятная ширь могучей Амгау была покрыта мерцающей рябью.

Ола ещё раз позвала свою собаку и по крутой, осыпающейся тропинке спустилась к реке. На берегу вверх днищами лежало десятка два лодок. Это были очень простые и надёжные челны: пропитанная жиром бизонья шкура, натянутая на крепкий каркас из гнутого дерева.

Ола успела искупаться, пока подошёл дед Уча. Он принёс кожаный бурдючок с краской и кусок испечённого в золе мяса.

Плыли под самым берегом. Там течение было совсем слабым. Дед неторопливо грёб, стоя на корме. А Ола подняла со дна лодки острогу с костяным наконечником, свесилась за борт и замерла, подстерегая рыбу. Изредка она морщила нос от солнечных бликов, однако ни на миг не ослабляла внимания. Острога в её поднятой руке слегка покачивалась, словно тоже высматривала добычу. И вдруг — удар, рывок, и по дну лодки запрыгала большая окровавленная рыба. Её дед Уча с Олой тут же съели, а остальной улов складывался в лодку.

Бэлэг

Булган гүйжэ ошоо... Үбэлэйнгөө амгалан нойроор нойрсоһон багахан горхон дээгүүр хүндэлэн гараа. Саада эрьедэнь дошотоһон хүр саһан дээрэ хурса хюмһатай һабарнуудаараа тамгаханууды дараадхёо. Удэшын жабар улам бүри шангадан, ангуушанай малгайн хасабшанууды бурзан сагаан сэн болгон гоёоно. Хара ногооноор занатаһан ой дээгүүр тэнгэриин хаяа улайрна. Һулахан гэрэлтэй үбэлэй наран орохо тээшээ шиидэһэн хэбэртэй...

Теэд ангуушан сүхэрнэгүй, богонихон аад, үргэн санаяа һолжоруулан, яаралгүй алхална. Модоной мүшэрнүүдые анхаралтайгаар ажаглан ябана. Гэнтэ хасууриин мүшэр хүдэлжэ, дээрэхи саһаниинь уйгаагтан унаба. Барда нохойнь ойн суурятаса дорьбоо ехэтэйгээр хэды эды хусаад, булганай хойноһоо баһал даб гэбэ даа.

Галдан гүйдэлөө түргэдхэбэ. Бүхэли үдэртөө гүйжэ ябана, хаанаһаа иимэ ехэ шадал олоноб гэхээр... «Үгы даа... алдахагүйб»,— гэжэ ангуушан бодоно. Тиигээд баһа Шэнэ жэл газаа орожо ерээ гэжэ зүрхэеэ долгисон һанана. Энэ булган юрын булган бэшэ ха юм. Залуу ангуушан, буряад хүбүүн Галдан, арбан булга барижа, Эхэ орондоо шэнэ жэлэй бэлэг үгэхэ гэжэ шиидэһэн байгаа. Юһэн булга барижа, гүрэнэй питомнигто тушаагаа. Энэ намнажа ябаашань арбадахинь. Одоошье хүсэбэб, одоошье минии болобо гэжэ һанан гэһээнь, булган тэрьедэжэ ошоно.

Тээ урдань, ой тайгын сууряатаса, Бардынь гүйдэл дундаа хусахань дуулдана. Шагнаархахадань, нохойн абяан улам бүри баруун тээшээ годирно хэбэртэй. Байгал худар намнаба гэжэ Галдан бодоод, хада уруу һолжорон оробо. Хойнонь сана тооһон мушхарна.

Бардань бүри ойрохон аад, нэгэ газарта хусаба. Модолуулба хаяаш гэжэ Галдан һанаадхиба. Урдань модоной хоорондуур хүхэлби сагаан тала харагдаба. Удангүй Галдан абар-табар сагдуул хасууринууд ургаһан соорхойдо хүрэжэ ерэбэ. Соорхойн тэг дунда хатанхай арьягар шэнэһэн харагдаба. Дээгүүрнь хара хүхэ тэнгэри сиидынэ. Бардань энэ шэнэһэн өөдэ аһажа, урда хүлнүүдээрээ холтоһыень һаршаганаса һабардана.

Галдан санаяа мулталаад, бишыхан хасууринуудай хоорондуур шэнэһэн тээшэ ошобо. Эзэеэ харахадаа, Барда бүри шангаар хусаба. Галдан шэнэһэн өөдэ анхаралтайгаар хаража байтараа, булгые одоошье обёоржорхибо. Булган бүхэтэр бүдүүн гэшүүһэндэ няалданхай, ута хүзүүн дээрээ забдагүй хүдэлһэн, түхэреэхэн шэхэтэй тархинь тэнгэриин хаяагай гэрэл һүргэ яһала элеэр харагдаба.

— А... һууна гүш? — гэжэ Галдан баярлаһандаа эзэлүүдгүй дуугараадхиба.— Һуужал һуулши, һуухадажал һуулши,— гээд, Бардадаа эмнеэдхибэ. Нохойнь булган өөдэ гиинан хусана.

Аяар тэрэ саана, Байгалай эрьеын хаданууд дээгүүр, үдэшын толон һүнэжэ байна. Галдан араһаа сүүмхэеэ абажа, зосоохоонь нарииханаар шэнхинэлдэһэн бишыхан хонхонуудтай, бүхэ сагаан ниидхээр оёгдоһон гүльмэ гаргаба.

— Гүльмэеэ табитарни һайса хараад байлши,— гэжэ Галдан Барда нохойдоо аргаахан дуугарасгаан, шэнэһые тойруулан нариихан ута гадаһануудые хадхасагааба. Тиигээд нохойгоо дуудажа, холо болгоод, тэдэ гадаһануудтаа гүльмэеэ үлгэбэ.

— Зай, иигээд лэ һуужа һуулши, хашартараа. Баһа мэхэлхэб гэжэ бү оролдооройш,— гэжэ харлагша ой тээшэ яаралгүйхэн гэшхэлбэ. Барда гэдэргээ хаража ябаад, хойноһоонь хатарна. Ойн захада хүрэжэ, томо хасууриин доро һуужа, Галдан сүүмхэ сооһоо хилээмэ гаргаба, хилээмэнһээ нохойдоо үгэлсэбэ.

Бишыхан соорхойн дунда түглыһэн хатанхай шэнэһэн тээшэ Галдан алдангүй харана. Хонхонуудай жэнгирхые хоюулан хүлеэнэд. Тэдэнэр түрүүшынхеэ иигэжэ һуунагүй, үнэтэ ан хэдэн часаар иигэжэ һахижа, олзолдог байгаа ха юм.

Хэды шэнээн һууһанаа Галдан хүсэд мэдэнэгүй, нилээн удаан болоһон хэбэртэй. Ой модоной үргэлжэ шааяан дундуур гэнтэ хонхын аргааханаар шэнхинэхэ абяан дуулдахадал гэбэ. Бард залд гэжэ бодоод, шэнэһэн тээшэ гүйшэбэ.

«Гүльмэдэ оробо хаш... Алдаалгүй һаа...» — гэжэ Галдан һанаха зуураа хүр саһан соогуур унан алдажа ябаад, нохойнгоо хойноһоо гүйжэ ошобо. Гүльмэдэ орһон булган сагаан саһан дээрэ харлан һүрэнэ, тэршэлнэ, бэеыень орёоһон юумэһээ мултарха гэжэ оролдоно. Галдан бишыхан клеткэ соо булганай шүрбэһэлиг бэеые барижа хэбэ.

Булган клеткэ соо хаагдаад, тархяараа решётко мүргэн иишэ тиишээ эршэгэнэн хүдэлнэ, сухалтай нюдэнүүд соонь түүдэгэй гал ялалзана...

— Харыш, Барда. Ямар һайхан булга баряабибди... Ehотойхон лэ бэлэг болохо даа! — гэжэ Галдан баярлана.

Ойрохон байһан ой ханатан харагдана. Гансал булганай клеткэ соо һаршаганахань дуулдана. Түүдэгтэ удхалагдаһан хуурай гэшүүһэд урматайгаар носоно...

Тула

Табадахи класс дүүргэһэн жэлдээ артелиингээ үбһэ хуряалгада ябалсаа һэм. Һургуулиингаа тарахада, манай колхозой үхибүүд таряанай бог үбһэ түүлсэжэ, үбһэ хуряалсажа, артельдээ туһалдаг байгаа. Намтай сугтаа һурадаг Ринчин, Даша, Дугаржаб гэжэ хүбүүд минии ябаһан бригадада мүн лэ хүдэлөө һэн.

Боори гэжэ аргагүй һайхан газарта манай бригада ерээд байба. Баруугаарнь шэнэһэ, хуһа, нарһа ургаһан ой. Зосоогуурнь ябахадашни, арса, тэрэнгиин үнэр хамар сорьён, хоншууханаар анхилдаг. Тиигээд тэрэнгиин һалбархада, ой соо хуу ягаараад, аргагүй гоё болошодог. Зүүгээрнай, абар-табар бургааһа һөөгүүдэй хоорондуур Хүсөөтэ горхон хүйтэн сэбэр уһаяа мэлмэрүүлдэг. Тэрээниие ойро зуурашье оймоходоо, хүлнүүднай гансата дааража, тэсэшэгүйгөөр янгинагша бэлэй. Теэд үдэрэй ааяма халуунда бухал табижа табижархёод гү, али үбһэ тармажа тармажархёод, үдын эдеэлгэнэй болоходо, бии шадалаараа харайлдажа, горхоной эрьюулгэ соо шунгаад, тэрэ бэеэрээ гүйлдэжэ гарагша һэмди. Сэб хүйтэн аад, харьялаа түргэн урасхалта уһанай сохисые хэршье халуудаһан хүнэй удаан тэсэхын аргагүй юм.

Боори ерэн сасуу гурбан тээһээ модон ханатай, шэнэхэн дараанса хушалтатай, зөөхэдөө ходо абаад лэ ябадаг отогоо тэрэ үдэшэндөө табибабди. Зосоонь оронуудаа хуряажархёод, боргооно, мухар бошхонуудые намнахаяа аргалаар унай табяад, үльгэр таабари хэлсэжэ, Сэдүүгэй эжын эдеэгээ болгохыень хүлеэжэ һуунабди. Урда үдэрынь бороо оросогооһон аад, мүнөөдэртөө сэлмэжэ, нара сагаан, һөөл зохид үдэшэ болобо. Харанхы болохо тудам огторгойдо одо мүшэд олошоржо, захагүй иралан, ялаб-ялаб гэлдэнэ. Хүсөөтые уруудан, үдэшын һэрюухэн һэбшээн үлеэнэ.

— Үглөөдэрынь айхабтар халуун болобо. Урид зөөжэ ерэһэн машинистнүүдэй сабшаһан үбһэн хаташанхай. Даша бидэ хоёр зээрдэгшэнүүдээ хүллөөд, тармажа оробобди. Ринчин, Дугаржаб болон бэшэ үбһэшэд үглөөнэй шүүдэрээр үбһэ сабшаад, һүүлээрнь бухал табижа эхилээ һэн.

Үдын эдеэлгэнэй үедэ нэгэ иимэ ушар болобо. Би морёо мультажа уһалаад, аргамжаһанай һүүлээр, нэгэ шунгаадхиха һанаатай эрьюулгэ тээшэ горхоной эрьеэр ябажа ябабаб. Гэнтэ харан гэһээм, харьялаашье бэшэ, нам урадхалтай аад, оёортоо ногоон замаг унжуулһан үбдэгсөө шахуу гүнзэгы газарта алда хахадай шэнээн ута, хара хүрин нюргатай, моотогоршог тар-хитай загаһан удаахан үгсэжэ ябаба. Хүсөөтэһөө хадари, зэбгэ яһала баригшалди. Теэд иимэ томо загаһа оройдоошье хараагүй байгааб. Тула гээшэ ха гэжэ һанабаб. Загаһые харан сасуугаа доошоо, ногоо уруу һуушахатаймни адли загаһан намайе баһал харажархёо ха, уһа өөдөө зурагад гэшэбэ, уһан хаха эсхэгдэн долгилшобо. Бишье отог тээшээ харайшабаб.

— Ринчин! Ринчин! Даша! Дугаржаб! Ябыт түргөөр! Загаһа харааб! Аймшагтай томо загаһан!— гэжэ хашхарһаар отогтоо гүйжэ ерэбэб. Теэд Ринчин Дугаржаб хоёр үдынгөө эдеэлгэндэ үшөө ерээдүй байба. Харин хамагһаа түрүүн ерээд, олообшоёо тайлажа һууһан Даша урдаһаамни угтан гүйжэ бодоод:

— Юун? Загаһан? Томо гү?—гэжэ мэгдүүгээр дуугарба. Би амияа абажа ядажа байһан аад, тархяа дохин, арайш гэжэ харюусабаб:

— Аймшагтай томо.. о!.. Алда хахадай шэнээн...

— Алда хахадай шэнээн?

— Алда хахадай шэнээн хари. Тула гээшэл ха.

— Тула?—гэжэ Даша ехэ сошордонгёор, һөөлдэнгир хоолойгоор шэбэнэн һагад дуугараад, хүн дуулана аа гү гэһэндэл иишэ тиишээ хараашалаадхиба. Тэрэнэй тагнагар хамарынь һарнаг-һарнаг гэжэ хүлһэ бушхан хүдэлнэ, нюдэниинь елэлзэнэ. Иигэжэ, нэгэ хэды бодолгото болон байтараа Даша гэнтэ хамсыһаамни татажа шэбэнэбэ:

— Радна! Гүйлдэеы, бушуу гүйлдэеы!..

— Ринчин Дугаржаб хоёроо хүлеэел үгы... Хүлеэхэ бэшэ гүбди?..

— Орхил даа саашань. Хүлеэһээр байтарнай тулашни арилшана бэзэ... Тиимэ олоороо ошоод яахашниб. Ерэхэдэнь, тула алаад байхадамнай ямар гоё гээшэб, яатараа атаархаха гээшэб! — гэжэ Даша намайгаа аргадана.

хирбэ. Тиимэ ехэ гүнзэгышье эрьюулгэ бэшэ юумэл, оройдоо үбсүүсээнь болохо байгаа ёһотой. Теэд Даша уһа уруу гэнтэ унаһандаа ехээр сошордожо, хүлөө оложо ядан, миил арбаганажа байгаа бэлэй. Би хажуудань гүйжэ ошоод, асаяа һарбайбаб. Даша асаһаамни бүхөөр шагтагалдаба. Энэ үедэ араһаамни гэнтэ Ринчинэй гайханги абяан дуулдаба:

— Ши иихэдээ юу хэжэ байнаш?

— Тула барихаяа һанаад...

— Аа... Тула гү? — гэжэ Ринчин энеэгээд, ойронь байһан Дугаржабтаа эмнибэ: —Зай, тиигээ һаа, Дугаржаб, татажа гаргалсахамнай бэшэ гү? Радна гансаараа диилэжэ ядажа байна ха юм...

Тэдэнэр эрье доро гүйлдэжэ ороод, «Пээ!.. Яагаа томо тула гээшэб! Бүхөөр бариит, мултархань лэ!» гэлдэжэ хүхилдэн, Дашые эрьюулгэ соохоо гаргалсаба. Шудхуулһан хулгана шэнги шобтогор болошоһон Дашаяа хаража, булта энеэлднэбди. Тиигэлдэжэ байтараа мүнөөхи тулаяа һанажа, эрьюулгэ уруу харабаб. Тэрэмнай үгы болошоһон байба.

— Туламнай үгыл! Хари хэлээл һэмнэйб даа,— гэжэ хубсаһаяа тайлажа байһан Дашадаа хашхарбаб. Даша самсаяа тайлаад, шэшэргэнэһэн бээрэнги хоолойгоор енгүүтэйхэнээр дуугарба:

— Тэрэшни шамһаа үргөөд, у-һа өөдөө зурыш-на һэмнэй даа. Тии-гээд лэ би-би... хадхаха гэ-гэхэдээ унаш-на хам-найб даа...

— Юун? Нээрээһээ тула гү?—гэжэ Ринчин Дугаржаб хоёр гайхаба.

— Нээрээһээ даа, нээрээһээ,— гэбэб.

— Теэд бэдэрээыл түргэн! Холо ошоогүй ёһотой,—гэжэ нюдөө елэлзүүлэн дуугараад, Ринчин горхоной эрьеэр түрүүлэн даб гэбэ. «Холо ошоогүй байха даа», «дүтын нэгэ эрьюулгэ соо тогтоо ёһотой» гэлдэн, бидэнэр асануудаа баринхай, хойноһоонь гүйлдэбэбди. Урдамнай ябаһан Ринчин гэдэргээ эрьежэ:

— Бү гүйлдэгты, бү шууягты, аргаахан ябагты,— гэжэ зонхилно.

Иигэжэ, бургааһа һөөгүүдэй хоорондуур маряһаар ябатараа Ринчимнай гэнтэ зуг татажа:

— Тэрэ ябана! — гээд, нэгэ багахан эрьюулгэ уруу хургаараа заажа шэбэнэбэ. Ринчинэй заагааша уруу үлылдэн харахадамнай нөөхи туламнай эрьюулгын оёорто хэбтэбэ. Һүүл, һэрбээ-

нүүдынь аргаахан хүдэлнэ. Дүрбүүлэн шэбэнэлдэн хөөрэлдэнэбди.

— Хоёрнай эрьюулгын хоёр тээ амадаг, нэгэмнай эрьюулгэ соо орожо, загаһые үргөөг, нэгэмнай эрье дээрэ үлөөд, загаһанай хайшаа ошоһыень хэлэжэ байха,— гэжэ Ринчин дурадхаба. Энээнииень булта зүбшөөбэшье, уһан соо орожо, загаһа үргөөхэ хүмнай олдожо үгэбэгүй. Ринчин сухалаа хүрэжэ:

— Ямар өөдэгүй амитад гээшэбта. Загаһан хазаха аабза гэжэ айна гүт? Би орохомни,—гээд хубсаһаа түргэнөөр тайлаба. Дугаржаб бидэ хоёр эрьюулгын дээдэ, доодо хажуудань асануудаа далайгаад жагсабабди. Ринчин эрьюулгэ соо орожо, һугасаа татуулан, загаһые эрьюулбэ гээшэ. Дашамнай эгээн набтар бэетэй хадаа эрье дээрэ үлөөд, загаһанай хайшаа ошоһые Ринчиндэ заажа, гараараа нэрэ һурагүй зангаи: «Тэрэ, тэрэ ябана!»— гэжэ байжа хашхарна. Агнууридаа шунашаһан бидэнэр хүлэйнгөө дааража, мэнэгэр улаан болошоод, янгинажа байһые мэдэнэгүй хабди. Загаһан минии хажуугаар гарахаяа ябатараа, намайе хараад, һөөргөө годиршобо. Би бишыха хожомдожо, уһанай оёорой хайр хард байса хадхаад лэ гээгдэшэбэб. Тэрэшье бэзэ, эрьюулгын дээдэ тээ байһан Дугаржаб минии харагаар байтар асаяа уһа уруу шаажархиба. Уһан сагаалхижа, загаһанай һүүл аймшагтайгаар хүдэлнэ, мушхарна, уһа сохино. «Хадхагдаа!» — гэжэ Даша дээрэһээ хашхаран, эрье уруу унаагүйхэн байна. «Дара шангаар! — гэжэ уухилан, Ринчин загаһан тээшэ дабхин, бэлхүүһэсээ татуулба. «Дараад бай!» — гэжэ би ооглоод, эрьюулгын захаар таба-зургаа харайхадаа, Ринчинһээ үрдижэ, загаһанай зангалайн хойхонуур түмэр асаяа ябуулжархибаб. Энэ үедэ Ринчин ерэжэ, улаабтар соохор үнгэтэй загаһа эрье дээрэ шэрэжэ гаргабабди. Ринчимнай тулаяа үргэлэнхэй, бидэнэр хойноһоонь даханхай, отог тээшээ омогтойгоор алхалбабди. Тээ ябан ябатараа:

— Олоной хүсэн гээшэ ондоол байна даа,—гэжэ Дашадаа һэмээхэн хэлэбэб. Тэрэмни юушье дуугарангүй, тархяа духылган, доошоо харашаба. Юрэдөөл, өөрынгөө бурууе мэдэржэ, хэмшээрхэһэн янзатай байгаа һэн.

Хорёошо малаан

Намарай ольбон орожо, хюруу унадаг болонхой. Үглөө-гүүр харахада тала дайда хаанаһаа хаана хүрэтэр бурзагар сагаан хүнжэлөөр хушагданхай байдаг. Наранай бага игаажа эхилхэлээр хюруу хайлажа, шүүдэр болоод, мянга түмэн шүрэ һубһаар ялалзадаг. Гансал ой модоной һүүдэрээр, гэр бараанай, хорёо хотын араар хюруу удаахан хайлангүй, сайбайжа харагдадаг.

Нэгэтэ үглөөгүүр, хюруугай хайлажа байха үеэр гүүртын малшан үбгэн Баярта малаа бэлшээжэ гараба. Томо дэлэнтэй үнеэд сагаан хюруу дээгүүр мүр гарган, Хулһата нуурай хойгуур субаад, хагда ногоо элбэгтэй һүүл нарһанай бэлшээридэ ерэбэ. Урагшаа харахада хоёр модоной хараада нарһан ой түглынэ. Ойһоо наашаа, посхоод соогуур тунжагар бүдүүн сомоонууд эндэ тэндэ түглылдэнэ. Тээ наанань зундаа үбһэшэнэй байдаг модон гэр харлана. Эдеэлсэ һайнтай бэлшээри дээрэ ерэхэдээ үнеэд байрашан бэлшэбэ. Баярта үбгэн хээр мориёо тушажа табяад, гал түлеэд, гараа хүлшөөн, тамхяа татан һууна. Байд гээд лэ үхэрнүүд тээшээ нюдөө табина.

Тиинһээр һуутарнь мүншье нилээд удаахан болобо. Наран дээрэ гаража, шүүдэршье хатаба. Энэ үедэ Баярта үбгэн үхэрнүүд тээшээ баһа нэгэ харахадаа зуд сухалаа хүрэһэн шэнги болоод, аманһаа гаанаяа мулталан һууриһаа бодобо. Гааһа алшууряа ябууд дундаа ороёжо үбэртэлөөд, мориндоо бушуухан мордожо, урмаа хухарангяар нёлбосогоон, гэмэрэн, үхэрнүүд тээшээ дугшуулба.

— Яалдаһан хашартайл малаан сар болоод лэ байна даа. Энээниие юундэ намда даалгаа агшаб. «Энээнээ яанат, хайшан гэнэт, юрэдөөл, намһаа налгаагты» гэжэ мүнөө үдэшэндөө гүүртые даагшада хэлэхэ юм байна. Һүришэ, харайша яндуул байнал, юрэдөө. Үхэрни энээниие дахадаг болоо һаа, алаал гээшэ. Үсэгэлдэртөө һүридэ ороод, харанхы болотор байһанаа ерэнэ һэн. Тогтооходошни тогтохо бэшэ, эрьюулхэдэшни хүсэгдэхэ бэшэ. Тиигэжэ годооржо ябаһаар гэнтэ

шонодо хүүрэ татуулһайш хари. Гансааран тэнэхэдэ ямар бэ гэжэ мэдэхэл болохо һэнш,— гэжэ, Баярта үбгэнэй шанга шангаар гэмэрхэ, хараахань дуулдана. Тиигээд үбгэжөөл яһала түргэн хатаржа ябаһан мориёо нэшэнэ, шабхуурдана, «һэеыш үгы! Яагаашье урагшаа ябахагүй дагадхабши даа!» гэжэ байжа хахир хоолойгоор бадашан, үбхысэ хатаргана. Үбгэнэй хара һахалтай уралынь дурбиинхай, уршалаатай нюурынь бүри уршагар болошонхой, арадаа үргэлһэн буунь үбгэнэй нарин матаргай уруу хашартайгаар наншана. Юрэдөөл, энэ малаан сарһаа боложо, хээр мориншье, бэлшэжэ ябаһан үнеэдшье, тиихэһээ байтагай гүүртые даагша Гатабшье мүнөөдэртөө үбгэжөөлэй хараал шэгээхэнь ха гэжэ һанахаар байгаа һэн.

Баярта үбгэн бии шадалаараа хатаргажа, малаан сарые посхоодой наанахана шүүд хүсэн алдаба. Теэд сарынь гэнтэ тангаршаагаад, тархяа һэжэрээд гүйн гэхэдээ посхоод харайжа гараад, һүритэй үбһэн тээшэ томоотойгоор, дэнхэр-дэнхэр гэшхэлэн ябашаба. Үбгэжөөл миил «һэ, барнааг!» гэжэ хараагаад лэ гээгдэшэхэ зуураа, ойро хүрэсэлдэһэн нэгэ үнеэнэй нюрган дээгүүр ута ташууражараа орёолгоод абаба:

— Тэрэ шолмые бү дахагты! Бү дахагты гэнэб!

Үдэшэ боложо, наран орохо ойртобо. Баярта үбгэншье үнеэдээ туугаад, гэртээ бусаба. Үргэн ехэ талада, зэргэлүүлэн табиһан гурбан томо һүриин хажууда малаан сар гансааран үлэбэ. Энэмнай хүрин улаан зүһэтэй, дарагар ехэ эбэртэй, духадаа түхэреэн сагаан толботой, залуухан сар юм. Теэд хэр-шье залуу һаа, ямаршье бухада мүхөөгөө үгтэхэгүй, ехэл хүнгэн бэетэй, хорёо хуһамаг һэггүй харайгаад гарашадаг сар байгаа.

Тиихээр байтарнь наран орожо, хуа сагаан үргэн талые үдэшын боро хараан улам бүри ехээр хушана. Эндэ тэндэ түрүүшын одо мүшэд ялалзаба. Баруун тээһээ бага һэбшээ татаба.

Малаан сар бүхэли үдэртөө шахуу һүриин хажууда зоргоороо байжа, садатараа эдеэлээ. Харин нэгэ иимэ ушарай болоогүй һаа, эндээ үшөөшье удаан байхадаа болохо һэн гээбы. Гэнтэ хорёогой газаа тээгүүр, һалхинайнь доогуур нэгэ амитанай бүүр

түүр һаршаганан ябахань сарай һонор шэхэндэ торсолдоодхибо. Малаан сар тэрээн тээшэ абяархан, тархяа үргэбэ». Хорёогой газаагуур томо һүүзэгэр шоно, һүүдэр шэнгеэр бүртэлзэжэ, маряан һагад аргаахан ябажа ябаба. Ногообтор һүлэмхи хоёр гал хорёогой забһараар харагдаба. Малаан сар айһандаа түрүүшээр байраһаашье хүдэлхэеэ болишоод байһан аад, хорёо өөдэ шонын һүрэхэтэйнь сасуу, ехэ гэгшээр шуухиран, һүринүүдые тойрон гүйшэбэ. Тиигээд нөөхил харайдаг газараараа хорёогоо дайран барин наярса харайжа гараад, хоёр модоной газарта байһан хотон тээшэ бүхы хаба шадалараа гүйшэбэ. Теэд юун ха һэм! Малаан сарай хурданшье һаа, арьяатан шоно бүри хурдан байжа, тэрэниие тиимэшье оло харайлгангүй хүсөөд, амадан һагад бүри хажуугаарнь унжагашан ерэбэ. Шоно сарай хоолойдо аһаха һанаатай һүрэһэн аад, тэрэнэй гэнтэ халба һүрэжэ гэдэргээ харашахадань, харин өөрөө эбэртэнь орошон алдаба. Шонын хурса шүдэнүүд сарай зүүн дала багтань миил багахан сараа оруулжа, шулгататаадхёо. Сар тархяа доогуур хэжэ, эбэрээ жүрылгэн, шонын урдаһаа даб гэбэ. Шоно гэдэргээ һүрэшэбэ. Энэ һамбаандань сар дахинаа хотон тээшээ харайба. Шуһанай үнэр абаһан шоно хойноһоонь бүри нэтэрүүгээр эрьюулбэ. Бүри хүсүүтэйхэн ябатарнь, сарынь ойрохон түглыһэн, талын ганса гэр худар халба буужа, зосоошоо нээлгэтэй үүдээрнь гүйжэ орошобо. Аргаа барагдахадаал ороо юм бэшэ гү гэхэһээ бэшэ, хэлэгүй малай юундэшье тэрээн уруу ороһыень яажа мэдэхэб! Гэхэ зуура, шоно бишыхашье зуг татангүй, хойноһоонь һүрэжэ оробо. Юундэб гэхэдэ, энэ гэртэ мүнөө хүн үгы, тэдэнэр гансал зундаа бии болодог гэжэ талын зайгуул һайн мэдэхэ байгаа ха..

Теэд талаан дайрахадаа энэнь уланхатаһан арьяатанай тон ехэ эндүү ба саашадаа бүри үхэлынь болоһон юм. Шонын орожо ерэхэдэнь, малаан сар гэдэргээ хаража үрдеэд, урдаһаань эбэрээ тодон, аймшагтайгаар шуухиржа, уухилжа байба. Шонын һүрөө һаань, халтад гэбэл мүргэжэрхихоор забдажа, гэдэргээ сухарин сухарин, гэрэй газар шалыень түгдэ һолбо гэшхэн байгаа һэн. Шонын һүрэхэеэ халажа ядан байтарнь, сарай гэдэргээ сухариһаар ябатарнь, эгээл тэрэ гэнтын ушар тохёолдошоо—

малаан сар хана шударан, гэдэргээ яба ябаһаар зосоошоо нээлгэтэй байһан үүдэ хаажархёо! Хээрын зольбо — үлэгшэн шоно гэр соо хаагдаһанаа ойлгоходоо, абаха эдихэеэ байһан арьяатан абарияашье алдажа, малаан сараашье орхижо, зүүн хойто углуудаа таарахаяа болёод, гараха, тэрьедэхэ мүрөө бэдэрэн, иишэ тиишээ хараашалдаг, хүдэлдэг болобо. Теэд гараха, тэрьедэхэ газар үгы хэбэртэй. Үүдэн лабаар хаагдашанхай, баруун урда углууда, эгээл тэрэ үүдэнэй хажууда үүдэнэй һахюулшан шэнгеэр томо эбэртэй сар уухилан амадашанхай. Баруун ханада бишыхан шагаабари сайбайна — тэрээгээр хоншооршье багтахагүй. Шоно дээшээ хараба. Гэрэй тэг дундуур утаанай өөдөө гарадаг үрхэ тэбхынэ. Хэсүү байдалда орошон хээрын зайгуулые наадалһан юумэдэл, огторгойн одо мүшэд тэрэ нүхөөр шагаан эмнисэгээлдэнэ...

... Нилээд удаан саг үнгэрөө. Энэ аймшагтай һүни үргэлжэлһөөр байба. Гэнтын ушаралаар хабтагар хара гэр соо хаагдаһан энэ хоёр таагүй хүршэнэр өөһэд өөһэдынгөө углууда хорошон зандаа. Зүүн хойто углууһаа шонын һүлэмхи ногоон нюдэнүүд ёлойлдоно, баруун урда углууһаа сарай хүндөөр уухилхань дуулдана. Иигээд лэ эдэ хоёр байраһаа хүдэлэнгүй, үглөөгүүр болотор энэл зандаа байхань гээшэ гү? Үгы даа, арайшье тиимэ бэшэ байшоо. Орой болохо тээшэ шоно улам бүри тэсэбэригүй боложо, нарата һайхан, гэгээн сагаан үдэрэй мандахаһаа, үхэр малаа туужһан Баярта үбгэнэй ерэхэһээ айһан хэбэртэй. Тиигээд шэмээгүйхэнээр углууһаа гаража, наашаа хоёр жаахан алхам ябаадхиба. Шонын нюдэнүүд дүтэ болоодхибо, теэд малаан сар сухалтайгаар шуухиран, арьяатаниие низа мүргэжэрхихоор бэлэн байгаа һэн.

Шоно һүрэшэбэ — малаан сарай урдаһаа бэшэ, хариин хаалтаһаа гараха һанаатай үрхэ өөдэ һүрэһэн байгаа. Теэд гэрэй үрхэ юун тиимэ шонын һүрэжэ гараадхихоор набтар байхань һэм. Шоно урда хүлөөрөө дараансын үзүүр миил һард байса һабардаад унаха зуураа, малаан сарта сами уруугаа, углууда хүрэтэр хиидэштэрээ мүргүүлбэ, ган-гун гээд лэ тиишээ абяагүй болошобо. Гансал нюдэниинь ехэ бага болон ялалзана. Дахин һүрэхэ аргань һалаа, хойто хүлынь бэеэ даа-

хаяа болижо, газараар шэрэгдэшоо. Малаан сар шонын нюдые алдангүй гэтээд, углуудаа хүдэлэнгүйхэн байжал байна. Шоношье хүдэлнэгүй.

Намарай һүниин уташье гээшэнь аргагүй, тии тиинһээр арайхан гэжэ үүр хяраалха тээшээ болобо. Талын дундахи хабтагар

хара гэр соо үүрэй толоной гэрэл улам бүри ехээр ороно. Һүниин харанхы нимгэржэ, углуу булангаар, үлэгшэн шонын ба малаан сарай саагуур хоргодон, шэбээлэн талиина. Хаалтаһаа мултаржа шадахаяа болиһоноо мэдэһэн арьяатан шоно урда хүл дээрээ сонсойн һуужа, тархяа сэхэ өөдэнь үргөөд, «А-о-о-у-у-у-а-а...» гэжэ хүн амитанай нюрга уруу заригад гэжэ дагжа һүрэмэ һүртэй муухайгаар улиба. Энэ уншарагтай абяан урдахи нарһан тужа ой хүрэтэр сууряатаад замхашаба. Тэндэһээ ямаршье харюу дуулдабагүй.

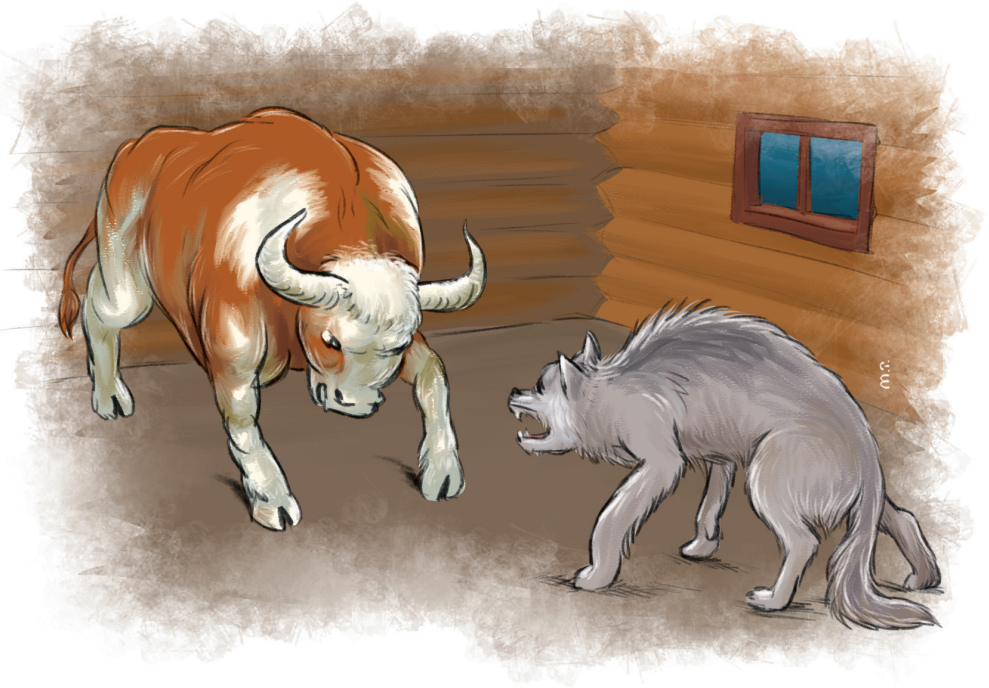
Үүр хыраанаар газаашаа гаража ябаһан Баярта үбгэн Хулһата нуурай саагуурһаа гэнтэ энэ уншарагтай абяа дуулажа, зуд ехээр бард гэбэ. Үбгэжөөл сартаа һанаагаа зобожо, бүхэли һүниндөө мүртэй унтаагүй, хэды дахин бодожо, хорёо хуһамаг уруугаа ошожо хараа. Теэд сарынь үгы аад лэ үгы. «Шонодо барюулаа гү, али һүриингөө ойро хоношоо гү?» гэжэ байжа һанаад, үглөөгүүр эртэ бэдэржэ ошохо гэжэ шиидээ һэн. Харин мүнөө шонын улихые дуулахадаа:

— Тархи халаг! Хайран сар шонодо барюулаал хаям даа,— гэжэ дуугарба. Тиихэн бэеэрээ хээр мориёо зутар түргэн эмээллэжэ унаад, буугаа үргэлөөд, үүрэй толон өөдэ үгсысэ хатаргаба.

— Ээ, тархи халаг даа. Хайран сар! Һэеньшье олдоһой даа. Юрэдөө, үбгэрхэ бүреэ ухаагүй болоо гээшэ гүб? Удэшэндөө ошожо асархаяа яабабиб, ерэнэ аабза гээд, юундэ орхёо гээшэбиб, халаг, халаг! —гэжэ гэмэрэн гэмшэн, Баярта үбгэн мориёо гамгүйгөөр шабхуурдана.

Удангүй, мүнөөхи һүринүүдтэ хүрэжэ ерээд, тойрон хараадхиба. Амидышье юумэ үгы. Мүршье харагданагүй. Гансал бурзан сагаан хюруу сиидынэ. Оршон тойрон харахадань, тала дайда баһал дунгигар сагаан. Гайхахадаа Хулһата нуурай эрьеэр, ойн захаар ошожо байжа бэдэрбэ. Үгы. «Али ондоо хорёо хото соо орошоһыень хараагүй гээшэ гүб?» гэжэ бодоод, Баярта үбгэн һөөргөө, гэр тээшээ дугшуулба. Зундаа үбһэшэнэй байдаг гэртэ дүтэхэнүүр гаража ябатарнь, гэнтэ мориниинь хуухиран будхажа, шүүд унагаажархин алдаба.

— Ямар шүдхэрһөө үргэнэ гээшэб?—гэжэ гайхаад, Баярта үбгэн моринһоо буужа, сэргэдэ уяжархёод, гэр тээшэ ошо-



бо. Мориниинь шэхэеэ үргөөд, гэр худар хаража хуухиран байба.

Баярта үбгэн гэрэй ойро ошоходоо гэр соо нэгэ юумын уухилхые дуулажа, «Ямар зайламарынь эндэ ороод, үүдээ хаагаад байна гээшэб?» гэжэ һанаадхиба, тиигээд абаһаар үүдэн уруунь ошонгүй, баруун ханын жаахан нүхөөр шагааба.

— Үү татай!— гэжэ үбгэжөөл баһа ехээр залд гээд, гэдэргээ болошобо.—Шоно лэ! Сиилыһэн хүхэ зольбошни хаанаһаа эндэ ороо гээшэб?

Дахин шагаахадаа баруун урда углууда уб улаан нюдэтэй малаан сарайнгаа байхые обёоржо, гайхахын ехээр гайхаба. Сарай нарба һарнаг-һарнаг гэжэ ехээр хүдэлнэ, тэндэһээ хүндэ шуухираан дуулдана.

— Ай, хөөрхэймни. Энэ хүхэ зольботой, харанхы һүниин зайгуултай, арьяатан дайсантай сугтаа хоноо гээшэ гү? Яажа барюулаа, эдюулээгүй гээшэб, баарһамни,— гэжэ гүбэр-шэбэр дуугаржа байгаад, Баярта үбгэн мэгдэһэндээ эзэлүүдгүй

һалганаһан гараараа ара мүрәһөө буугаа абажа, тобшо һомоор һомолбо. «Зай, һүниин зоргоор һүүдэлзээшэд, абаха эдихээ ангалзаашад. Абагты, эдигты, ундытнай харяаха, шаранхытнай тарааха юумэ энэ байна» гээд, үбгэжөөл бишыхан шагаабаряар буугайнгаа ама хэжэ, шонын тархиие шагааба. Шоно нюдөө анин хуумагад гэжэ хэбтээдхибэ...

Нэгэ хэды болоод байхада Баярта үбгэн малаан сараа туугаад, ехэ ехээр хуухиржа, халба һүрәһэн мориндоо шоноёо ганзагалаад, гэртээ бусажа ябаа һэн. Тэрэнэй нюурынь оройдоо уршалаагүй гэхээр, мэрэ мэлигэр боложо маһайшанхай. Үбгэжөөл холуур саагуур шэртэжэ, аман соогоо дуу гүнгэнэн ябана. Удангүй гүүртэеэ хүрэжэ ерээд, гүүртые даагшада, һаалишан бүхэндэ баяртайгаар хөөрэнэ:

— Малаан сарни энэ үлэгшэн шоные гэр соо хаагаад, хүдэлхээеэ болиторнь мүргэжэрхёод байбал даа. Хари, юрэдөөл, һүрхэйхэн лэ сар гэжэ үнинэй мэдэгшэ һэм...

Тиигээд малаан сарые ондоо малшанда даалгаха тухай гүүртые даагшын нэгэ юумэ ойлгомторгүй дуугархадань, Баярта үбгэн:

— Зай, зай, хүрөө. Малаан сараа ондоо хүндэ оройдоошье үгэхэгүйб. Юунэй түлөө хоюулаа шоно алаа гээшэбибди! Энээнһээ хойшо гансаарайнь хээрэ хонуулхаяа болёоб. Шүдхэршни, иигэжэ ябаһаар нээрээһээ шонын хүнэһэн болошожо магад,— гэжэ гэмэрээд, гааһа алшууруа үбэрһөө һуулин гаргаба.

Мэхэтэй шандаган

Намар боложо, удангүй ноябрь һара гараба. Теэд мүнөө хүрэтэрөө сайан ороодүй, газар хара зандаа. Энэ үедэ шандага агнахада ехэ зохид юм. Тэдэ мүнөө сагаахан дэгэлээ үмдэжэ, хара газар дээрэ тон элеэр харагдадаг болонхой. Харин, сайнай орожо, тала дайдын ба ой тайгын дунгигар сагаан болошоходонь, тэдэниие тиимэшье бэлээр харахагүйш.

Мүнөө шандаган бүтүү шэдхын оёороор, һаглагар ногоон хасуури доогуур, унанхай дархи шэрэнги соогуур хоргодоно. Үдэ-

шэ үглөөгүүр иимэ газараар аргаахан хараашалжа ябахадашни арбагар ногоон шэлбүүһэн доро үхэһэн адуунай хүһэрэй тархи шэнги юумэ сайбайжа харагдаха. Буугайнгаа шабхые татаад, тэрээндэ дүтэлхэш. Ойрохон ошоторшни оройдоо хүдэлхэгүй, тиихэдэнь шандаган бэшэ, үнэхөөрөө адуунай тархи ха юм гэжэ һанаадхихаш. Иигэжэ маргаһаар ябатараа, нээрээшье, олзоёо алдажа болохоор юм. Маргангүйгөөр буудаха хэрэгтэй. Хажуудань ошожо ошожо, шандаганай гэнтэ гүйхэдэнь буудаа һаа, һэшхэлгүйгөөр алдажа болохош, үгышье һаа, үлти таһа, абаха танаггүй болоторнь буудахаш.

Ангуушан харангүй үнгэржэ болохо гэһэндэл, зарим шандаган хүнэй бүри хажуудань ошотор хүдэлэнгүй, шэхэеэ хумиилгаад хэбтэдэг. Тиимэһээ орой намартаа, саһанай ороогүй байгаа һаань, шандагые нохойгүйгөөр агнажа болохо юм.

Тэрэ жэл эгээл иимэ, саһагүй намар боложо, би үдэшэ бүри шандага агнажа гараад, хододоо олзотой бусадаг байбаб.

Нэгэтэ үдэшэлэн тээ нөөхил Тожоохонойнгоо тужа соо ошожо, сүмөөхэнөөр гэшхэлэн, дархи нүүлэ, шэлбүүһэ мүшэр доогуур хараашалан ябанаб. Нилээд удааншье ябааб. Теэд мүнөө дээрээ харагдаһан юумэ үгы.

Наран орожо, түргэнөөр боро хараан болоно. Орбон, түгсүүлнүүд, унанхай дархи, нүүлэнүүд—хуу барагар томо боложо харагдана.

«Мүнөөдэр һулһаади бусахамни ха юм» гэжэ урмагүйгөөр һанаад, агнан һагад гэр тээшээ бусажа ябанаб. Ойн багахан соорхой соогуур ябажа ябатарни модон захын бишыхан хасуури доро гэнтэ нэгэ юумэ сайбайхадал гэбэ. Мүрэһөө буугаа бушуухан абажа, шабхынь татаад, «шандаган гү, али бэшэ гү? Буудахам гү, али үгы гү?» гэжэ маргаһаар тэрэ сагаан юумэдэ аалихан дүтэлбэб. Бүри арбаад алхын газарта хүрэжэ ерэбэб. Тэрэшье бэзэ, хорожо хэбтэһэн шандаган гэнтэ гүйшэбэ. Хоёр гурба харайхадаа харанхы шэдхэ шэрэнги уруугаа орожо, үгы болохо хэбэртэй. Би ехэ мэгдэжэ, буугайнгаа хүрзые хасартаа няахатай барихатай, шандаганай гүйдэл дундань буудаад ababаб. Буугайшье гал улаа бутаржа, шандаганшье сагаа алхишаба. Шандаган дээшээ һүрэжэ унаад, хүдэлэнгүй хэбтэнэ.

— Даншье һулһаади бусахагүймни бшуу,— гэжэ баярлаад, ошожо, шандагаяа абабаб. Яһала томо шандаган байба.

Үдэшын боро хараан улам үдхэржэ, харанхы болохо тээшээ яарана. Тэнгэридэ одо мүшэд ялалзан олошорно.

Шандагаяа һугабшалаад, гэр тээшээ шамдуухан алхалбаб. Ээ... гайха, тагна! Тээ ябан ябатарни һуга дорохи шандагамни гэнтэ байтараа хүдэлхэ хэбэртэй болобо бшуу.

— Ш а р х а т у у л һ а н байгаалтайб, яндуулшни. Ээ... Доржо, бирахаяа болёод лэ байнаш даа,— гэжэ гэмэрээд, шандагаяа шэхэнһээнь барижа, нюуртаа дүтэлүүлэн харабаб. Хүсэд харажашье үрдеэгүй байтарни шандаган гэнтэ муухай шангаар шашхаад, урда хүлөөрөө улаан нюурыемни эгээл нюдэншни хаанаб гэжэ һабардажархибал даа, шолмошни. Аймшагтай ехээр залд гэжэ сошоһондоо шандагаяа алдажархибаб. Газарта унахатаяа сасуу шандаган бурд гүйжэ, бүтүү шэрэнги уруугаа орошобо. Би хойноһоонь даб гэжэ миил арбаганаад лэ, халаг хухы болоод лэ гээгдэшэбэб. Теэд хайшан гэхэбши, гэмэрһээр гэртээ бусахаһаа ондоо юумэ һалаа. Иигэжэ тэрэ үдэр яаха аргагүй һулһаади бусаха ушартай болоо һэм.

Шандагые оройдоошье тудаагүй, харин доогуурнь буудажархиһан байгаа хэбэртэйб.

— Хүнөөр сугтаа агнаагүймни болоо,— гэжэ һанаагаа заһаад, энэ ушар тухайгаа хэндэшье хэлээгүй агшаб.

Сказка старого Хубитэ

Мой страх велик и силен,
Но Вечное Синее Небо сильнее его
Шаманская молитва

Все началось с того, что в тайге появился чужак. Старик Хубитэ узнал о его появлении по каким-то, только ему известным, знакам, распознавать которые он выучился у старой шаманки, и сказал своим детям и внукам:

— Этот чужак пришел сюда с дурными намерениями, — дед раскурил трубку и продолжал, — добрый человек не стал бы прятаться по лесам...

Предсказания деда сбылись на второй день — у хромого Тумэна пропала коза, а через день пропал сам Тумэн, который отправился в тайгу искать пропажу. На третий день искать Тумэна собрались все взрослые мужчины поселения, их было трое, — главы родов, которые ушли от своих сородичей и их распрей, чтобы основать свою деревню. Но старик Хубитэ не верил в то, что они смогут одолеть чужака:

— К деревне подошел человек-зверь, и он сильнее всех наших мужчин, — часто говорил он младшему Хубитэ, — ему не страшны стрелы и ножи, рогатки и собаки.

И старик повторил мужчинам то, что сказал внуку.

— Ты выжил из ума, старик! — рассердились на него охотники. — Какой еще человек-зверь? К деревне подошел медведь-шатун, мы выследим и убьем его.

Старый Хубитэ остался в деревне со своим внуком — младшим Хубитэ, с женщинами и детьми, и Лупсаном, сыном старой Долсон, деревенским пьяницей и бездельником.

На третий день после ухода мужчин стало понятно, что с ними что-то случилось. Женщины оплакивали ушедших, как мертвых, и лишь страх за жизнь своих детей не позволял им дать полного выхода своему горю.

Высокие сосны, кедры и ели, которые до этого стояли вокруг надежной стеной, вдруг стали казаться темными и опасными. Из этой стены каждую минуту мог появиться враг. В тайге тревожно, по-особенному, кричали птицы. Так они кричали на чужака. На медведя они кричали бы по-другому. И в юртах сразу стало неуютно и страшно. Особенно ночью, когда ветер свистел в дымоходе, как черт бохолдой. В эти долгие и тревожные вечера старик и внук стали часто разговаривать друг с другом.

— В нашем народе так повелось, что чей-то род долго остается слабым и незаметным, — сказал однажды старик Хубитэ своему внуку, — он живет тихо, как чужой ребенок в семье. Но случается, что среди них рождается мальчик, который вырастает, становится сильным и прославляет своих родителей и своих детей. Все родственники, даже самые дальние, собираются вокруг него. Но проходит время, сильный человек умирает, и с годами они опять становятся слабыми. Так бывает до тех пор, пока не родится в этом роду новый сильный человек. Таким человеком был мой отец Табито. Но он умер, и наш род опять стал слабым.

Старик вздохнул, подбросил в очаг сухих веток, и огоньки из очага опять заблестели в его глазах.

— Но разве ты, дедушка, не сильный человек? — спросил его младший Хубитэ.

— В молодости я мечтал походить на своего отца и стать сильным. Я увел свою семью на дальние земли и поселился в лесах,

надеясь, что здесь нас не найдут ни ханские, ни императорские указы, ни набеги кочевников. Но здесь нас нашел бохолдой[1].

— Разве черт-бохолдой существует на самом деле?

— Я расскажу тебе одну старую сказку, — ответил старик, — и может быть, она объяснит тебе, кто такой бохолдой. Давно это было. Еще до того, как переселились мы в леса, где нет простора для глаз. Жил наш народ в Великой степи и тысячные стада жирных баранов паслись возле наших стойбищ. Женщины рожали детей под песни, а дети жили в радости и довольстве. Всего было много: и мяса, и молока, и творога, и молочной архи. Но однажды в степи появился чужой. Никто не знал, как он выглядит, кто он, и откуда пришел. Он стал незримо жить около наших куреней. И стада наши стали мельчать — то тут,

1 Строго говоря, «бохолдой» переводится с бурятского как «черт», но в этом слове присутствует больше человеческого, чем в русском переводе. Также в этом слове есть что-то звериное. Так или иначе, но бохолдой — это почти мифическое существо (прим. авт.)

то там находили люди тела пастухов, да кости наших коров и овец. И народ прозвал чужака бохолдоем. Тот бохолдой был прожорлив, как стая голодных волков. Никто не мог найти его следов, чтобы сразиться с ним в открытом бою. Так хитер, жесток и невидим был враг. И страх поселился в юртах. Женщины перестали рожать, а люди перестали петь песни и стали умирать от болезней. Эти болезни появлялись от постоянного страха. А потом в степи наступил голод. Никто так и не увидел нашего бохолдоя и никто не смог с ним сразиться — он бродил вокруг много лет, как призрак, вселяя ужас в сердца даже самых смелых мужчин. Так продолжалось до тех пор, пока не осталось на наших пастбищах ни одной коровы, а в аилах ни одного мужчины.

Но Вечное Синее Небо послало избавление нашему народу — в одном из родов родился мальчик. Он вырос, стал сильным и умным, и сумел убить бохолдоя. Этим подвигом он прославил себя и свой род. Снова стала наша степь процветать, и юрты наши опять наполнились запахом варящейся баранины и детскими голосами. Много лет прошло, народ забыл про своего героя, но страх, этот наполняющий душу страх перед неизвестным и жестоким врагом, так и остался жить в нашем народе. Этот страх говорит мне, что бохолдой нашел нас в нашем лесу.

— Но кто убьет его? — спросил мальчик.

— Когда ты родился, я надеялся, что ты прославишь наш род, — задумчиво ответил старик.

Бохолдой жил около деревни в течение долгих, долгих дней, от времени цветения багульника до времени падения листьев. Люди видели его силуэт среди зарослей травы около деревьев, во впадине у ручья встречали его следы, в чаще часто взлетала стая птиц, вспугнутая чужаком. То тут, то там в листве мерещилась всем его страшная морда. Жители деревни стали болеть, и эти болезни приходили к ним от постоянного страха из-за невидимого присутствия бохолдоя. Они перестали петь песни у очага, как пели их раньше, перестали мечтать о возвращении в Великую Степь, из которой когда-то ушли их отцы и деды.

Женщины долго шептались, пока не решили ночевать в одной юрте — хоть тесно, да зато не так страшно. Каждая из хозяек нахваливала свою юрту, но выбрали юрту старика Хубитэ — она была самой просторной и прочной. Охотник Чагдур, сын старика Хубитэ, собрал ее из вырубленных им сосновых стволов, и эта пятистенная юрта была гордостью деревни. А какой преградой для медведя или бохолдоя была низкая юрта из жердей и войлока, в которой сейчас прятался Лупсан? Эта юрта была построена еще со времен переселения из Великой Степи и досталась Лупсану от его деда.

Теперь Лупсан ночевал в этой юрте один. Каждую ночь, чтобы избавиться от страха, он напивался молочной архи, а, став смелым, выскакивал из юрты с ножом. Качаясь и падая, он бежал в лес в поисках врага.

— Эй, ты, выходи на бой! — кричал он в темноту. — Я убью тебя! Где ты?!

И старый Хубитэ надеялся, что бохолдой вскоре убьет его.

— Хоть одно доброе дело сделает, избавит деревню от дурака, — думал он.

Но Лупсан, всегда целый и невредимый, возвращался обратно. Утром страх с новой силой нападал на Лупсана, и он таился в своей юрте, как пугливый тушканчик, закрывшись на щеколду и укутавшись в шкуры. В этот момент он пугался каждого шороха. Вечером опять напивался, становился смелым и опять выходил на бой.

— Эй, трус бохолдой! Выходи на бой! — то и дело раздавался его голос где-то за юртами. Мать и сестра Лупсана стыдились своего непутевого родственника.

— Он наш не родной сын, — часто признавалась старая Долсон жительницам деревни, но те не обращали внимания на слова старухи: «А откуда же он взялся тогда?»

Но страх поселился не только в душе Лупсана — все жители деревни стали теперь пугливыми и скрытными. Страх словно сплел паутину, в которую они все попали. Женщины разговаривали друг с другом шепотом, словно боясь, что их кто-то услышит, и многим из них казалось, что бохолдой читает даже их мысли.

— Откуда пришел человек-зверь? — думал старик. Из-за западных лесов, с другой стороны священного моря, откуда иногда приходили бородатые люди, которые выменивали у них собольи меха на табак, водку или муку? Или это был человек из восточной степи, откуда приходили худые, безволосые, маленькие люди и с завидным упорством и трудолюбием искали в их тайге золото?

Старый Хубитэ и его сородичи жили в этой деревне среди тайги уже два лунных цикла, как на острове среди океана, куда не доходили ни царские, ни ханские, ни императорские указы.

Юный Хубитэ жил в деревне с самого рождения, уже пятнадцать зим, и эта деревня была для него всем миром. Поселение, в котором было всего семь юрт, казалось ему большим и значительным. Он знал, что на свете есть другие деревни, и что в них тоже живут люди, но он никогда в них не бывал. Остальной мир казался ему такой же выдумкой, как рассказы старого Хубитэ.

В молодости старик был высоким и сильным человеком, ходил на охоту и, как говорил он сам, однажды убил там медведя ударом ножа.

— Этот медведь был изранен нашими стрелами и копьями, а я попал ему прямо в глаз, — рассказывал он, — и, может быть, поэтому медведь захотел отомстить мне. Не успел я опомниться, как медведь схватил меня, как сноп сена. Но я ударил его ножом прямо в сердце и сразу убил. Понятно, что никто ему не верил. Разве можно поверить в то, что медведя можно убить ударом ножа? Тем более, когда это рассказывал выживший из ума старик?

Старый Хубитэ доставал из старого сундука двурогий наконечник копья, выкованный древними дарханами, и показывал внуку, как бить им медведя. Выходило довольно смешно, ведь наконечник был очень короток и тяжел, и старик иногда ронял его на землю. Но старый охотник так увлекался рассказом, что не замечал насмешек.

— Нужно просить Вечное Синее Небо о помощи, чтобы преодолеть страх, — объяснял старик, — и тогда дух воина проснется в твоей душе. Как он проснулся в моей, и я ударил медведя ножом тем самым способом, которому когда-то научил меня мой дед. Я научу тебя этому удару.

И в начале лета старик Хубитэ стал учить внука пользоваться оружием. Наконечник они насадили на длинную, дубовую жердину и у них получилось крепкое, длинное копье. Все лето Хубитэ стрелял из лука и метал в деревья то нож, то копье. В другое время женщины деревни наверняка бы ругали их за эти бестолковые занятия, но сейчас они молчали — им просто больше не на кого было надеяться. Не на Лупсана же, у которого кончилась водка и который теперь только дрожал от страха и ругался со своей матерью и старшей сестрой.

В летние дни хозяйственные дела заставили людей разойтись по своим юртам, но осенью, когда дни стали короткими, а вечера длинными, все жители стали опять собираться в юрте старого Хубитэ. И опять к ним стала приходить Аюун. Девушка была старше младшего Хубитэ на две зимы, и они росли вместе, словно брат и сестра. Но однажды летом он увидел ее купающуюся в ручье. Она не знала, что мальчик следит за ней и скинула с себя легкую козью доху.... С тех пор она перестала быть для него просто девчонкой. Незнакомое тело Аюун с раскинутыми в разные стороны грудями стало сниться Хубитэ чаще, чем битвы с бохолдоем.

И это желание было сильнее страха. Юный Хубитэ стал единственным человеком в деревне, который не очень переживал, что всем им грозит опасность. Ведь эта опасность дала ему возможность спать рядом с Аюун. Правда, между ними спала еще старая тетка Долсона да младшая сестра Хубитэ. Сэсэг была веселой, бойкой девчушкой, только недавно выбравшаяся из берестяной люльки, но надвигавшаяся опасность сделала серьезной и её.

— Ты сможешь нас защитить? — однажды спросила она Хубитэ, глядя на него темными и доверчивыми, как у соболя, глазами.

— Смогу, — сказал Хубитэ.

— Я знаю, — успокоилась она, — ты у нас сильный и умный. Мама говорит, что ты уже почти мужчина.

Однажды утром, когда из юрты выветрилось все тепло, маленькая сестра вылезла из-под шкур и перебралась к матери. Старая тетка ушла присмотреть за коровой, и Хубитэ вдруг

оказался рядом с Аюун. Сон сразу покинул юношу. Тихо, как на охоте, затаив дыхание, медленно поползла его рука по медвежьей шкуре, от шерстинки к шерстинке, к ее плечу и коснулась девичьего тела. И не стряхнула она руки его. Прошла целая вечность, когда поползла рука Хубитэ дальше, чуть вниз и наискосок от плеча, туда, где под слоем ткани пряталась загадочная и вожделенная девичья грудь.

Велико ли расстояние от плеча до груди? Но этот путь показался Хубитэ длиннее, чем дневной переход по тайге, пока достигла его ладонь желанного холма и накрыла его, словно шатер. И почувствовал Хубитэ далекий стук девичьего сердца, словно где-то в глубине земли бил источник, не так, как стучало его сердце, глухо и громко, как бубен шамана. И чувствовал себя Хубитэ, словно выброшенный на берег таймень, не хватало ему воздуха, и дыхание его, как он ни старался, не походило на дыхание спящего человека.

Вдруг Аюун повернулась к нему лицом и далекие молнии сверкнули в ее глазах. Но не стал Хубитэ отводить взгляда. «Будешь ли ты любить меня? И сможешь ли ты защитить нас?» — молча спросила она. И она поняла, что он ответил «да». И появилось что-то такое в девичьем взгляде, что понял Хубитэ, что отдает она ему свое сердце и саму свою жизнь, и что будет она ему верной женой. Так младший Хубитэ стал мужчиной.

В темную холодную ночь, когда ударили первые заморозки, бохолдой напал на загон для скота. На этот раз он утащил барана. Тетка Долсона увидела его вблизи и закричала от страха.

— Он оброс шерстью, как медведь, но ходит как человек. И глаза его горят зеленым огнем, — рассказывала она.

Старик Хубитэ сказал, что теперь бохолдой будет красть их животных, а потом нападет и на них.

— Ему просто нечего будет есть, — сказал он, — сейчас он пасет нас, как мы пасем баранов.

И Хубитэ понял, что теперь он должен убить бохолдоя.

— Или умереть, — грустно подумал он.

Облака уплывали куда-то вдаль, как дыхание древних богов. Им не было дела до того, что делается на земле, до того, что бохолдой

может убить всех жителей, включая мать, его младшую сестру Сэсэг и Аюун, и равнодушие неба почему-то злило Хубитэ.

— Я убью его, — повторил он шепотом.

Но вечером он вспомнил, что с бохолдоем не справились трое взрослых мужчин и понял, что он бессилен перед врагом. Ему захотелось спрятаться под медвежьей шкурой рядом с матерью, и захотелось, чтобы мать, как в детстве, защитила его. И собственное бессилие так опечалило его, что он заплакал, как ребенок, и сам застеснялся своих слез. Ему было обидно, что он не сможет защитить родных, свою мать, свою сестру Сэсэг, Аюун, и исполнить мечту деда увидеть в нем сильного продолжателя рода. Он плакал беззвучно, и слезы обильно текли по его щекам.

А в полночь, когда уставший от волнений дед уснул в своем углу, а женщины бисерили унты, он тихо оделся, засунул за пояс нож, взял лук, колчан со стрелами и тяжелое двурогое копье. Женщины молча смотрели на его сборы.

— Удачной охоты, — мать три раза капнула ему на голову молоком.

Хубитэ вышел из юрты. Как тень проскользнул он среди черных деревьев, за каждым из которых могла таиться опасность. Полная луна катилась как колесо, и облака наплывали на нее, как воды медленно текущей реки. Хубитэ вышел на поляну между двух холмов около деревни, к камню, на котором днем он оставил жареное мясо ягненка. Мясо было съедено. Тогда он разбросал возле камня еще несколько кусков и спрятался в темной расщелине, в зарослях низких кустарников.

Лес благоухал багульником. Даже поздней осенней ночью этот запах стоял в лесу, среди деревьев, на склонах гор. Свет полной луны падал на поляну сверху, словно серебристая пыль.

Много времени прошло, когда на засохшей траве вдруг мелькнула чья-то тень. Неизвестное существо стояло в темноте на краю поляны и долго осматривалось вокруг. Но ни один подозрительный шорох не возмутил тишину. Хубитэ словно окаменел от страха и боялся даже дышать.

Луна давно уже укатилась в сторону, когда тень мелькнула опять и огромный человек-зверь вышел на освещенную поляну.

Он был похож на страшного великана и тело его было настолько сильным, что Хубитэ почувствовал, что старик был прав, когда говорил, что мужчины деревни не смогут убить его. Между тем бохолдой стал собирать куски мяса и поедать их сразу у камня. Его глухое ворчание нарушало тишину.

Хубитэ не мог даже пошевельнуть пальцем от страха. Юноша стал умолять Вечное Синее Небо дать ему сил, чтобы хотя бы пошевельнуться. И он пошевельнулся, но так, словно все тело его оледенело от холода. И тогда он стал просить Небо дать ему силы, чтобы побороть страх и начать двигаться. И когда он начал двигаться, страх потихоньку стал уходить от него.

— О, Вечное Синее Небо, — взмолился он, — дай мне силы сделать хороший выстрел. Хубитэ взял в руки лук, достал свою лучшую стрелу, уложил ее на тетиву и тихо выбрался из зарослей — ему нужно было выйти на открытое место, иначе стрела могла зацепиться за ветку и не долететь до цели.

— Эй, ты! — громко крикнул он и стал медленно подходить к бохолдою.

Казалось, что человек-зверь даже не удивился его появлению. Он смотрел на приближение молодого охотника и продолжал грызть мясо. Он не верил, что это молодое человеческое существо может не испытывать страха перед ним. Ведь его старшие сородичи всегда пугались, когда он появлялся перед ними. И этот страх стоил им жизни.

Но Хубитэ твердой рукой натянул тетиву и, старательно целясь, выстрелил. Его стрела выпорхнула, словно стремительная птица и смертельно ранила бохолдоя. Дикий крик раздался в тайге. Не давая врагу опомниться, Хубитэ быстро достал вторую стрелу и опять послал ее точно в цель. И только тогда умирающий человек-зверь бросился к юноше, чтобы отомстить ему за свою боль и за свою смерть. И тогда младший Хубитэ, как когда-то давно его дед, достал откуда-то из-за пояса нож и нанес бохолдою тот самый смертельный удар, какой нанес когда-то его дед раненому медведю.

Мүндаргын үхибүүд

(Туужаһаа бүлэгүүд)

Нэгэтэ үдэр манайда Дагба түрүүлэгшэ орожо ерэбэ. Эхымни хэбтэһэн ороной хажууда һуужа, юушьеб удаан аалиханаар зугаалба.

— Ерэл даа наашаа,— гэжэ түрүүлэгшэ намайе дуудаба. Хажуудань ошоходом, балсангыем бажуужа үзэбэ. Энээндэнь би дураа гутажа, гараа һуха татан абабаб.

— Өө, харыш, яагаа шанга хүбүүтэйбши? Ёһотой баатар. Сэсэн лэ хүн. Хожом ноён болохо,— гэн, Дагба үһыем эльбэхэ зууpаа энеэбэ. Теэд энеэдээ гэнтэ хуряаба.

— Ши, нүхэр, томоотой хүнши, юумэ хуу ойлгонош. Харана гүш эхэеэ? Хэдэн хоног соо хонидыень Сэбжээн теэбэйтэй адуулалсаха гүш? Теэбэйн хүл хурдаар гүйжэ үгэдэггүй бшуу. Бэлшээриин газар тойроод таряалан элбэг. Теэбэй хонидоо хүсэхэгүй. Ши тэрээндэ туһалха гүш?—гэжэ түрүүлэгшэ аалиханаар һураба.

— Туһалхаб, туһалхаб,— гэжэ хашхаран, би альгаа ташажа ябаад, гэр соогууpаа гүйбэб.

— Урид ехээр бү хүхи,— гэжэ эхэм зандаба.

Түрүүлэгшын шарай гансата сэлмэжэ ульһатай болобо.

— Һайнши даа, хүбүүмни, шамдал найдаһан байгааб. Ehoтой эрэ хүнши. Иимэ хүнши,— гээд, Дагба түрүүлэгшэ эрхыгээ ёдойлгожо, магнайем шоб байса таалаба.

Хойто үглөөниинь Сэбжээн теэбэйтэй анха түрүүшынхеэ эхынгээ хонидые туугаад, мэдэхэ дуугаа дуулаһаар, бэлшээри тээшэ үглөөнэй наранай урдаһаа зорибоб. Тиигэжэ хонишон болоо бэлэйб.

Тэрэ үдэрһөө хойшо үхибүүд намда «Хонишон» гэһэн нэрэ зүүлгээ һэн.

Табадахи бүлэг

Сэбжээн теэбэй хабарай дулаахан наранда игаан, отогой газаа хэбтэнэ. Тэрэ нооһотой нэхы дэгэлээ хам шагталанхай. Хэды дулааншье һаань, дааранаб гэхэдэнь, минии энеэдэһэн хүрэдэг. Шоглоно хаш гэжэ һанагшаб. Хубараг таабайһаан хайрлаад, дэгэлээ гэртээ орхингүй ходо үмдөөд ябана бэзэ. Теэд таабайшье өөрөө нэхы дэгэлтэй юм. Мүн бahал тэрэ дэгэлээ хэдэрээд гэрэйнгээ урда халуун наранда игаажа һуудаг. Эдэ хоёр хэмнай халуудангүй удаан тэсэхэб гэжэ бэе бэеэ туршаһан шэнги һэн.

Сэпэлмаатай бургааһаар мори хээд, отогоо тойрожо гүйлгэнэбди. Би тэрэниие намнажа ябаһаар, хэдэн дахин торожо унаад, «мориндоо» дурагүйдэжэ саашань шэдэбэб.

Ёһотой морёор гүйлгэхэмнай гү?—гэжэ нүгөөдэһөө асуубаб.

— Теэд хаанаһаа мори олохо юмши?

— Һэ, һэ, намдашни бүхэли адуун һүрэг бии,— гээд, бэлшэжэ ябаһан хонидтоо ошобоб.

Буржаадай гэдэг арбагар эбэртэй хусаяа дуудахадам, мэтэр гүйжэ ерэбэ.

Тэрэниие Дампилтай носо носоһоор тон номгон болгоо һэмди. Хусын багжагар эбэрһээнь аһалдажа арайхан мондогор нюрган дээрэнь гарабаб. Сэпэлмаада ондоо нэгэ номгон хони оложо унуулнаб. Тэрэнэй урагшаа ябахатай адли басаган хэлтэг хэлтэг гээд, унашахаяа һанана. Би хусаяа ябуулха һанаатай хүлөөрөө нэшэнэб. Теэд тэрэ яашье байраһаан хүдэлжэ үгэбэгүй.

— Шамайе байза,— гээд, гүйн ошожо, һаглагар долоогоно модоной хадхуур асарбаб.

Тэрээгээрээ хусын ууса хадхахатаймни адли дэбхэрээд, намаяа газарта унагаажархиба.

Бодоод дахин хусадаа аһалдажа байтарни, айхабтар шангаар юумэнэй бүрхирхэ дуулдаба. Баруулжаа харахадам, угаа томо улаан эреэн буха ман тээшэ сэхэ дүтэлжэ ябаба. Тэрэнэй хойноһоо манай үеын олон басагад хүбүүд даханхай, янза бүриин хоолойгоор шангаар хашхаралданад. Тэдэнэй дунда «шаангинууд», «хотируулгануud» бии.

Манай Хэлтэгэй тосхондо наяад үрхэ айл һуудаг. Зааханшье һаа, тэрэ гурбан бүлэг боложо хубаарагша. Эгээн томо бүлэгынь тосхоной хойто захада, Эрхүүгэй нугалаа соо оршодог. Хоердохи бүлэгынь баруун тээ үнеэнэй фермын саана залуухан нарһан ой соо хоргодонхой юм. Эгээн үсөөн айлтайнь манай бүлэг. Тосхоной үхибүүд гансашье эдэ бүлэгүүдээр бэшэ, мүн хаана һуудагараа хубааржа наададаг. Хойгуурхиниие Эрхүүгэй нугалаада һуудаг хадань «Хотируулга», баруугаархиниие үнеэнэй фермэтэй хадань шабаананай нэрээр «Шаанги» гэжэ наадалагшабди. Харин тэдэнэр маниие хониной фермэтэй хадамнай «Хоргооһод» гэдэг. Заримдаа бүлэгүүдэй хоорондо ехэ «тулалдаан» болодог юм. Бидэ «Хоргооһод» «Шаангиие» диилэбэшье, хүнэйнгөө тоогоор олон «Хотируулгада» мушхуулжа һалагшабди.

Намтай үетэй үхибүүд тосхондомнай угаа олон юм. Хэды айлай үхибүүдэй баабайнар дайнһаа бусаагүйб гэжэ заримандаа тоологшоб. Оройдоол арба хүрэтэр тоо мэдэдэг тула һүүлшынгээ тоо хэлээд лэ, нэгэ хоргооһо хажуу тээшэнь табидагби. Бултадаа таба хахад хоргооһон болодог. Теэд тосхонойнгоо

үхибүүдые баранииень танигшагүйб. Зарим айлда таба зургаан үхибүүд, бүри олоншье бии.

Буха буухиран ойртожол ябана. Маанадһаа холо бэшэ бэлшэдэг колхозой үнеэн һүрэг соо үшөө нэгэ малаан буха бии юм. Тэрээнтэй мүргэлдүүлхэеэ үхибүүд абаашажа ябана гэжэ таабаб.

Мүнсэгэр ута хурса эбэртэй буха Хубараг таабай мэтэ алсаг алсаг бушуугаар алхалан дүтэлбэ. Гэдэргээ эрьеэд, «бү гээгдэгты»,— гэһэндэл, дахаашадаа хараад абана.

— Эй, хоргооход! Тэрэ хоёр булуудхаяа үлдэгты саашань. Бухын хүл доро тэһэ гэшхэгдэхэ,— гэжэ заряагай үһэн шэнги богонихон үһэтэй хүбүүн манда хашхарба.

Үһэниинь хэмнай утаб гэжэ бэе бэеэ хэмжэһэндэл арбайжа бодошонхой.

«Булуудха» гэжэ хонидыемнай нэрлэхэдэнь, айхабтар дураа гутабаб.

— Өөһэдөө бухатаяа һөөргөө зайлагты, манай хуса мүргэжэ алаха,— гэжэ тэсэжэ ядахадаа, дэмы һүүхирбэб.

— Һа, һа...— гэлдэн үхибүүд дэрьесэ энеэлдэбэ. Буха энэ үедэ манай унаһан хуса хонин хоёрой ойро ерээд тогтошобо. Шуһа гүйһэн томо нюдөө юлысэ хилайжа, бүдүүн хүзүүгээ гүндысэ нугалаад, хуса тээшэм хүлзэшэбэ. Урдахи хоёр хүлөөрөө газарай дэгнүүл хамха татан гэдэргэнь шэдэжэ оробо. Хоёр шорон хурса эбэрээ ёдоголзуулан, юушье хүү нэшэжэрхихээр зантагар тархяа зантализуулна.

Сарбуугайнгаа үбшэнтэйгөөр бажуулгахада харанамни, Сэпэлмаа хүхэ сагаан болошонхой, аман соогоо юушьеб шэбэнэжэ байба. Хусаяа намнахаяа хашхарха гэхэдэмни, хоолой соохоом абяан гаража үгэбэгүй.

— Үлдыт хусаяа. Бухада мүргүүлбэл хоргоохонииньшье олдохогүй,— гэжэ үхибүүд бүри хүхюутэйгээр дарья табилдана.

Буха хүлзөөд, хусада аалихан ойртожол ябана.

— Баарһанииемнай ниса мүргэхэнь даа,— гэжэ Сэпэлмаа арай дуулдахаар шэбэнэбэ.

Хусамнай мүн баһа бухые хилайһаар гэдэргээ сухариба.

— Түргэн саашаа гүй,— гэжэ Сэпэлмаа досоомни ёг гэтэр хуугайлжархиба.

«Шаангинууд», «Хотируулганууд» шангаар эшхэрэлдэбэ.

Хусамни гэдэргээ сухарижа ойро зуура тогтобо. Һүүлдэнь тархяа тонгойлгоод, урагшаа буха тээшэ сахилгаан түргэнөөр шуумайшаба. Манай юушье ойлгожо үрдингүй байтар, «түс» гэһэн шанга абяан дуулдашаба. Буха муухайгаар «ойг» гэжэ бүрхирөөд, намхагад байса нохой шэнги ууса дээрээ һуушаба.

Хуса гэдэргээ баһа аалихан сухарижа эхилбэ. Энэ үедэ буха тархяа занталзуулан, хэдэн дахин һэжэрээд, гэнтэ эгсээр эрьелдэжэ, хоёр тээшээ бута һүрэһэн үхибүүдэй хоорондуур хүндөөр уухилһаар тогтонгүй арилба.

Үхибүүд шубуунай дальбараануудтал амаа ангайлдаад зогсоод. Гэнтэ Сэпэлмаа угаа шангаар ташаганаса энеэжэ оробо. Нюдэнһөөнь нёлбоһон гоожоно. Бишье гэдэһээ тэбэрин ногоон дээгүур мухарибаб. Арбагар үһэтэй хүбүүн манда нюдаргаа занаба.

— Үшөө ши, хотируулга, хотиголзохошни гү?— гээд, Сэпэлмаа гүйжэ ошоод хусаяа унаба.— Бултыетнай тэһэ мүргүүлхэм!

Үхибүүд бухынгаа хойноһоо гүйлдэжэл мэдэбэ. Хожомдоһон зарим нэгэниинь: «Хүлеэгты» гэлдэн шашханад. Би тэдэниие хургаараа эшхээн, эгшэтэрээ энеэбэб. Үхибүүдэй далда оротор ногоон дээгүур хүльбэрбэб.

Сэпэлмаагаа харахадаа, энеэдэеэ гансата таһалжархибаб. Тэрэ хусынгаа хоншоор эльбэнэ. Харин нюдэнһөөнь юундэшьеб нёлбоһон дуһалжа байгаа һэн.

Юһэдэхи бүлэг

Хүсэд эдэгэһэн эхэмни Эржээхэйгээ гэртээ орхёод, өөрөө хонидоо адуулхаяа гарадаг болобо. Дампил үйлсэдэ эрьелдэбэшье, хажуудам ерэхэеэ айна хаш. Би Эржээхэйгээ Сэбжээн теэбэйндэ абаашаад, Эрхүү соо шунгахаяа ошобоб. Хубсаһаяа тайлаһаар, хэды дахин уһа руу бухаад байтарни, нэгэ танигдаагүй

хүбүүн эрье дээрэ харагдаба. Нэгэ гартаа ута ургатай хахуули баринхай, нүгөөдэдөө хорхой хэһэн баанхатай. Бараглахадам хойто «Хотируулгын» хэбэртэй. Ута нариихан хүлөөрөө тохорюун шэнгеэр гойног-гойног гэшхэлхэдэнь, би энеэжэрхин алдабаб. Заряагай үһэн мэтэ үһыень хараад, хаана үзэһэнөө һанажа ядабаб. Аа, һанааб. Манай хусын бухые мүргэхэһөөнь урид «булуудхануудаа үлдэгты» гэжэ бултанһаа шангаар хашхараа һэн. Бухын тэрьелхэдэ хороо бусалаад, үшөө нюдаргаа занаа.

— Загаһыемни юундэ үльгөөнэш? — гэжэ тэрэ шалшаран намда аһаба.

— Загаһадшни өөльһөөш үльгэнэ бэшэ аал,— гэжэ би эшхээлдэн харюусабаб.

Тэрэ хасараа булхайлгажа, хахуулияа хажуу тээшэнь шэдээд, эрье руу бууба. Би үһан соохоо гарабаб. Хүбүүн намайе улаһаам абаад, толгойдом хүрэтэр шэнжэлбэ. Бэеэрээ тэрээндэ орходоо томо байһандам айгаа ха. Эгсээр эрьелдээд һөөргөө эрье өөдөө гарашаба. Үһан соо байхадам, намайе заахан гэжэ һанаа ха юм.

— Ерыш наашаа. Танилсая,— гэжэ тэрэ хүбүүн дуудаба. Минии дүтэлхэдэ, арзагар шүдэеэ ирзайлгажа, гохигор ута хургадтай гараа үгэхэдөө миһэрбэ. Шэнэ нүхэрэйнгөө Будажаб гэжэ нэрэтэйень мэдэжэ абабаб.

— Тамхилая,— гээд, Будажаб хармаан соохоон сондой гаргаба. Тэрэ тон шадамараар набшаһан тамхи сааріһанда орёогоод, намда залаба. Юундэ тэрэнэй шара шүдэтэй байһаниинь ойлгосотой болобо. Би залаһан тамхинһаань һороод, хахажа оробоб. Удаань толгойм эрьебэ.

— Хамаагүй, һулахаш,— гэжэ шэнэ танилни мүрыем ташасагаана.

Бидэ Эрхүүгэй эрье зайжа хахад үдэр хахуулидабабди. Теэд нэгэшье загаһан баригдабагүй. Би эрьедэ дүтэхэн игаажа хэбтэһэн алгана обёорһоор, Будажабта заажа үгэбэб. Тэрэ хахуулиингаа гоходо бүдүүн хорхой углажа, дээрэнь нэгэ нёлбоод, үһа руу хаяадхиба. Алгана томоотойгоор хорхойень үнэрдэжэ байтараа, залхуугаар хазаба. Будажаб гэнтэ татажа, тэрэниие эрье дээрэ шэдэжэрхибэ.

Һүүлдэнь тэрэ алганаяа буляалдажа, хоюулаа тулалдашабабди.

— Би урид харааб. Миниихи.

— Би татажа галгааб.

Тиигэжэ байтараа, Будажаб хүсөөрөө намда булигдаха байһаа мэдэрээ хэбэртэй:

— Зай, энээхэн алгана буляалдаһанай хэрэггүй,— гэбэ. Удаань дуугай һуужа байтараа: —Үгэлсэ эдихэ дулатай гүш? — гэжэ ойро тойрон хэнэйшьегүй һаа, юундэшьеб һэмээхэн шэбэнэбэ.

— Дуратай,— гэбэб.

Август һарын тэн һэн. Огород соохи амтата ургамалнуудай, ойн элдэб жэмэсэй шүүһэ шэмэеэ хуряажа байһан ге.

Будажаб эрье доро абаашажа нюугаад, тосхоной хойто захын бүлэг айлнууд тээшэ намаяа дахуулжа, гойног-гойног гэшхэлбэ.

Захын гэртэ хүрэжэ ерэбэбди. Будажаб намда «эндээ хүлеэгээд байгаарай» гэжэ захяад, хартаабхын эшэ соогуур мүлхин үгы болошобо. Би хүреэ зайжа ургаһан үдхэн үлтэнэг соо хүлеэжэ һуунаб. Удааншье болонгүй Будажаб үзэгдэбэ. Хоёр гартаа нэжээд үгэрсэ баринхай. Хойноһоонь хамуур бариһан эхэнэр гүйжэ ябаба.

— Хара хулуушан! Арһыеш үбшэхэб! Үхибүүдэймни эдихэ үгэрсэ юундэ хулуугаабши?!

Бидэ хоюулаа зугадабабди. Үнөөхи эхэнэрнай харааһаар холо гээгдэбэ. Хахуулияа нюуһан газартаа ерэжэ, эрье руу доошоо орон хоробобди.

— Зай, аса наашань,— гэжэ томо үгэрсэдэнь гараа һарбайбаб.

Будажаб үгэрсэеэ урдаһаам һарбайһан аад, гэдэргэнь абашаба. Би гайхан тэрэнииe шэртэбэб. Шарайнь бүрхэг.

— Һөөлгэнь абаашахам.

— Хаана?

— Эзэндэнь.

— Хамуураар шабхадуулхаа гү?— гэжэ наадалбаб.

— Үхибүүдынь олон юм. Эдихэ аргамгүй,— гээд, Будажаб эрье өөдэ гараба. Нээрээшье тэрэ үнөөхи захынгаа айл тээшэ ябашаба. Би шүлһеэ залгяад лэ үлэшэбэб.

Нилээн болоһон хойно Будажаб бусажа ерэбэ. Гартаа үнөөхи хоёр үгэрсэеэ бариһан зандаа.

— Айшоо гүш?

— Үгы, абажа үгөөгүй.

— Хэн?

— Тэрэ эхэнэр. Гансал хожом бү хулуугаалай гээ. Би юушье хэлэбэгүйб. Хэлэхэшье үгэ олдоогүй һэн.

***

...Намарай түрүүшын үдэр. Аянай шубуудай холынгоо замда мордохо саг дүтэлөө. Гэрэймнай тээнгидэ байрлаһан хоёр хараасгайн дальбараанууд танигдахаар бэшэ болошоо. Эхэнь хүбүүдээ газаагуур гэр тойруулан ниидхэжэ һорино, хүшэр хүндэ ута замда бэлдэнэ.

Би энэ үглөөгүүр нарантай суг эртэлэн бодолсооб. Мүнөөдэр түрүүшынхеэ hургуулиин богоhо алхажа орохомни.

Ород эхэнэрэй бэлэглэhэн ном сүүмхэдээ хэбэб. Газаашаа гаража эжытэеэ hургуули тээшэ гэшхэлбэбди. Эхын гар дээрэ Эржээхэй нара заажа миhэрнэ. Маанадые Дампил Сэбжээн теэбэй хоёр хүсэжэ ерэбэ.

Фермэ тээшээ яаралтай хатаргажа ябаhан Ешэ маниие обёоржо жолоогоо сэхэ залаба. Хажуудамнай морёо тогтоогоод, хүнгэхэнөөр газарта hүрэжэ бууба. Дохолон гэхыньшье аргагүй.

— Зай, шимни hургуулида ошохошни гү? Hайн, hайн. Эрдэм бэлиг шудалха хэрэгтэй. Ши хонидоо бү мартаарай,—гэжэ Ешэ нюдэнэйнгөө уhа хамсыгаараа аршаадхиба.

— Үгы даа, би хонидоо хэзээдэшье мартахагүйб!

Эрхүү голой урасхал замдаа ушарhан нүүлэ сохин, шааяса урдана. Хойто мундарганууд адар томо баатарнуудтал мэтэ ойлгогдошогүй хүсэтэйшье мүртөө, юугээрээшьеб даа тон дүтэ, эли тодорхой. Тэдэнэр хүхэрhэн манан дундуур аржылдан тамарна. Мундарга үхибүүдээ холын замда дуудана.

Абын ангууша хүбүүхэй

Хандагайн шэнээн бэетэй
Халюун буурал баабгай
Хагда хүбхэ тэбэрижэ,
Хаана абаашахаа һанаа юм?
Ойн олон онголо
Урда хойноһоонь хараана.
Баабгай хороо бусалжа,
Бардам омогоор загнажа,
Араа шүдөө харуулан,
Архиран занан ябахадаа:
«Сaһан дорохи таабари,
Сагаан өөхэн унтари,
Таaһан хүн талаантай,
Таниһан хүн баяртай», — гээд,
Буртаг булдиин оёороор
Бухан шурган талиина.
Намарай сaһан орожо
Нам дулаан үдэрнүүд
Хойно хойноһоо һубарина.
Аляа зантай хүбүүхэй
Арбан гурбатай юм һэн ха.
Айл зайха дурагүй,

Агнаха ехэ дуратай.
Аба эжыдээ хэлэнгүй,
Шандаганда занга зүүбэ.
Шандаган зангадань оробогүй.
Хурада урьха зүүбэ.
Хура баһа оробогүй.
«Яаха ёһотой гээшэб,
Яахадаа олзо буруулааб,
Баруун тайга гарахаб,—
Баабгай тэндэ алахаб.
Абын буугаар агнахаб,
Агнуурида һаяар мордохоб».
Аба эжы хоёрынь
Алагша гүүгээ шаргалаад,
Айлшалжа түрэлдөө ошобо.
Хүбүүхэй гансаараа үлэжэ,
Хүхюутэй шангаар дуулана.
Хүхэ нохойгоо дуудана:
«Хорёошо гэгдэһэн
хорёошомни,
Хоюулан агнаха болообди!» —
гэжэ
Хоншоорынь хоёр гараараа
Эльбэн һуужа эрхэлүүлнэ.
Хүбүүхэй хүнэһээ түхеэрнэ,
Хүнгэн дэгэлээ үмдэнэ,
Амирхаан сообоноо һуйбадана,
Абынгаа бууе үргэлнэ,
Алма жадыень агсана.
Хүрин мориндоо мордобо,
Хүхэ нохойгоо хүтэлбэ,
Хүбшэ тээшэ хатаруулба.
«Абадал адли ангуушан
Агнуурида мордожо ябаналби,
Һүүдэрээ харахам—адли гүб?»—гэжэ
Һөөргэ уруугаа эрьенэ.

Ойдо хүбүүхэй оробо,
Ойн олон модондо
Омогтой дорюунаар хэлэбэ:
«Минии зангада ороогүй
Мэхэтэй шандага, хуранууудайтнай
Хэһэн гэмыень һануулжа,
Хэһээхэ гэжэ ерээлби!» — гэнэ.
Тиихэдэнь
Хүйтэн һалхин хүдэлжэ,
Хүбшын модон хүүежэ:
«Хүбүүхэй, хэшээгты, хайрлыт!
Дуратай ангаа абаашыт!
Дохижо мүргэжэ байналди»,—
Гэлдэһэн шэнги байбад ха.
Хүбүүхэй ехэ хүхюутэй:
Хүрөө, тиигээд зогсогты!
Хүндэлжэ яһала мүргэбэлта.
Ан гүрөөһэеэ адуулжа,
Амгалан зандаа һуугты даа!
Абынгаа ябадаг харгыгаар
Агнуурияа иигээд эхилхэмни»,— гээд,
Хяра дамжан ошоходонь,
Хирмаг сагаан саһан дээрэ
Ангира-хангира харайлдаһан
Ангай мүрнүүд харагдана.
Хүзүүнэйнь оохор тайлажа,
Хүхэ нохойгоо тухирна.
Хүрин мориёо угзаржа,
Хүлыень хүнгөөр татуулна.
Нарһан ногоон набтуулай
Намаа шударан гулдирна,
Һайхан буурал тэрэлжын
Һамбай шүүрэн һамарна.
Хүбшын модоной зэдэлсэ
Хүхэ нохойнь хусана.
«Буга һогоо ээрэбэ гү,

Булга хэрмэ һойбо гү?
Хадын шандага хараба гү,
Хара баабгайе бохобо
гү?» — гэжэ
Хүрин мориёо нэшэжэ,
Хүбүүхэй түргөөр хатаргана.
Шэбэртэ хүндын эхиндэ
Шэлын нахид хүтэлдэ,
Шэлбэһэ ехэтэ модондо
Торгон борохон үһэтэй,
Толбо сагаан үбсүүтэй,
Бээлэйһээ бишыхан бэетэй,
Бэрхэ солбон буушатай

Бушуу хөөрхэн амитан
Боол дээрэ дэбхэржэ,
Зурам харахан hүүлээ
Зоон дээрээ хитаруулан,
Амар мэндые хэлэhэндэл,
Айлшан буугыт гэhэндэл,
Угтан хүлеэн hууба ха.
Хүбүүхэй доро дохино,
Хүрин мориёо татана.
Хүхэ нохойнь хусажа,
Хүл доронь шарбана.
«Минии хуушан танилтай,
Мэндэ амараа мэдэлсыш!
Тала танил бололсыш!
Табан хургаяа
адхалсыш!» — гэжэ
hаб-hабхан хусажа,
hанаhан үгэеэ залгуулна.
Хүбүүхэйн шарай улайжа:
«Хүндэтэ нэрэтнай хэн бэ?
Хүбшэ тайгын hониниие
Хөөрэн хэлэн hуугыт!»—гээд,
Хүлеэн шэртэн байна ха.
Тиихэдэнь
Хоёр шэхэниинь хүдэлжэ,
Хойшо урагшаа hиилэнэ,
Хоёр нюдэниинь ялалзан,
Хурса хурсаар шэрбэнэ.
«Хүндэтэй болоhон нэрыем
Хүн бүхэн мэдэхэ юм,
Алдартай болоhон байрыем
Ангуушан бүхэн олохо юм.
hайхан тайгада нютаглажа,
hамарай тархи hамнашадаг,
Буртаг тайгада нютаглажа,
Борбоосгойн тархи буташадаг

Хээрын хүбүүн хэрмэн гээшэб!
Хариһаа ерэһэн айлшамни,
Хаана хүрэтэр зорибот?
Хэнэй хүбүүн гээшэбта,
Хэн гэжэ нэрэтэйбта?
Эсэгын танилаар ерэбэ гүт,
Эрын зоригоор зорибо гүт?» —
Гэһэн шэнгеэр аашална.
Гэмэр гутар дэбхэрнэ.
Хүбүүхэй буугаа мултажа,
Хүл дээрэнь тодхоно.
«Хэрмэнэй тархи хэлтэшэдэг,
Һолонгын тархи һуйбададаг
Хүнэй хүбүүн Хүбүүхэй
Хүлзэн шагаан байналби,
Мэргэн харын аманһаа
Мэндэ амарые хүргэнэм»,— гээд
Буугай дуугаар хүндэлнэ.
Һүүлээ хэрмэн буулгажа,
Һүүлшын мэндые хүргэнэ.
Газар тэбэрин унашоод:
«Галтай духаряа барибалта,
Гайхал ехээр һогтоболби.
Шэнэхэн сахан шэрдэг дээрэ
Шэнгэрһэн дэрэеэ дэрлэжэ,
Унтахам»,— гэһэндэл хэбтэшэнэ.
Хүбүүхэй дээрэнь ерэжэ,
Хөөрхэй гэжэ хөөршөөнэ,
Гартаа барижа эльбэнэ,
Гайхан дээрэ үргэнэ.
Бара гэжэ барлана.
Баян дайдын хэшэг гэнэ.
Бардам эрын олзо гэнэ.
Хүбүүхэй саашаа ябана.
Хүрин мориёо гуядана.
Булуу томо шулуунууд

Буртаг соогуур харлана.
Үндэр набтар гурьбанууд
Үргэн нарин харагдана.
Хара арса хангалтана,
Хамар хадхан анхилна.
Һөөргөө нохойнь хаража,
Һүүлээ шарбан гиинана.
Сahатай сагаан дошо дээрэ
Сараа мүршье байгаагүй.
Хүнхэр хүйтэн нүхэнһөө
Хүбхэ хагдан бултайна.
Баабгайн нүхэн байбалтайш,
Байза шамай үзэхэмни гээд,

Амһар дээрэнь дүтэлнэ.
Алга хооһон юумэдэл,
Абяа шэмээ гаранагүй.
Хүбүүхэй ехэ хүхюутэй —
Хүрин шарай шарайлна.
Ангуушанай хөөрэн һууһыень,
Абынгаа баабгай алаһыень
Һанан шэбшэн маһарна.
Мориёо модонһоо уяна.
Модо таһара сабшана,
Хооһон мүнөө нүхые
Хуһан хоёр хүшүүргээр
Багса ёборон хадууна,
Гэзэгэ дээрэнь гарана,
Гэрэлтэй сооног гаргана.
Богоһо дээрэнь боһожо,
Буу жадаяа тодхоно,
Амирхаан сообон һүхэеэ
Ара дундаа һуйбадана.
«Гаража ерыш, баабгай,
Гарай шалаа гаргаял!
Бодожо ерыш, баабгай,
Буугай амаар золгоёл!—гэнэ.
Ошо дүлэн сорьёжо,
Утаан ехээр бадхажа,
Буугай дуун нэрьенэ.
Ула дороһоонь оболзон,
Уур сухал хүдэлнэ.
Хүйтэн шэрүүн хүрхирөөн,
Хүл дороһоонь дорьбоно.
Хүбүүхэй жадаяа барижа,
Гэзэгынь сооног үрхэ дээрэ
Гэтэн хүлеэн байна.
Буурал сагаан һорьмойтой
Бухын шэнээн юумэ
Бугзан хүлзэн ерэбэ.

«Абын жада азаараа,
Алаха болихоёо мэдээрэй!» — гээд,
Аһан шадалаараа ёборно.
Модон эшэнь тэртэгэдэн,
Мулта һүрэн гарашана.
Хангир жадань нугаржа,
Хадхаха дахин аргагүй,
Халаг гэжэ хашхарна.
Хажуудаа хэбтэһэн нүүлэ дээрэ
Сэхэлхэ гэжэ үнсэгдэнэ.
Сэхэ мүһэн һорболжонь
Хуха һүрэн арилна.
Хурса шүдэн ирзагад гээд,
Хуһан хоёр хүшүүргын
Бэлшэр шүүрэн буухадань,
Хүхэ нохойнь тулалдан,
Хүшэ туршан эхилнэ.
Хүбүүхэйн шарай хүхэржэ,
Морин тээшээ харайна.
Мориниинь жэгшэн шархаана,
Жолоонь шиилдэн шангаана.
Арга сүлөөгөө таһаржа,
Ара тээшээ харахадань,
Баабгай сээжээ бултайлгаад,
Барихам эдихэм гэһэндэл,
Хүрхирэн хүшэлэн бархиржа,
Хүхэ нохойдонь дугташана.
Хүбүүхэй ехээр бахардан
Абаяа нэгэ хашхаржа:
«Абыш, гарабал яахабиб!» — гээд
Амирхаан сообоноо далайжа,
Туласа баабгайн урдаһаа:
«Тогто!» — гэжэ бадашана.
Тун хариһан юумэдэл,
Баабгай бага сухарина.
Байһан бүхы шадалаараа

Баабгайн толгой сабшана.
Ууpаг тархинь сэсэржэ,
Улаан шуһан урдажа,
Баабгай шорой үмхэнэ.
Бара гэжэ баярлан,
Хүбүүхэй хүхин дэбхэрнэ.
Хүзүүнһээнь баабгайгаа оонорлоод,
Хүрин мориндоо дүрөөбшэлөөд,
Хүхэ нохойгоо дахуулаад,
Гэр тээшээ гэшхүүлнэ,
Дуугаа дуулан дугшуулна.
«Хүхэ нохоймни хүхюутэйл,
Хүрин моримни урматайл,
Хүбүүхэй өөрөө баяртайл,
Баабгай хэнхэн алааб даа?
Баабайн хүбүүн Хүбүүхэй.
Баяртай хэнхэн байхаб даа?
Баабай эжы хоёрынь»,— гэжэ
Ойн модо зэдэлсэ
Омог шангаар дуулана.
Эсэгэнь хүбүүгээ эльбэнэ.
Эрэлхэг зоригыень магтана.
Эжынь хүбүүгээ зэмэлнэ,
Эрхэ холшорынь тоолоно.
Хүбүүхэйн түрүүшын олзо,
Хүрин мориной шан,
Хүхэ нохойн хуби
Бага бэшэ, ехэ гэлдэжэ
Баабай эжы хоёрынь
Баабгай хэрмэн хоёрыень
Баяртай тойрон байнат ха.
Ангууша хүн юунһээшье
Айхагүй зоригтой ябадаг гэлдэнэ.
Ангууша хүн юушье
Алдахагүй мэргэн буудадаг гэлдэнэ.

Эжы

Наһанай хайрата нүхэр
Сандановa Санжижабайнгаа
мүнхэ дурасхалда

Хүрһэтэ алтан дэлхэй дээрэ хүн боложо мүндэлхэһөөшни холо урид шинии түлөө үдэр һүниин һанаа үнөөндэ абтажа, элүүр энхэ түрэхыншни түлөө оролдоһон хэн бэлэй? Аятай бүлеэхэн альгатай, энхэргэн халуун зүрхэ сэдьхэлтэй, уринһаа урин шарайтай эжыл ааб даа, ашата һайхан эжы!

Шашхан бархиржал шадахаһаа бэшэ юумэгүй, эжынгээ домто уурагтай хүхэ хүхэжэ, амидаралай эхиие амсаһан аргагүй үнжэгэн тэрэ нялха нарай үедэш һүниие һүни гэнгүй, үдэрые үдэр гэнгүй, үлгы дээрэш үргэһэ нойргүй тонгойгшо хэн бэлэй? Үлгы дээрэш үлгын дуугаар үеыншни зол жаргал дуудан, даруу аргаахан хоолойгоор дуулагша эжышнил ааб даа, энхэргэн һайхан эжы!

Эдижэ садаад, эльгэ дүүрэн энеэбхилэн гэхэдэш, эгээл түрүүн энэ дэлхэйдэ энэ дэмбэрэлтэ энеэбхилгээр эхин баяраа мэдүүлхэ таамтай байһыеш, түһөө хүсэд түһөөлөөгүй шарай дээрэш анхан таниһан хэн бэ даа? Эльгэ нимгэн эжы!

Зөөлэн дулаан мансы соогоо тэршэл тэршэлһээр, тэрэ тухайхан таршалжа, мүр улагүй мүлхижэ захалһаар үндын тэн-

жэжэ, эжын зөөлэн дулаахан гараар хүтэлэгдэжэ, абынгаа ажалша гарта хүрэтэр хэһэн түби дээрэхи түрүүшыншни алхамда түбхын түрүүдэ хэн уяран баясааб даа? Урин дулаан шарайта эжы!

Балшар бага наһанайш ааша аягта хаһа ерэжэ, миин лэ амхагар мүнсэгэр мүйлэ — энэ гэхэ шүдэгүй аманһааш, «Маамаа!» гэһэн абяанай анхан долгисон соностохо мэтэ болоходо, хэнэй сэдьхэл хүмэрин уярхажа, хэлэшэгүй жаргалай үертэ абтаа гээбши? Уян зөөлэн сэдьхэлтэ эжы!

Хэзээ нэгэтэ халууран олойржо үбшэлхэдэш, хэнһээшье хэмгүй ехээр мэгдэжэ, жэнтэ дулаан бэедээ няажа, зүнтэ зөөлэн сэдьхэлдээ зобожо, элүүр өөдэргэ болоторшни һалиран һабандаһан, эльгээеэ эрхэ бэшэ хүмэрюулһэн эгээ байха, эгээл эбэрһэн хэн болоноб? Арюун алтан зүрхэ сэдьхэлтэ эжы!

Үетэн соогоо үндыжэ, үзэсхэлэн юртэмсэтэй танилсажа, үгы биие мэдэржэ, үгэ заабари тоожо эхилхэ хаһандаа байн байн баярлахашье, ганхан гунхан гажархашье мэдэрэл эрхэ бэшэ ам-

сахадаш, хэнһээшье үнэншэ, хэнһээшье сэсэн, хэнһээшье шэдитэй хэн тодорхо бэлэй? Зүнтэ зүрхэтэ эжы!

Үзэг бэшэгэй үзэсхэлэн угалза үгэлэн танижа, хоёрһоо нэгые хороожо, арба-табые арьбадхажа, хори-гушые хубаажа, нэтэрүү нэгые нэмээжэ һураха хаһандаа хамаг муу һайгаа, хамаг харанан үзэһэнөө хэндэ түрүүн лэ найданабши даа? Хайрата һайхан эжыдээ!

Эрхэ зоргондоо боложо ябаһаар эндүүржэ, абари зангай алибаа шэнжэдэ дашууржа, алдуу амсажа, түбиин харгыда төөрихэ болоод, манан соогуур тэмтэрхэ зэргэтэй байгаа һаа, хэнһээ тон түрүүн туһа абаха бэлэйш? Сагаан сэдьхэлтэ эжыһээ!

Зол жаргалтай, жабхалан һүлдэтэй, зон нүхэдтэй, урагшатай өөдэргэ ябахадашни, шамһаа ехээр хэн баясан хүхихэб, хэн шарайгаа сэлмээн жаргахаб? Эмгэн эжыл ааб даа, эжы!

Сагай хурдан гүйдэлтэй эбдүүсэн урилдаһаар, үйлэ хэрэгэй боро юрьеэн соо бүншэһөөр, хүсэлтэ юумэндээ хэтэдээ үсэдхэн тэгүүлһээр зам харгыгаа үргэлжэлүүлэн саашаа алхалхадаш, эгээл хэнэй хэлэһэн үгэ, заабари, захяа, мартагдахагүй мүнхэ магнай дээрэш соностон сууряатажа ябахаб, толтото зүрхэнэйш сохидол бүхэндэ үлгыдүүлэн, ходол долгисон шэшэргэнэхэб? Эжын сэсэн үгэ, зэндэмэни заабари, заяата захяа!

Бээлэй

Нагаса эжынь Батадаа хүхэ тансаран гадартай, улаахан тамһан үлгэбшэтэй, хурьганай арһан дотортой бээлэй оёбо. Намарай ольбон унабашье, хүсэд жабарлан хүйтэрөөдүй уе байгаа. Хэзээ саб сагаан сахан дайда дэлхэйе хушажа, сэбдэг хүйтэн болоод, һалхи шуурганай мандайлган обоолһон хүнгэрэг дээрэһээ шаргаар һолжоржо наадаха саг ерэхэб даа гэжэ Бата хүлеэжэ ядадаг байба. Бээлэйгээ ехэл гоёшоон, гэртээ баряад туршахадань, гарынь удангүй халуудашаха юм.

Хото городто ажаһуудаг абгайнь айлшаар ерэхэдээ, олон һайхан наадхуурнуудые асаржа баярлуулба. Үшөө тиигэхэдэ улаахан үнгэтэй, хээ угалзаар гоёон шэмэглэгдэнхэй варежка асарба. Бата энээндэнь бүришье хүхишэбэ даа.

Удангүй сагһан ехээр орожо, оршон тойрон нюдэ ялабхяама сайбар болошобо. Нэгэ-хоёр үдэр намдуун байһанаа, гэнтэ һалхин хүдэлжэ, шуурга шамарган эхилшэбэ. Гансатал жабартай хүйтэн боложо, газаагуур гаража наадахашье ушарынь үсөөдэбэ. Һалхи шуурганай һүүлээр хашаа хорёогой эбэр талаар хада хабсагайдал түхэлтэй хүнгэрэгүүд үлэбэ.

Сээниг соогоо үни заяанда бэлэн табигданхай шаргаяа Бата абаад, газаашаа гараба. Хүршэ айлайнгаа хүбүүдээр хамта шаргаар һолжоролгоншье захалшаба даа. Түрүүшээр эгээл набтархан хүнгэрэг дээрэһээ тэдэнэр һолжорбо. Тиигэһээр эгээл үндэрэйшье оройһоо доошоо һолжорон наадабад.

Хэдэн аха хүбүүд дүтын хадын боориһоо санаар буужа, багашуулай атаархал ехэл татан, наадажа байһан хүнгэрэг сагһаниинь шоргоолжоной бутадал набтарханаар тэдээндэ үзэгдэбэ.

Хадын хаялга тээшэ дахасалдан ошоһон нүхэдтэеэ Бата халан һандангүй тэгүүлбэ. Тиигэжэ ябахадаа, гарайнгаа бээрэжэ эхилһые удангүй мэдэрбэ. Хадын бооридо хүрэхэ үедөө гарынь хүсэд дааранхай байба.

Бата дааран барин хэды соо һолжорон наадаад, гэртээ бусагһан түрүүшын хүбүүдээр хамта гэр тээшээ түргэхэн алхалба.

Гэртээ орожо, дулаасаад байхадаа, нагаса эжынгээ хэлэһэн үгын зүб байһые гүнзэгыгөөр хадуун абаа бэлэй: «Бата, газаагуур наадахадаш, жабартай хүйтэн байха. Хурьган дотортой бээлэйгээ норгонгүй үмдөөд ябаарай!»

Теэд Бата улаахан варежкын гоёдонь ороод, барижа ябаһандаа, гараа даараа ха юм даа.

Талын сэсэгүүд

Элдин тэнюун энхэ талаараа зулгы зунай зүлгэ ногоон дээгүүр сүлөөтэй сэнгүүн алхалжа ябанаб. Аадар бороогой һүүлээр агаар тунгалаг — амилхада хүнгэн. Долоон үнгэтэ һолонго үзэсхэлэнтэ дугыдал бүхээгтэнэ. Аадарай дуһалаар һэлюурдүүлэн шүүрдэгдэжэ, ганхан унангүй тэсэһэн талын сэсэгүүд һэргэн һолонготоно...

Хүдөө дайдын хүгжэмтэ абяа дууряан жэнгирхэдэжэ байдаг сэнхир хүхэхэнүүд хонхо сэсэг.

Үдэшэ үглөөнэй шааруулай шааяантай шаханалдажа һуудаг шарахан дэльбэтэй шаазгай сэсэг.

Һүниин галай улаан дүлэ бадаруулан улайржа байдаг өөхэн сагаан хибһэтэй улаалзай сэсэг.

Сahан сагаан дэльбээрээ сахилан байһан балжан гарма сэсэг.

Хүхэ алаг дэльбээрээ хүнэй дура татан байдаг алаг нюдэн сэсэг.

Хомхоол тоорсогоор дүүрэн ургаад, хашасалдан һалбардаг ягаан хүхэхэнүүд хонгор зула сэсэг.

Хүхэлтэ шэнгеэр хумиран ургадаг хүхэхэн будагтай пасхуу сэсэг.

Хаялгын ногоон соо шалгаран харагдадаг ягаан сэсэг.

Адаалхай набшаараа хадхан байдаг монсогор лама тархи сэсэг...

Би эдэ һайхан сэсэгүүдэй нэгыеньшье таһалаагүйб. Баглаа болгон суглуулаад, гэртээ абаашажа, уһан соо һуулгаашье һаамни, нэгэ-хоёр үдэр болоод, наршын хаташаха бшуу. Харин хээрэ хүдөөдөө һалбаран сэсэглэжэ, буурсагаа эдеэшүүлэн, үрэеэ сасан тараахадаа, үлгэн дэлюун дэлхэйнгээ үрэжэлтэ хүрьһэн соо үшөө олон боложо һалбарха ха юм. Газар дэлхэйнгээ сээжые гайхамшаг хээ угалзадал шэмэглэжэ байһан бүхы һайхан сэсэгүүд һалбаран сэсэглэжэл байг лэ!

«Олохоб!»

Юуб даа оёжо, туха сүлөөгүй һуурһан эжынь хүбүүхэнэйнгээ бото гуталаа үмдэжэ байхые адаглан хараад асууба:

— Юундэ гэнтэ ботоёо үмдэбэ гээшэбши? Газаа шабар шабхагүй, хуурай байна ха юм.

— Би шабар шабха олохоб!

«Алтан гартай»

Хоёрдохи классай багша хэшээлэйнгээ үедэ һурагшадтаа нэгэ богонихон үгүүлэл уншуулба. Тиигээд тэрэнэйнгээ удхаар хөөрэлдөө үнгэргэбэ. Багша үгүүлэл соохи нэгэ иимэ мэдүүлэл дээрэ тогтон, үхибүүдые анхаралтайгаар удхыень ойлгогты гэжэ зааба: «Эжымнай алтан гартай хүн байһан юм даа».

— «Алтан гартай» гэжэ ямар хадань хэлэбэ гээшэб? — гэжэ багша һурагшадтаа асуудал табиба.

Хори гаран һурагшадай арба гараниинь гансата гараа үргэбэд. Багшань Дулма гэжэ гэнэхэн даруу зантай, һанаһанаа сэхэ хэлэдэг басаганда хандаба.

— Манай баруун хүршэ айлай абгай алтан гартай юм. Хоёр гарайнгаа дүрбэн хурганда алтан бэһэлигүүдтэй, үшөө хоёр шэхэндээ алтан һиихэтэй, хүзүүндээ...— гэжэ басаганай харюусан тоолооной хүсэд дүүрээдүйдэ үхибүүд бэеэ барингүй энеэлдэшэбэ.

За грибами

В лес за грибами поехали всей семьёй. Хорошо в лесу: пахнет хвоей и грибами, тихо. Только не совсем тихо. Вот шумит, падая с дерева, сухая ветка, вот, пискнув, шуршит в траве полосатый бурундучок, тоненько тенькает какая-то птичка.

Собирали только рыжики, волнушки и грузди. Бабушка показывала внучке, где растут эти грибы и учила, как надо их срезать.

Синица

На каникулы приехала Ира в деревню погостить у бабушки и дедушки. Увидела Ира во дворе синичек и воробьев и говорит дедушке:

— Сейчас птичкам и холодно и голодно. Сделай, дедушка, кормушку, а я буду их кормить.

Сделал дедушка кормушку. Прикрепил её во дворе у дерева, чтоб из окна видно было. Насыпала Ира в кормушку хлебных крошек да мелких кусочков жира. Потом стала поглядывать в окно из дома. Вскоре на кормушке уселось несколько синиц.

— Скоро явились на обед синицы,— сказал дедушка.

— Почему синицы? Это зелентайки! — возразила Ира.

— Как зелентайки? — удивился дедушка.

— Посмотри — они зелёные. А ещё можно назвать белощёчки. Посмотри, какой у них нарядный галстук! Это же модницы!

Пришлось дедушке объяснить внучке, почему эта хорошенькая птичка называется синицей.

Андрианов ключ

В одной маленькой горной деревушке злой колдун закрыл огромным камнем воду единственного ключа-источника, которым пользовались люди. Как ни пытались люди сдвинуть этот камень с места, никак не могли. День сидели без воды, два дня. Воды всё не было. Жажда стала мучить всех, дети плакали и просили пить. Жители деревни послали к колдуну старейшин. Пришли старики в горы и стали звать злого колдуна на разговор. Не появлялся тот. Тогда выложили подарки — всё самое лучшее, драгоценное собрали по домам. Прельстился колдун этим и вышел.

— Но воды, — сказал он, — буду давать каждый день меньше и меньше.

Пошли люди на это условие, надо же спасать детей, а дальше видно будет. Ведь найдётся смелый человек и сразится с обидчиком. Согласились старейшины ещё потому, что им наказали земляки поспешать и без воды не возвращаться. С каждым днём в деревню воды поступало всё меньше и меньше.

Некоторые жители засобирались с обжитых мест, поговаривая: «Погибнем здесь! Нам не справиться с колдуном».

Но один из юношей, Андриан, сказал:

— Земляки! Испокон веков здесь жили наши предки. Неужели мы покинем родные гнезда? Покоримся колдуну? Я пойду к нему! Может, и погибну, но пока жив, буду бороться. Ждите

меня три дня. Если не добуду воды к тому времени, то спускайтесь в долину.

Мать проводила сына в дорогу, отдала последний глоток воды. Юноша ушёл в горы сразиться с колдуном. А тот закрыл камнем ключ совсем, ожидая, что люди вот-вот уйдут отсюда. Андриан дошёл до этого камня. Целая стена перед ним. Что можно сделать с нею, чтобы выпустить воду на волю?

Думал-думал и придумал. Стал рубить и носить к этой стене ветки, деревья, надеясь развести огромный костёр. Потом решил обложить камень огнём, чтобы раскалить его докрасна. Затем воду, что мать в дорогу дала, он плеснет на раскаленный камень. Может, камень и лопнет, расколется на части.

Третий день начинался.

Без отдыха, изнемогая от жажды, он готовил пищу для огня. Несколько раз порывался выпить последний глоток воды, но сразу вспоминал, что без него ему камень не одолеть. Костер горел, трещал, было жарко юноше и трудно, но он не останавливался, торопил себя.

Злой колдун выспался и пришел к ключу. Увидев юношу, сильно разъярился:

— Что это ты делаешь здесь?

Решил провести его парень, обмануть глупца и отвечает:

— Выжигаю огнём последнюю воду, тебе помогаю.

— Давай, давай, я тебя одарю за это, — рявкнул примирительно колдун.

— Что же ты мне дашь? — спросил юноша.

— А что пожелаешь — золото, драгоценности.

— Нет, ничего мне не надо, — сказал Андриан. Поглядел, что камень уже раскалился докрасна и попросил:

— Притомился я, мне бы немного воды испить, чуть-чуть.

— Согласен!— ответил глупый колдун, а когда произнёс своё заклинание, то хлынула вода и лопнул камень в нескольких местах, выпустил воду из неволи. Грохот был сильный, пар поднялся до самых небес. Злой колдун погиб, погиб и юноша. Жители, собравшиеся уходить, остались в родных краях.

Пришли, расчистили ключ, посадили вокруг много цветов, а в честь спасителя назвали его «Андрианов ключ».

В деревне уже на следующий год всё зеленело и цвело, смеялись дети, были слышны весёлые песни.

Байкальская сказка

У светлого Месяца много дочерей. И сколько бы мы ни смотрели на небо, ни пытались сосчитать их, у нас не получится. А отец Месяц знает и помнит всех. И вот родилась у него ещё одна ясноглазая дочь-красавица — младшая Звёздочка. Светила она неведомым светом, удивлённо глядя с высоты на голубую землю.

Как-то, скользя по высокому небу, засмотрелась она на красоту, открывшуюся ей, и заметила в обрамлении гор и лесов, на земле, светлый рожок. Что это? Она всмотрелась и поняла, что это море. А вода в нём светлая и прозрачная, как изумруд. Смотрела она в неё и видела своё отражение. Звёздочка спросила отца: «Что это за море?» Он ответил: «Это священное озеро Байкал».

Удивлённые глаза дочери сверкнули. С тех пор стал замечать отец, что Звёздочка тоскует, останавливается над озером, опускаясь все ниже и ниже, мигая своим загадочным и нежным светом, не сводит глаз с могучего Байкала. Тот отвечал ей взаимностью. Рвался вверх, разбиваясь о скалы, простирая волны-руки к небу. Как ни бился он, но не мог оторваться от земли, затихал и успокаивался, ласково играя с берегом, слушал крик чаек, глядел в далёкое и неведомое небо.

Долго ли, коротко ли так продолжалось, но однажды увидели люди, как Звёздочка, блеснув прощальным огнём, очертив светлую линию, скатилась с неба и упала прямо в объятия Байкала. Они соединились. А Байкал стал ещё прекраснее, брызги волн его серебрились, сверкали, и в них сотнями, тысячами повторялось отражение Звёздочки. К их очагу, к их любви устремили

свои воды бурные и медленные реки, как к добрым и гостеприимным хозяевам.

И вскоре родилась у них дочь — красавица Ангара. Однажды, во время весеннего разлива, к Ангаре на водопой пришли мать Олениха и маленький Оленёнок. Усталые олени жадно захватывали воду большими губами и долго пили, утоляя жажду. Потом они улеглись на пригорке бок о бок. А ночь неслышно опустилась на кроны деревьев и, не торопясь, сползла на землю. Мать Олениха, как обычно перед сном, стала рассказывать что-то своему сыну. Прислушалась и Ангара:

— Есть на Севере большая река Енисей — не перейти, не переплыть. Говорят, вода там очень вкусная. Слышала я, что ждёт Енисей посланца от Байкала, а посланца все нет и нет.

Заснули Оленёнок и его мать, и только Ангара долго ворочалась в тесных, крутых берегах. А когда заснула, приснился ей витязь широкобровый. Услышала Ангара его сильный, зовущий голос, бросилась к нему, а он обернулся такой широкой рекой, что и берегов не видно.

Проснулась Ангара и понять не может: сон то был или явь. Пошла к Байкалу.

— Скажи, отец, почему тебя все любят?

И ответил дочери седой Байкал:

— Мои родители наказывали когда-то: не жди, чтобы добра тебе желали, старайся прежде сам его сделать. Пусть твой взгляд будет так же светел, как и твои мысли. Да будешь жив этим и благословен!

Выслушав наказ, спросила дочь отца:

— Правда ли, что ты собирался послать добрый привет Енисею? Я хочу передать его.

Седой Байкал удивился и ответил:

— В добрый путь, дочь моя!

Помчалась Ангара, огибая валуны, водопадами спадая с гор, пересекая сухие долины, пробираясь через непроходимые чащи, навстречу Енисею.

Однажды на небе появился чёрный дым, запахло гарью. Из зарослей на берег выскочил чёрно-серебристый соболёк и запищал:

— О, сестра, спаси нас! Тайга горит, всё горит! Нам не убежать, не справиться, все погибнем в огне.

Из леса, задыхаясь, бежали медведи, лоси, белки. И Ангара, свернув с намеченного пути, помчалась навстречу пожару.

Удивляясь её силе и решительности, огонь затих и отступил. И река помчалась по оставшимся огненным островкам.

Медведи, зайцы, соболи, лоси, таёжные красавицы-сосны, берёзы, кедры благодарно кричали Ангаре вслед:

— Породнились мы с тобой, ты нам сестрою стала! Знай это, может, и наша помощь когда потребуется!

С тех пор неразлучна Ангара с тайгой и её обитателями. Всё ближе и ближе была Ангара к своей цели. Лишь одно волновало — а как-то встретит её Енисей? Но закончился долгий путь, и поняла Ангара, что не зря стремилась к могучему Енисею, сибирскому богатырю. Не зря одолела многие сотни верст, а Енисей о разлуке и думать не мог.

И поплыл первой доброй весточкой от Ангары и Енисея к светлейшему Байкалу белый пароход. За первым пошёл второй, третий... Зажглись на берегах огни, зазвучали песни.

Живут с тех пор в любви и согласии Ангара, Енисей и Байкал. От этого прочного союза пуще разрастается тайга, множится соболь, радуя глаз серебром своего пушистого меха. Всё в этом мире взаимосвязано. Реки неразлучны с тайгой. Тайга неразлучна с землёй, земля неразлучна с небом.

Цветут в урочищах рек черёмуховые заросли, расстилается по сопкам и гольцам алый ковёр багульника, в высоких травах распахивают диковинные цветы свои синие, желтые, лазоревые глаза.

Но всё чаще хмурится Байкал, слизывая битое стекло, глотая фиолетовые пятна нефти, выбрасывая на берег щелочную пену, спасая косяки серебристого омуля, рачков, и каждое утро протягивает в надежде руки-волны навстречу солнцу, принимая его улыбку.

Отбросив столетия, расправляет плечи Байкал. Прощая людское зло, он всё же надеется на непроходящую доброту людей.

Сказка о потерявшемся медвежонке

Эта история произошла давным-давно.

Жили на берегу большого моря Медведь и Медведица. И были они не бурые и не белые. Цвет их шкур был необычный, голубоватого оттенка. Родился у них маленький Медвежонок. Мех его шубки был лёгким, как пух, и тоже голубым, как летнее небо.

Души не чаяли медведи в своём маленьком сыне. Отец Медведь катал его на спине, приносил ему с берега цветные камушки и ракушки. А мать Медведица кормила малыша каждое утро каким-нибудь лакомством. Вечером высыпали на небо яркие звёзды. Они слушали колыбельные песни, которые напевала мать Медведица своему сыночку. И звёзды замирали в вышине, так им нравились эти песни. Такой лад, такой мир царили в семье медведей, что лучшего и желать было невозможно.

Но однажды Медвежонок потерялся. Медведь то ходил по берегу взад и вперёд, то замирал на месте. Он вглядывался в льдины и плавучие ледяные горы: вдруг на какой-нибудь из них окажется его сын. А Медведица рыдала.

— Беде слезами не поможешь. Завтра пойдём на поиски, — сказал Медведь.

...Рано-рано, чуть только засветился край неба на востоке, отправились Медведи в путь. Мать спешила на север, а отец на юг. Вьюги и холода встретили Медведицу, как только она вступила на земли властительницы Севера. Снег сёк её шерсть и забивал глаза. Хозяйка Севера заметала позёмкой тропы, возводила на пути торосы, расстилала полыньи и трещины. Но Медведица умела плавать в ледяной воде, переносить жестокие морозы, карабкаться через снежные преграды. В пути она напевала колыбельные, которые так любил её Медвежонок.

Властительница Севера отняла у Медведицы голос и отдала его ветрам. Голубой цвет её красивой шубы отдала льдам. Но и это не испугало Медведицу. Она продолжала искать своего Медвежонка. Когда силы оставляли её, она поднимала глаза к небу и молила: «О Небо, сжалься надо мной! Укажи путь к сыночку!»

Но небо не знало, куда направить исстрадавшуюся мать.

Однажды звёзды попробовали разглядеть мать Медведицу. Они хотели узнать, сколько ей удалось пройти. Долго искали они Медведицу и, наконец, увидели. Она лежала неподвижно среди льдов. И стали звёзды совет держать, как помочь несчастной матери.

— А давайте поднимем её высоко-высоко, может, увидит она своего Медвежонка, — воскликнула маленькая Звёздочка. Её предложение показалось разумным остальным звёздам.

Вот тогда и появилось на небе созвездие Большая Медведица.

Не знали медведи, что Большая Льдина унесла на себе их сына к небольшому островку. Постояла она чуть-чуть у берега и растаяла от жаркого южного солнца. Так и остался Медвежонок на острове.

Медвежонок радовался. Раковинки и цветные камушки были здесь ещё красивее тех, какие приносил ему отец. Он гонялся за большими красивыми бабочками, обнюхивал диковинные цветы, кувыркался, забредал в теплую воду.

Скоро Медвежонку всё наскучило. Он проголодался и захотел спать. Но он не умел засыпать без ласковых маминых песен. И пошёл Медвежонок искать родителей.

Долго бродил он по острову, звал отца и мать, но они не откликались. Горько стало Медвежонку в чужом краю, а пути к родному дому он не находил.

Прошло много дней, и однажды над островом разразилась гроза. Дождь лил как из ведра, и Медвежонок промок насквозь. Сверкала молния, в диком хороводе кружились ветра, и остров стал погружаться в воду. Медвежонок долго пятился от наступающей воды, пока не оказался на совсем маленьком островке, который ещё не успела поглотить вода.

Вдруг среди множества голосов он услышал голос матери. Это северный ветер на своих сильных крыльях принес отголосок колыбельной песни.

— Мама! Мамочка! Где ты? — громко закричал Медвежонок, со страхом оглядываясь по сторонам. Тут и заметили его далекие северные звёзды. Заметалась в волнении Большая Медведица, вот-вот сорвётся и полетит вниз. Звёзды помогли ей и на этот раз...

И появилось рядом с Большой Медведицей созвездие Малого Медвежонка.

А где же отец Медведь?

Шёл он тундрой, лесами, степями, болотами... Обходил горы высокие, продирался сквозь чащи непроходимые. Звери смотрели с удивлением на голубого медведя.

Он задавал всем один и тот же вопрос:

— Скажите, пожалуйста, не забредал ли сюда маленький голубой Медвежонок?

И звери качали головами: нет, не видели они никакого голубого Медвежонка.

Однажды случилась беда. Упал отец Медведь в глубокую яму и ушибся очень. Долго лежал, а когда начал подниматься на задние лапы, не смог удержаться на них. Он посмотрел вверх и понял, что едва ли выберется отсюда. Лёг снова на дно ямы и застонал от боли и горя.

Вдруг рядом упал странный смолистый комочек. Медведь сжал его в лапах — посыпались крупные зёрна. Это старый Кедр решил помочь попавшему в беду Медведю.

Подкрепился Медведь орехами и стал рыть бок ямы, подгребая под себя землю. Вот уже недалеко и край. Протянул Кедр Медведю свою мохнатую лапу и помог выбраться наверх.

Подружились два великана. Со временем Медведь стал бурым, и нет лучшего лакомства для него, чем кедровые орехи. Может быть, лишь мёд в дупле старого дерева?

Шло время. Постарел Медведь. Но не прекратил он поиски сына. Поднимается высоко в горы, уходит в лощины, забредает в деревни. Люди знают, что ищет он своего Медвежонка, и не

трогают его. Иногда Медведь смотрит печально на отражающиеся в воде звёзды. И хоть не узнаёт он среди них Медведицу и Медвежонка, но нежность рождается в его звериной душе.

Не голубые звёзды скатываются ночью по небосклону, а слёзы Медведицы и Медвежонка — тоже голубые и горячие. По всполохам полярного сияния иногда сходят на берег родного моря Медвежонок и Медведица, но ненадолго. Их дом теперь — небо. Они светят оттуда, чтобы белые медведи не могли заблудиться в полярной ночи и потерять друг друга.

Кто знает, может, когда-нибудь и соберётся вместе медвежья семья.

Тархайн хүбүүн Зархай

(Үльгэрһөө хэһэг)

... — Арбан найматай
Айдархан ябааб...
Алдагдан ошоһоор
Арбаад хоноһон
Тэмээгээ бэдэржэ,
Тэрэлжэтын гол руу
Ошожо ябатарни,
Орой болошобо.
Харанхы һүни
Хайшаа ошохобши —
Хооллоод, сайлаад,
Хонохо гэжэ
Мойһоной эшэдэ
Мориёо дүнгэбэб.
Галаа носоогоод,
Гааһаа аһаатарни,
Модонһоо дүнгөөшэ
Моримни хуухиран,
Шэрэгдэһэн юумэдэл,

Шэрэнги руу оробо.
Хүлэйнгөө хурданда
Хүсэжэ ошоходоо,
Гуранай тархиин
Гушан һалаатай
Эбэртэнь мориёо
Эгэлдэрһэн байжа,
Тайлажа асараад,
Табибаб шүдэрлөөд.
Сайлгасагүй хараар
Сайгаа шанаад,
Ууха гэн гээд
Ухаангүй сошобоб!
Саймни харин
Сай бэшэ,
Шүлшэг, тоһолиг
Шүлэн байшаба!
Худхажа үзөөд,
Хуухым үһэн
Хуу бодошоо.
Алгана, сурхайн
Араг яһанай
Гаража ерэхэдэ,
Гайхан сошоод,
Гал руу шэдэбэб.
Уһа харанхыда
Удхажа байхадам,
Тушаан боложо,
Тогоо руумни
Олоороо загаһад
Орошон байшоо.
Амандаа золтойдоо,
Азатайдаа баярлаад,
Үлтирһэн загаһанай
Өөхэтэй мяха
Садатараа эдижэ,

Санхатан алдаад,
Аманайнгаа тоно
Баруун түриидөө,
Арбан хургаяа
Зүүн түриидөө
Аршажа сэбэрлээд,
Амаржа хэбтэтэрээ,
Эдинэндээ диилдэжэ,
Эбнээлэ эбнээлнээр,
Уруугаа хараад,
Унташанан байбаб.
Үүрэй сайжа
Үдэр бололгоноор
Хажар муухай
Хашхараа дуулаад,
Тонуулшад намайе
Тойроо гэжэ
Нанаад, нүхэеэ
Нарбайн абажа,
Харайн бодоод,
Харан гэнэйм,

Ходолоод табиһан
Хоёр гутални
Хэмгүй ехээр
Хэрэлдэжэ байба,
Хахара хүүрэ
Хазалсажа байба.
Хагзара удара
Таталсажа байба.
«Ганса жалбагар
Аманай тоһо эдеэб,
Гарай арбан
Хурганай тоһо эдеэш!» —
Гээд нэгэниинь хашхарна.
«Дуугай бай,
Дурбиинһан золиг!
Ходол иигэжэ
Хомхойрхоо боли!» —
Гээд нүгөөдэнь шангарна.
Уурни хүрэжэ,
Уухилан ошоод,
Нэгээрнь абажа,
Нүгөөдыень сохин,
Баггүй шангаар
Бадашан гэһэйм,
Галайм хажууһаа
Гансата пүрьелдэн,
Шууялдан олоороо
Шубууд ниидэшэбэ!
Хэлэхэгүй үгэ
Хэлэн сошошобоб!
Хартаганаан соогуур
Харанхыда түүжэ,
Асараа болоһон
Аргалхануудни харин
Тон бүхөөр унтаһан
Торхируунууд байшоо!

Ута hүүл

Нэгэ гэр бүлын үхибүүд «Мэхэтэй үнэгэн» гэжэ угаа hонирхомоор ород үльгэр телевизорээр хараад, табатай Дарима иигэжэ хэлэбэ:

— Ута hүүлтэй амитан мэхэ ехэтэй гээшэ гү даа?

— Юундэ тиигэжэ hананаш. Хэн шамда тиигэжэ хэлээб? — гэжэ эжынь hонирхобо.

— Үгы, намда хэншье хэлээгүй. Хүнүүд ута hүүлтэй үнэгэниие мэхэтэй амитан гэлсэдэг ха юм. Манайшье миисгэй ута hүүлээрээ hэбижэ, хүндэ эльбүүлхэ дуратай ха юм.

Нэгэ хэды саг үнгэрбэ. Дарима абынгаа хажууда дүтэлөөд:

— Баабай, баабай, хэлэгты даа, мэхэтэй хүниие танижа болохо гү? — гэжэ hонирхобо.

— Хүнтэй түрүүшынхиеэ уулзаhаар, энэ мэхэтэй хүн гэжэ хэншье хэлэжэ шадахагүй юм,—гэбэ абань.

— Хүнүүдэй hүүлтэй hаань, мэхэтэй хүниие бэлэхэнээр танижа болохо байгаа ёhотой,— гэжэ Даримын хэлэхэдэ, булта-даа лүгшэтэрөө энеэлдээ бэлэй.

Трактор

Таабайнь зээ хүбүүнтэеэ үдэр бүри наададаг, тэрээндээ номуудые уншажа үгэдэг байба.

Нэгэтэ табатай зээ хүбүүниинь иигэжэ хэлэбэ:

— Таабай, таабай аа, ДТ-70 түхэлэй трактор боложо наадаяа!

— Хэмнай теэд трактор боложо шадахаб? — гэжэ таабайнь һонирхобо.

— Тамнай трактор болоходоо зохихо байнат: трактор шэнги томо бэетэй, гаahаяа зуугаад, үдхэн хүхэ утаа бааюулхат, олиггүй шангаар түршэгэнэхэт, пиршаганахат.

Таабайнь диван дээрээ һуугаад, гаahаяа һоросогоон, пад хара утаа бааюулан, бүдүүн хоолойгоор «түр-нир, түр-нир» абяа гаргана.

Дүтэхэнэ хараад байһан Зоригто таабайда иимэ заабари үгэнэ:

— Трактор диван дээрэ һуудаггүй, тиимэһээ пол дээрэ үбдэглөөд, хоёр гараараа тулаад һуугты!

Таабайнгаа дүрбэн мүсэ дээрээ һуухатай сасуу Зоригто нюргандань гаража һуугаад ёһотой трактурист шэнгеэр нюдэндөө хара шэл зүүнхэй, абынгаа арһан бээлэй баринхай, малгай үмдэнхэй, таабайнгаа хүб хүхэ утаа бааюулхадань, «түр-нир, түр-нир» гүүлэнэ.

Зундаа унтадаг

Багшань баабгай тухай хөөрэжэ үгөөд, класстаа хандаба:

— Үхибүүд, үбэлдөө унтадаг амитадые нэрлэгты!

— Зумбараа, тарбаган...— гэхэ мэтээр һурагшад тоолобод.

— Үшөө ямар амитаниие мэдэхэбта?

Класс соо аниргүй. Гэнтэ нэгэ хүбүүн хэлэбэ:

— Зундаа унтадаг амитаниие би мэдэнэб.

— Яагаа һонин юм бэ? Хэн, юун байгаа гээшэб?!

— Үбгэн Мороз!—гэжэ хүбүүн тоб байса харюусаба.

Миисгэй хулгана хоёр

Кухни соо наадажа байһан дүрбэтэй Дамба гэнтэ хашхарба:

— Эжы, эжы, һүтэй һуулга уруу хулгана орошоол!

Юумэ оёжо һууһан эжынь толгойгоошье үргэнгүй хэлэбэ:

— Теэд тэрэнээ гаргажа хаяа гүш?

— Үгы, һуулга уруугаа миисгэйгээ шэхээб! — гэжэ хүбүүниинь бардамаар харюусаба.

Һам

Долоотой Таня эжыдээ хэлэбэ:
— Энэ һам долоотой болоо гү?
Эжынь гайханги асууба:
— Юундэ тиигэжэ һанаабши?
— Урда шүдэнүүдынь барандаа унашаһан байна ха юм!

Гахай

Городто ехэ болоһон Витя нэгэдэхи класс дүүргээд, хүдөөдэ ажаһуудаг хүгшэн эжындээ абатаяа айлшаар ерэбэ. Хойто үдэрынь үйлсэдэ шабар соо хэбтэһэн гахайе түрүүнынхеэ харажархиба. (Урдань гахай тухай ном уншаһан, зураг хараһан байгаа.)

— Баабай, баабай, шабар болоһон гахайе сэбэр болотор угаабал, дахин шабар уруу орохогүй гү?! — гэжэ һонирхон асууба.

Яһан

Тэшхүүр дээрэ наадажа һууһан Баяр эжыһээ асууба:
— Нагаса, юундэ ябаһан хүн яһа зууха гэжэ хэлэдэг бэ? Яһа зуугаад ябаһан нохойе хараа һэм, теэд хүнэй яһа зуугаад ябахые нэгэтэшье хараагүйлби.

Хадааһан

Эжынь табатай хүбүүндээ гэмэрбэ:
— Амандаа юундэ хадааһа хэбэш? Шүдэеэ гэмтээхэш. Үшөө дахин хараа һаа, тэрэниеешни пеэшэн руу хаяжархихаб!

Нэгэ хэды саг үнгэрбэ.

— Ши баһа амандаа юу хээд ябанаш? —Өөрынгөө хурга!

— Хургаяашье амандаа хэжэ болохогүй ха юм.

— Теэд яахабши? Хургыемни пеэшэн руу хаяжархиха гүш? — гэжэ Содном асууба.

ЗҮҮДЭН

Долоотой Дулма үглөөгүүр һэримсээрээ:

— Оо, эжы, би угаа һонин зүүдэ харааб! — гэбэ.

— Юун тухай?

— Би модоной оройгоор ниидээб.

— Самолёдоор гү, али вертолёдоор гү?

— Үгы, би Баяртай хамта галуунууд дээрэ һуугаад, ниидэжэ ошоод, модон соо зэдэгэнэ түүгээб.

Тэндэ наадажа һууһан Баяр:

— Теэд саашаа юун болооб? — гэжэ һонирхобо.

— Ши намһаа юу асуугаабши? Өөрөө тэндэ намтай байлсаа ха юмши! — гэжэ Дулма һэнгэргүй харюусаба.

Хөө хара миисгэй

Дүрбэтэй Данзан хүршынгөө хөө хара миисгэйтэй үдэр бүри наададаг байба. Теэд нэгэ үдэр тэдэнэй хэрэлсы дээрэ наранда игаажа хэбтэһэн саб сагаахан миисгэй харамсаараа:

— Харыт, харыт! Миисгэй саб сагаан болотороо угаагдашоол! — гэжэ угаа гайхангяар хашхарба.

Ажал хэһээрээ

Нэгэ бүлын үхибүүд саад соогоо зэдэгэнэ суглуулба. Дондог хүбүүн нэгэ монсогорые һаба уруугаа, хоёрдохиинь ама уруугаа шэдэбэ. Үдэшэндөө эжынь амтатай халаашануудые бариба.

Үхибүүдтээ хоёр-хоёр халааша хүртөөгөөд, Дондогто нэгые барюулба.

— Эжы, ганса намдал нэгые үгэбэш? — гэжэ Дондог шамарлаба.

— Ажаллахадаа хэдые хээбши, тэрэнээл абаба ха юм ши! — гэбэ эжынь.

Һүн соо юун бииб?

Эрхэтэ таба хүрэхэдөө һү багаар уудаг болобо. Һанаагаа зобоһон эжынь:

— Һүн эдеэнэй дээжэ гээшэ. Һү ехээр уудаһан хүн түргэнөөр томо болодог. Һүн соо саахар, витамин, тоһон, дабһан бии юм,— гэжэ байгаад хүбүүндээ ойлгуулхаяа оролдоно.

Эрхэтэнь гэнтэ иигэжэ асууба:

— Һүн соо шүлэн бии гү?

— Бии, бии. Лабшаатай шүлэнһөө үлүү,— гэбэ эжынь.

— Һүн соо һүн бии гү? — гэжэ һонирхобо.

Эжынь энэ асуудалда юун гэжэ харюусахаяа ойлгожо ядаба. Теэд харюу үгэнгүй байхань аягүй ха юм.

— Бии, тон амтатай һүн,— гэбэ.

— Тиимэһээ һү оройдоошье уухагүйб! — гэбэ хүбүүниинь таһа асарба.

Хуушан эдеэн

Үдын хоол барихаа булта столдоо hуубад. Басаганиинь эжыдээ хэлэбэ:

— Би хуушан эдеэ эдихэгүйб!

— Дурагүй hаа, бү эдиш, эдеэ шанаха сүлөөгүйб,— гэбэ эжынь.

Үдын хоол бариһанай hүүлээр газаагаа үдэшэ орой болотор хартаабха малтабад. Үдэшэлэн эжынь үнөөхил эдеэгээ табиба.

— Эжы, яагаа амтатай эдеэ бэлдээбши? — гэбэ басаганиинь.

— Басагамни, үдэр эдихэеэ арсаһан тэрэл эдеэншнил даа! Ажал хэжэ, эсэһэн хүндэ ямаршье эдеэн амтатай юм,— гэжэ эжынь харюусаба.

Зураг

Баяр hургуулиһаа ехэ хүхюутэй ерээд, эжыдээ hайрхаба:

— Эжы, аа эжы! Би гоё зурагуудые зурааб, нүхэдни hайхашаагаа!

— Бэрхэш даа, хүбүүмни, магад, мэдээжэ уран зураашан болоходоо болохош,— гэжэ эжынь хэлээд, хүбүүнэйнгээ толгой эльбэбэ.

Энэ үедэ гэнтэ үүдэн түрд нээгдэжэ, сухалаа ехээр хүрэһэн Солбон нагасань орожо ерэһээр, Баярай шэхыень мушхаад:

— Ошо, үтэр түргэн ошожо, тэдэ зурагуудаа улаан альгааараа арилгажа, сэбэр болго,— гэжэ ууртайгаар хэлэбэ.

— Үгы, иигэхэдээ яана гээшэбши? Баяр ямар зэмэ хээб — гэжэ эжынь гайхангяар асууба.

— Энэ шүдхэршии шэнэ клубай ханада эреэн маряан юумэнүүдые зураа,— гэжэ Солбон хэлээд, газаашаа шамдуухан гаража ошобо.

Сэсэгме хочется знать про всё на свете

Взрослые люди считают Сэсэгму малым ребёнком. Это, наверное, потому, что она ростом невеличка, не ходит в школу, не умеет ни читать, ни писать. Ну и пусть!

Зато она умеет говорить. Кто бы из гостей ни появился в доме, Сэсэгма обязательно спросит: «А вас как зовут?» И теперь она знает, как зовут не только папу, маму, брата Костика, но и многих родственников.

Каждому из знакомых Сэсэгма показывает свои игрушки — пусть поиграют, ей не жалко! Пока взрослые забавляются куклами, можно повертеться возле них и разузнать обо всём на свете. Сэсэгме хочется поскорее самой стать взрослой, потому и пристаёт она к гостям с разными расспросами.

Уж такая она любопытная и непоседливая девочка, наша Сэсэгма. До всего-то ей есть дело!

Однажды играла она с подружкой возле дома. Они нагружали кузов игрушечного грузовика песком и вывозили его со двора на улицу и так увлеклись игрой, что не заметили, как «уехали» на своей машине далеко от дома.

Заблудившись, девочки стали искать родной двор. Ищут, ищут, а найти не могут. Они стали посреди улицы и давай ре-

веть в два голоса. К ним подходили прохожие и сочувственно спрашивали:

— В чём дело, дети? Где вы живёте?

Сэсэгма только всхлипывала и приговаривала:

— Папина я. А ещё мамина...

Надо сказать, что Улан-Удэ, в котором живёт Сэсэгма, очень большой город. В нём много разных улиц и не так просто найти свой дом.

Но подружкам в этот раз повезло. К ним подошла тётенька, которая работала там же, где и мама Сэсэгмы. Она сразу догадалась, куда отправить плачущих беглянок.

Тётенька взяла девочек за руки и повела через улицу. Вскоре они увидели знакомый двор и, перестав плакать, запрыгали от счастья.

После того случая Сэсэгма хорошо запомнила, где она живёт и как надо искать свой дом.

Тётя Маша, мамина знакомая, спросила её как-то:

— Сэсэгма, где твой дом?

Она ответила без запинки:

— Мой дом в городе Улан-Удэ. Вота!

— В Улан-Удэ? — переспросила тётя Маша.— А на какой улице?

Сэсэгма виновато захлопала глазами.

— Да ты, видать, своего адреса не знаешь...

— Знаю! Знаю! — решительно возразила она.— Адрес у меня в голове сидит. Сейчас вспомню.

Но как Сэсэгма ни старалась, не могла вспомнить ни названия улицы, ни номера дома.

— Адрес у меня из головы выскочил и обратно не возвращается,— наконец призналась она.— Это всё потому, что память у меня дырявая.

Тётя Маша засмеялась:

— С чего ты взяла, что у тебя дырявая память?

— Так папа говорит. Наверное, потому у меня дырявая память, что я самая маленькая в семье. Вота!

В день папиного рождения они с мамой купили ему часы. Папа обрадовался подарку и сказал, что часы надо заводить каждое утро, чтобы они ходили без остановки.

— Разве часы ходят? — удивилась дочь. — Где же у них ножки?

Узнав от отца, каким образом часы могут «ходить» без ног, Сэсэгма сразу же потеряла всякий интерес к ним. Её заинтересовало другое:

— Скажи, папа, Олег Попов — главный клоун на свете, да?

— Да, да, дочка,— кивнул отец.

— А Райкин кто? Главный смешитель, да?

Вопросам конца нет! И родители ни один из них не оставляют без ответа. Они понимают — Сэсэгма спешит стать взрослой. А для этого ей надо много узнать и многому научиться.

Концерт для взрослых

До чего ж приятно ходить весной по улице! Тёплый ветерок, прилетев из степи в город, шевелит ветви прямых, будто свечки, тополей. Деревья тихо переговариваются между собой. Сэсэгме интересно послушать, о чём они шушукаются, но разве разберёшь их шёпот?

Сэсэгма шагает с ребятами по тротуару. Весь детский сад «Солнышко» высыпал сегодня на улицу. Малыши шумят, поют песни. Они рады весне.

Во главе ребячьей ватаги — молоденькая белокурая воспитательница. Она ведёт детей к высокому зданию пединститута.

Воспитательница просит детей остановиться. Они застывают возле памятника, который изображает человека с гусиным пером в руке. Перо он держит так, словно приветствует каждого, кто переступает порог здания.

— Жанна Анатольевна, а, Жанна Анатольевна,— перебивая друг друга, обращаются к воспитательнице малыши.— Кто этот дяденька?

— Тише, детки! Тише! Не все разом! — успокаивает ребят Жанна Анатольевна.— Перед вами, дети, первый бурятский учёный. Звали его Доржи Банзаров. Он сделал так много для науки, что его именем назвали этот институт, где мы будем выступать. Давайте, дети, покажем взрослым весёлый концерт, чтобы папы и мамы остались вами довольны.

— А моя мама здесь работает! — радостно запрыгала Сэсэгма.— Она учит студентов, которые потом сами будут учить других. Мне мама рассказывала. Она тоже учёная!

Толкаясь, ребятишки шумной толпой врываются в раскрытую дверь института. Там, в просторном зале на верхнем этаже, их уже ждут. Чинно сидят в креслах седовласые старушки-учёные и молодые работницы института.

Раскрывается синий занавес, и на сцену выбегает девочка с красным бантиком на макушке.

— Начинаем концерт для взрослых! — громко объявляет она.— Сейчас мы вам покажем... Покажем...

Девочка забыла, что надо говорить дальше. Стояла, опустив глаза, и смущённо теребила поясок платья.

Воспитательница пряталась за занавесом в углу сцены и манила девочку к себе пальцем. Девочка махнула на зал рукой и побежала к ней.

Поговорив с Жанной Анатольевной, она возвратилась обратно и как ни в чём не бывало важно тряхнула бантиком и сказала:

— Наш детский сад поздравляет вас с праздником 8-го Марта! Да здравствуют наши дорогие мамы! И папы тоже пусть да здравствуют!

В зале все засмеялись и захлопали в ладоши. Из-за сцены гуськом выбежали малыши и встали в круг. Сэсэгма шагнула из круга ближе к зрителям и звонко-звонко сказала:

— Я прочту вам стихотворение про наших мам и про женский праздник!

Наших мам мы поздравляем
В праздник женский всей душой!
Вам сегодня всем желаем
Жизни радостной, большой!

Взрослые слушали внимательно, а потом, когда она кончила читать стихи, стали дружно аплодировать.

Сэсэгма поклонилась публике. Потом поклонилась ещё раз. И ещё. В зале захлопали ещё громче, и она, устав кланяться, стала дожидаться, пока взрослые успокоятся.

Солидная тётя, сидевшая в первом ряду, рядом с мамой Сэсэгмы, склонив голову в её сторону, сказала:

— Славная девочка! Вы, случаем, не знаете, чья это дочь? И мать ответила:

— Это моя Сэсэгма...

На сцену, сменяя друг друга, выходили маленькие артисты. Они пели песни, читали стихи, плясали, скакали верхом на палках, как лихие кавалеристы. Затем, нарядившись в национальные бурятские костюмы, надвинув на головы островерхие малахаи с кисточками, малыши взялись за руки и стали кружиться в танце «ёхор». Два черноглазых певца — Костя и Лена затянули песню про родную степь. Зрителям песня понравилась, они стали хором подпевать. И тут Лена смутилась, запела невпопад. Строгий Костя толкнул её локтем в бок, наступил ей на ногу — не смущайся, мол, кругом свои люди! И Лена, ободрённая его толчками, запела во весь голос, так что Костю совсем не стало слышно...

Люди в зале приветливо улыбались маленьким певцам.

Концерт закончился. На сцену поднялась пожилая женщина и, обращаясь к детям, поблагодарила их за ту радость, которую они доставили мамам и бабушкам своими выступлениями.

— Я видела немало взрослых концертов. Но никогда мне не было так весело, как сегодня. Я смеялась до слёз...

Сказав это, она поднесла платок к глазам, и Сэсэгма увидела у неё на щеках слёзы. Вытирая их, женщина улыбалась.

Оказывается, слёзы бывают не только грустными, но и весёлыми. И такими они бывают в очень радостный праздник. Сэсэгма запомнит теперь этот праздник на всю жизнь.

Сэсэгма гостит в деревне

Свой летний отпуск родители Сэсэгмы решили провести в деревне.

— Я тоже поеду в деревню к бабушке! — захлопала в ладоши Сэсэгма.— Мы в деревню подарки привезём. Много-много. Целый чемодан!

И она вместе с мамой стала ходить по магазинам.

Домой они возвращались вечером. Возвращались не с пустыми руками, а с покупками. Высыпали из сумки всё то, что успели купить за день, и раскладывали на столе: спасательные круги, сачки для ловли бабочек, зонт от солнца и другие разные подарки для деревенских ребятишек.

И вот пришла пора уезжать.

— Билеты куплены,— сказал папа.— Всем — на самолёт!

— Папа, мы на твою родину поедем, да?

— Точно, дочка. Поедем в деревню, где я родился, рос и в школу ходил.

Сэсэгма и Костя забрались к папе на колени, стали расспрашивать, что они будут делать в деревне.

— Вот скоро приедете и сами узнаете,— отвечал папа, собирая вещи в чемодан.— Нам надо как следует подготовиться к поездке.

Сэсэгма никогда прежде не была у бабушки и деревни никогда не видела. А вот теперь наконец увидит. Скорей бы!

... Самолет приземлился на пустыре возле самой деревни. Вокруг степь. Она такая широкая, что её сразу и не разглядишь всю. Земля под ногами потрескалась от солнца.

— А солнце-то деревенское, смотрите, больше и жарче, чем у нас в городе! — воскликнула Сэсэгма.

Голубоглазые цветы удивлённо смотрели на неё из зелёных зарослей. Когда налетал ветер, цветочные головки покачивались из стороны в сторону, словно в медленном вальсе.

— Мама, смотри, а вот этот цветочек совсем-совсем как мой бантик,— Сэсэгма нашла в траве жёлтый цветок и протянула его матери.

На каждом шагу встречала Сэсэгма много непонятного и забрасывала маму вопросами:

— Почему в деревне дома деревянные? Здесь камней нет, да?

— Почему не продают мороженого? Наверное, потому, что здесь солнышко слишком жаркое, да?

Мама с трудом находила ответы на вопросы дочери.

В первый же день своей жизни в деревне Сэсэгма подружилась с бабушкой и беспрестанно ходила за ней следом. Куда ба-

бушка — туда и Сэсэгма. Ей всё интересно. Ещё бы! Ведь прежде она видела деревню лишь на картинке, а теперь сама живёт в ней.

Бабушка познакомила Сэсэгму с телёнком, кошкой и собакой. И она сразу же подружилась с ними.

А вот с коровой она никак не могла подружиться, боялась её:

— У неё вон какие рога! Она будучая,— говорила Сэсэгма, поглядывая на корову с опаской.

— Бурёнка тебя не обидит,— сказала бабушка внучке.— Она добрая — детям своё молоко отдаёт.

Сэсэгме очень понравилось бегать босиком по улице. Бабушка, боясь, что внучка поцарапает ноги, предложила ей тапочки. Но Сэсэгма не захотела бегать в тапочках.

— Ах ты, негодница! — ворчала добродушно бабушка.— Немедленно надень тапочки. А то ещё, чего доброго, ногу занозишь.

— Телёнок, бабушка, всё время бегает босиком и ни разу не занозился.

— То телёнок. С собой не равняй.

— У него, наверное, мама добрая — не заставляет тапочки надевать. А ты меня заставляешь.

Бабушка не знает, что ответить Сэсэгме, и замолкает. Внучка понимает, что обидела бабушку, и юлой вертится перед ней:

— Милая бабушка, дай мне хлеба и молочка.

— Чего, чего? — не поняла бабушка.

— Хлеба и молока, которые коровка для меня приготовила.

Бабушка улыбается, приносит внучке кусок белого хлеба и стакан молока.

— Может, тебе, внучка, чего-нибудь сладенького дать? — бабушка вынимает из кармана конфетку и, целуя Сэсэгму, говорит:

— Не пойму, зачем тебе конфетка. Ты сама слаще любой конфетки.

Гүрөөһэнэй заншал

Хабар гүрөөһэн инзага түрэбэ.
Хайратайхан. Долёожо байгаад
хүхүүлбэ.
Иишэ тиишээ харасагаана,
шагнаархана,
Инзагаяа бургаahан соо нюуба.
Үлэн шоно гэнтэ
Үнэр абаба.
Эдихэ гэжэ һэдэбэ,
Эдээндэ маряан дүтэлбэ.
Зөөлэхэн һалхин
Зүг шэгээ һэлгэбэ.
Шуран һонор гүрөөһэн
Шонын үнэр таниба.
— Үү, татай,
Жэрхэмэ муухай үнэр,
Жэхымэ муухай амитан!
һэр-мэр гэбэ,
яаха ёһотойб?!
Һэмээхэн саашаа болобо,

Инзагаяа орхёод холодобо.
Бэе тээшээ дурынь татаба,
Боро шоно мэхэдээ оруулба.
Инзагаяа аюулһаа зайлуулха
— Эхэ гүрөөһэнэй заншал.
Гүрөөһэ бариха гэжэ
Гуринха шоно добтолбо.
Солбон гүрөөһэн
собхорон харайба,
Унаанги дээгүүр
дэгдэн тэрьедэбэ.
Айһандаа жэрхи, һолонго
Арьягар нарһанда гарашабад,
Мэхэтэй үнэгэн хэбтэшэбэ,
Мэгдэһэн шандаган гүйшэбэ.
Хэрмэн модоной һалаа руу
хоргодошобо.

Хирээ шубуун хаагалаад,
агаарта дэгдэшэбэ.
Баабгай бодоод унхидана.
Газар шорой онгилжо,
Амтан эдеэгээ олонхой
Бодон гахай гүлгэдөөрөө
байн, байн шагнаархана.
Хандагай хара шугы руу алхалан,
Хооллохо газартаа дүтэлбэ.
Шонын добтолгоһоо айдаггүй
Шадал ехэтэй амитан ха юм.
Буга һогоон хоёр
Байраяа һэлгэхэ болобод,
Бэлшээри газараа бэдэрэн,
Бооpиин орой шэглэбэд.
Иигэжэ ой соо хүлгөөн болобо,
Инзаган амиды мэндэ үлэбэ.
Хөөрхэн инзаган баарһан даа,
Хэбтэжэ гансаараа үнжэбэ.
Умдаа хүрэбэ, гэдэһээ үлдэбэ,
Эшхэрһэн шэнгеэр абяа үгэбэ.
Ооголһон абяагаарнь
Ондоо эхэ гүрөөһэн ерэбэ.
Иигэжэ инзаган
Үлэ залган үлэбэ.
Садаһан инзаган хэбтэшэбэ,
Саашаа гүрөөһэн гэшхэлбэ.
Дахяад һүтэй болоходоо,
Дайралдаһан инзага хүхүүлхэл.
Тиигэжэ инзаган
Түрэһэн эхэеэ дахангүй,
Тайгадаа амидардаг юм гэжэ
Таанар, үхибүүд, дуулаа һэн гүт?

***

Амитан бүхэн өөрын заншалаар
Амидарха аргаяа олодог лэ.
Гайхамаар һайхан заяатай
Гүрөөһэнэй табисуур иимэл даа...
Томохон болоһон инзагад
Һүрэг болоод ябадаг.
Тон һонор эдэ амитад
Һүрэн гүйжэ талиидаг.
Халюун боро гүрөөһэн
Хангай тайгын шэмэг юм.
Ургамал ногоон эдеэтэй
Уужам дайдын хэшэг юм.

Новый друг Цырена

Цырен живет в далеком селе на севере Бурятии. Он ходит в детский сад. Каждое утро мама водит его туда по пути на работу.

Однажды прямо посреди дороги им встретился чернёнький комочек. Щенок путался под ногами — очень хотел поиграть с Цыреном.

— У-у, какой хорошенький! — погладил пушистый комочек мальчик.

Но мама отвела его руку: «Нельзя трогать бродячих собак!»

— Почему, мама? Видишь, ему хочется поиграть, — не слушается Цырен.

— Давай поторопимся. Мы опаздываем... — мама крепко держит сына за руку, спешит дальше.

Щенок потухшими угольками молча смотрит вслед.

Целый день Цырен не может забыть щенка.

«Такой маленький, а на улице один... Где он живет?» — эти мысли не оставляют в покое. И Цырен в шумном детском саду чувствует себя одиноким.

Наконец вечером приходит мама. Одевает сына потеплее, прощается с воспитателями.

По дороге домой им встречается тот же щеночек. Он виляет хвостиком, подпрыгивает на задних лапках — пытается завлечь Цырена в игру.

— Прочь! Какой надоедливый... — мама осторожно отталкивает ногой щенка.

— Не надо, мама! Видишь, он хочет стать моим другом, — Цырен вырывается из рук мамы.

— Ладно... Не подражай маленькому щенку, ты же большой мальчик. Гляди, — мама нагнулась, протирает ботинки сына.

— Не мешай, мама... Дай немного поиграю с ним, — слёзно просит Цырен.

— Папа уже дома ждёт, — тянет за руку мама.

Цырен оглядывается и видит тёмное пятнышко на обочине. Вид у щенка довольно жалкий.

На следующее утро кругом белым-бело. Цырен с мамой вышли из дома, чтобы идти в садик, и зажмурились.

— О-о! Какой чистый снег! Какой белый!.. — радостно вопит Цыренка. Спрыгивает с крылечка, лепит снежок, кидает его в сторону мамы.

— Цырен, надевай варежки, холодно уже. Замёрзнешь, заболеешь... — беспокоится мама.

А щенок уже их ждёт — визжит и кидается под ноги.

— Щеночек, наверное, ничей... Где его родители? Почему он всегда один? — Цырен забрасывает маму вопросами, как снежками.

Мама убыстряет шаги: «Опаздываем...»

Цыренка не унимается.

«Щенок без хозяина», — на ходу роняет мама.

— Ну, давай я стану его хозяином, мама! Я буду за ним ухаживать!

Цырен забегает вперёд, расставляет руки...

— Скорее... Детишки все собрались, наверное!

Нет, мама не слушает сына.

И снова щеночек остаётся один на дороге. И грустным взглядом провожает Цырена.

В этот день в детском саду Цырену не до детских игр. И даже когда воспитательница читает ребятам интересную книгу, все думы Цырена о маленьком чёрном комочке на белом снегу.

«На улице холодно... Где он живет? Кто его кормит?» — вопросы, кажется, не вмещаются в голове Цырена.

Вечером на улице ещё холоднее. В свете фонарей ветер гонит по дороге снежинки. На этот раз Цырену не встретился щенок. Напрасно он вертел головкой — чёрный комочек будто поглотила темнота.

— Видишь, совсем зима... Папа затопил печку, ждёт нас дома. Целый день не видел сына, соскучился!

Мама пытается отвлечь сына разговорами. Потом берёт его на руки и быстро шагает домой. А Цырен, удаляясь вместе с мамой, всё смотрит назад...

В тот же вечер у мальчика поднялась температура. Родителям пришлось уложить его в постель. Во дворе играет в свои недетские игры холодный ветер, он словно швыряет в окно снежки.

Мама отпаивает брусничным морсом, даёт таблетки. Температура у Цырена всё равно не снижается.

«Такой маленький... Бродит один... Мёрзнет на улице...» — в бреду шепчет он. И его обступает темнота...

— Утром — врача на дом. А главное, надо найти щенка! — ходит по комнате мама.

— Обязательно отыщу, — тихо, но твердо говорит папа.

И снова утро — синее спросонок.

Цырен трёт веки — прямо на него, глаза в глаза, уставились две чернёнькие бусинки. Нет, это не сон! Все еще не веря глазам, мальчик соскакивает с кровати, осторожно приближается к пушистому комочку.

Щенок весело лизнул кончик носика Цырена, тонко гавкнул, будто сказал: «Не болей!»

Мама с папой стоят рядом и улыбаются.

— Вот ещё один член нашей семьи! Уход за ним — твоё домашнее задание, сынок, — говорит отец.

Цырен с готовностью кивает:

— Хорошо, папа! Я назову его Арчи. Арчибальд — верный друг, потому что не боится темноты!

За окном темно, воет холодный ветер, крепчает мороз, но всё это не пугает нашу дружную семью.

На Байкал и сразу обратно

Этой осенью Зоригто с Булатом пошли в школу. Каждое утро они с рюкзачками за спиной идут на другой конец села. Там стоит дом с большими светлыми окнами.

В просторном классе ребят встречает Ольга Баировна, их первая учительница.

Неразлучные друзья Зоригто с Булатом и в школе сидят за одной партой. Они учатся писать буквы, запоминают цифры. Но еще больше любят рассказы Ольги Баировны. Это старинные легенды или случаи из жизни, которые они не никогда слышали.

Сегодня Ольга Баировна повесила на школьную доску картину. Загадочную картину. На ней волны бьются о берег. Похоже на Могойто-нур летом. Но зимой по льду озера они катаются на коньках. Странно, деревья и камни на картине в снегу и во льду, а волны бегут как летом...

Дети озадаченно смотрят на учительницу. Ольга Баировна обращается к Зоригто и Булату, отличникам на первой парте.

— Волны моря или океана бьются о берег на этой картине? Кто ответит? Друзья во все глаза рассматривают картину, пытаясь в завитушках волн угадать название. И почему это волны на ней не замерзли?

Вдруг Зоригто поднимает руку. Учительница чуть кивает головой.

— Кажется, здесь изображен Байкал, — тараторит он, с надеждой глядя на Ольгу Баировну.

В классе словно зашумели волны: ребята вслух перебирают имена рек и озер, но в первую голову — названия ближних речек и знакомого озера.

— Ответ верный... Ребята, на картине изображен Байкал. Это самое глубокое в мире озеро. Вода в нем самая чистая на свете. Байкал — богатство нашего края. Ребята, вы не зря вспомнили водные русла Бурятии — 336 рек и речек несут свои воды к Байкалу, — говорит учительница.

— Молодец Зоригто! Можешь садиться. Догадался или бывал на Байкале? — спрашивает Ольга Баировна.

Дети ждут, что ответит Зоригто.

— Я слышал разговор взрослых, — не сразу отвечает он. — Я понял, что Байкал очень глубокий и в нем много воды. Поэтому он замерзает поздно зимой. Когда наши речки и озера покрыты льдом и на них давно катаются ребятишки, Байкал еще несет свои волны.

Ольга Баировна довольна ответом ученика:

— Зоригто сегодня дал интересный ответ на заданную тему. И в самом деле, Байкал покрывается льдом в середине января. Толщина льда может достигать больше одного метра. Еще хочу сказать, что в нем обитает омуль и живет нерпа. Они тоже богатство нашего края, — этими словами учительница заканчивает урок.

По дороге домой ребята задирают отличившегося Зоригто. Но Булат обнимает друга за плечи и вспоминает слова Ольги Баировны: целых триста с лишним рек и речек несут свои воды к Байкалу! И невольно сравнивает его с Могойто-нур. Получается, далекому морю ничуть не уступает родное озеро. В него также впадают много маленьких речек и даже чудесный родник с кристально чистой и вкусной водой. Рыбаки на его берегу тоже рыбачат круглый год.

После обеда одноклассник Дамба предлагает поиграть.

— Не забудьте взять санки! — кричит Булат. — Если получится, прокатимся до Байкала!

— Как это так? До самого Байкала!? — в один голос удивляются Марина и Долгор.

— Там видно будет, — серьёзно отвечает Булат.

— До встречи, — дети расходятся по домам.

* * *

В назначенный час издали слышен лай. Лайка Янгар бежит рядом с хозяином. Зоригто скользит на лыжах. Его уже ждут, сидя на санках, неразлучные подруги Марина и Долгор. Немного погодя, пыхтя, появляются Булат и Дамба с санками за плечами.

— Эй, Булат, ты обещал прокатить до Байкала... — ехидничает Марина.

— Конечно, прокатимся! — не смущается Булат. — Только надо представить, что наш Могойто-нур это Байкал... Понесемся на запад по ледяной речке. Она и приведет нас к Байкалу, — размахивает руками командир похода.

Лыжника Зоригто он ставит во главе группы, за ним пристраивает Дамбу с санками и обращается к Марине:

— Сядешь к Дамбе в сани. А я повезу Долгорку. Лишние санки привяжем к главным. Всем все понятно?

Ребята послушно строятся в колонну, только Янгар нарушает строй, с лаем бегает вокруг, играючи зарываясь в мягкий снег.

...Зимнее солнце незаметно скатилось на край небосклона. Короткий серый день подходит концу.

Но Зоригто упорно прокладывает лыжню. Следом Дамба, пыхтя, везёт на санках Марину. За ними дружной парой топают Булат с Долгор.

Снег перестал искриться, холодный ветер хлестнул по лицу. Верный Янгар неотлучно бежит за ребятами.

— Я видел в одной книжке картинку, — на ходу вспоминает Булат, — там путешественники сквозь мороз и снег шли на лыжах к Ледовитому океану, а он находится далеко на севере. Мы идём так же, как они...

Но никто не отвечает Булату. Девчонки время от времени слезают с санок, бегают рядом с тропой, чтобы согреться.

Отважная пятерка наконец-то выходит на берег Могойто-нур. Ребята бросают лыжи и санки и выходят на лед озера. «Ура-аа!» — друзья радостно жмут друг другу руки.

— Завтра на уроке расскажем Ольге Баировне про наше путешествие на Байкал, — всегда молчаливыи Дамба победно машет рукой.

— Это Зоригто указывал путь. Вот мы и добрались до нашего озера, — говорит Марина.

— Нет, мы дошли до Байкала! — перебивает подругу Долгор. — Как договаривались!

— Ух ты! Долгор, у тебя щёчки побелели, — замечает Зоригто и натирает ей лицо снегом. Долгор пищит.

— Теперь мы живём у Байкала! — торжественно говорит Булат.

Ребята кричат. Янгар лает.

Зоригто кладет лыжи на плечи и идет в сторону села. Ребята гуськом потянулись за ним.

Ветер заметает тропу. Ребята и даже Янгар держатся кучкой, хоть и сильно устали.

Надо будет спросить у Ольги Баировны, почему дорога домой всегда короче?

Белый месяц

В этот тёплый зимний вечер Арюна и Юля заигрались на улице. Заиграешься тут, коли снега навалом! Даже гаражи превратились в сказочные избушки.

Девочки бросались снежками, а потом по очереди катали друг дружку на саночках. Арюна и Юля закадычные подружки, хотя вовсе не похожи. Арюна — с раскосыми глазками, на которые наползает черная чёлка. Юля — синеглазка, с рыжим хвостиком волос, что выбивается из-под шапочки.

Незаметно подкралась синь вечера. В окнах высоток зажглись огни, на улице — фонари. В их свете мохнатые снежинки замедлили падение. Чтобы не отстать от мира людей, на небе тотчас зажгли тусклые звёздочки. Уж не те же снежинки застыли на тёмном небе?Мороз крепчает. Девочки заторопи-

лись домой.Они помогают друг дружке очистить одежду от снега.

Довольная, с красными щеками, Юля спрашивает у Арюны:

— Завтра выйдешь играть?

— Не-а. С бабушкой в дацан пойдём, — отвечает Арюна.

— Как жалко... — огорчилась Юля.

Арюна, увидев, как погасли синие глазки, ещё усерднее стряхивает с неё снег. И вдруг округляет из без того круглые щёчки:

— Если твоя мама не будет против, то пошли с нами! Ведь Сагаалган же — Белый Месяц!

— А можно? — запнулась подружка.

— Туда всем можно! Я скажу бабушке.

— Если мама отпустит, обязательно пойду, — отряхивает варежки Юля.

Во дворе совсем темно.

«Девочки-и! Домой, домо-ой!..» — доносится из окна второго этажа.

Арюна с Юлей спешно прощаются.

Рано утром, по февральскому морозцу, девочки бодро шагают в сторону большого белого здания, его видно издалека. Подружки, взявшись за руки, идут впереди, а бабушка Арюны еле поспевает сзади.

Белое здание и есть буддийский дацан. Стены украшены красно-желтыми орнаментами, на его крыше в лучах утреннего солнца золотом горит чудо-узор. Дом кажется девочкам сказочным дворцом, где сбываются сокровенные мечты.

Юля-синеглазка испуганно прижимается к подружке. Войдя в дацан, подружки первым делом снимают шапочки, как учила бабушка. Рыжие волосы Юли рассыпаются по капюшону. Девочки старательно повторяют движения бабушки. Подойдя к главному божеству, они низко кланяются, подносят подношения — разноцветные конфеты и печенья. Потом подружки, сложив ладони вместе, внимательно слушают молитвы, которые дружно бормочут ламы-священники.

Вслед за прихожанами Арюна с Юлей повторяют: «Аахрай-аахрай!». Так просят благопожелания у божеств, поясняет бабушка Арюны. Она отдает девочкам конфеты. Конфеты от молитв стали ещё вкуснее. На улице снег искрится всеми цветами радуги. У девочек светло на душе.

— Ну, деточки, вот и наступил наш Новый год, — радостно говорит бабушка.

— Бабушка, но ведь Новый год давно наступил! — Юля брызжет синими искорками глаз.

— У бурят по восточному календарю Новый год приходит позже, чем обычный. Год этот носит имя домашнего животного или зверя, а то и сказочного существа, — терпеливо объясняет бабушка Арюны.

Выслушав бабушку, Юля щебечет, что весенняя птаха:

— А скоро ещё один праздник! Его мы отмечаем всей семьей. Это Масленица! Арюнка, я тебя домой позову. Ух, и наедимся блинчиков, они похожи на солнышко!

Девочки обнимаются. Вместе с ними радуется бабушка Арюны.

— Умницы. Всегда живите дружно, — говорит она.

Солнце — золотистый пышный блин — греет сильнее. Юля-синеглазка поправляет шапочку. Рыжие лучи перетекают в ее волосы. Девочки вдруг замечают, что снег местами начал темнеть. Весело копошатся в кустах воробьи. На пороге — весна.

Как друзья страх победили

От автора. На Байкале есть Ушканьи острова. Так они названы потому, что в Сибири зайцев называли ушканами — ушки-то у них длинные. На берегах этих островов любят отдыхать не только зайцы, но и нерпы. А на Большом Ушканьем острове есть большая пещера. Ни Ушканчик, ни Нерпёнок в пещере никогда не бывали — оба ужасно трусливы.

Однажды Ушканчик и Нерпёнок встретились у Пещеры...

НЕРПЁНОК *(боязливо отворачивается от Пещеры).* Эй, Ушканчик, пошли ку-паться! Знаешь, вода какая холодная. Красота!

УШКАНЧИК. Бр-р... что-то не хочется...

НЕРПЁНОК. Эх, ты, трусишка...

УШКАНЧИК. Кто трусишка? Я? *(Хитро.)* Нерпёнок, давай лучше прыгать. Скакать вот через эту яму.

НЕРПЁНОК. Не. Я не умею прыгать. Вот если бы ты умел нырять, как я.

УШКАНЧИК (*дрожит*). Бр-р...

НЕРПЁНОК. ...а я бы умел прыгать. Как ты.

УШКАНЧИК *(смотрит в пещеру).* Больше всего я боюсь темноты. Бр-р.

НЕРПЁНОК. И я... Мы не виноваты. Темноты боятся все дети.

Оба дрожат.

УШКАНЧИК. Говорят, в этой Пещере водится Страх...

НЕРПЁНОК. Страх?! Ах! Он большой и чёрный, я вижу его! *(Храбрится.)* Давай зайдем туда вместе.

УШКАНЧИК *(отступает)*. Лучше уж по одному...

НЕРПЁНОК. А ты видал его — Страх-то?

УШКАНЧИК. Нет, я боюсь его видеть. Вдвоем мы будем бояться в два раза больше!

НЕРПЁНОК *(разочарованно)*. Ну, тогда с тобой не поиграешь. Я пошёл... *(Вернулся.)* Так уж и быть. Бр-р... Побоюсь с тобой ещё немножко.

УШКАНЧИК. Ох, и натерпимся мы Страху друг от дружки!

НЕРПЁНОК. Придумал! А давай бояться друг за друга?

УШКАНЧИК. Здорово! Ты боишься за меня, а я — за тебя! Ха-ха!

НЕРПЁНОК. И никто не боится! Ха-ха-ха!

УШКАНЧИК. Хи-хи! НЕРПЁНОК. Хе-хе-хе!

Поют, смеясь:

Эта песенка для всех,
кому очень нужен смех.
Если грустно, если страшно,
рассмеяться очень важно!
Ты на друга посмотри,
улыбнись при счете «три»!

Обнявшись, входят в пещеру. Слышна их песня:

Раз и два! Раз и два!
Если ты забыл слова.
Раз-два-три-четыре-пять!

Начинаем петь опять:
Эта песенка для всех,
кому очень нужен смех.
Если грустно, если страшно,
рассмеяться очень важно!

Выходят из Пещеры, взявшись за руки.

УШКАНЧИК. И никакого Страха там нет!
НЕРПЁНОК. Интересно, куда это он пропал?
УШКАНЧИК. Значит, ты не боялся?
НЕРПЁНОК. Боялся. Я боялся, чтоб ты не испугался!
УШКАНЧИК. И я!.. За друга я готов нырнуть... (*Вздохнув*) в самую холодную воду!
НЕРПЁНОК. А я готов прыгнуть через самый глубокий овраг!
УШКАНЧИК. Ура! Мы победили Страх!

Поют:

Даже если страшен Страх,
друг не спрячется в кустах.
Пусть поможет дружба мне
В самой страшной темноте!
Даже если мы вдвоём,
Песню мы всегда споём.
Эта песенка для всех,
кому очень нужен смех.
Если грустно, если страшно,
рассмеяться очень важно!
Ты на друга посмотри,
улыбнись при счете «три»!

Аршаан булаг

Дээдэ Онгостойн хойто хүндыдэ Аршаан булаг бии гэжэ мэдэхэ хадаа нэгэтэ ошобобди. Ой соо ябахада яаһан зохид гээшэб. Ханашагүй һайхан агаар. Жэжэхэн шубуухайнуудай жэрьеэнһээ бэшэ абяа шэмээн үгы. Хэрмэн, жэрхи хаа-яа модоной хоорондуур зурагад гэлдэнэ. Сибирьтэ ургадаг модод тэрэ хүндыдэ хуу бии гэхэдэ болохо: хуша, хасуури, нарһан, шэнэһэн, хуһан, уляаһан, бургааһан. Жэмэстэ ургамалнууд — мойһон, үлир, долоогоно, нохойн хоншоор, үхэр нюдэн, улаагана — дайралдана. Мүн нэрһэнэй, алирһанай эшэнүүд, арса эндэ тэндэ хибэс мэтэ дэлгээтэй. Тэрэнгиин сэсэглээд байһан хада ойн оёор заримдаа ягааран харагдана. Баян, һайхан хүнды даа.

Аршаан булагтаа хүрэбэбди. Хадын боориин гурбан бүдүүн хушын узуурай хонхосог соохоо гараад, уруудам уруу урдадаг булаг байна. Зүгөөр һаяшаг ехэ уһатай аадар адхараад, тэрэ багтань уры мухаряа хаш. Булагай һаба соо борбоосгой, шэнгэрһэ, шорой дүүргэжэрхёо. Уһаниинь арай арайхан лэбшэн гараад, урдаа болоно. Хайратай...

Бидэнэр дарамта буртагыень гарааараа һабардан, арилгажа оробобди. Уһанайнь хүйтэн гээшэ! Гар удаан тэсэнэгүй. Уһан улам улам хүсэтэйгөөр бурьялдаг болоно. Тиихэдэнь бүри урмашанабди. Тиигэ тиигэһээр хуу сэбэрлэжэ, буртаг шэнгэрһэ,

борбоосгойень эрьеһээнь холодуулбабди. Амарангаа хажуудань һуубабди.

Булаг үе мүсөө тэниилгэһэндэл, улам эршэтэйгээр бурьялаад, тунгалаг уһаяа урадхуулна. Бидэнэр кружкаараа удхажа, уһа уунабди. Һэмһэтэй гээшэнь. Хэршье хүйтэн хадаа зосоо дааруулнагүй, гэдэһэ дүүргэнэгүй. Иимэл хадань Аршаан булаг гэжэ зон нэрлэһэн байгаа ёһотой.

Бусалган дээрээ: «Аршаан булаг баяртай, дахин уулзатараа!» — гээд, хажуудань зогсобобди. Тиихэдэмнай бидэндэ баяр хүргэһэндэл миһэржэ, жэгдэхэнээр мэлмэржэл байгаа һэн.

Энээнэй хойто тээ һара тухай болоод, Аршаан булагтаа дахин ерэбэбди. Тэрэмнай өөрөө ямаршье усалда ороогүй, арюун тунгалаг уһаяа мэлмэрүүлжэл байна. Гэбэшье, дүтэ тойронхи газарынь зүдэрүү. Үбһэ ногооniинь үльтигдэнхэй. Һөөг бургааһанууд хухаранхай. Набша намаатай ногоон мүшэрнүүд эндэ тэндэ хэбтэнэ. Таһархай газетэнүүд, консервын банканууд, шэлэй хэлтэрхэйнүүд зүндөө. Хэдэн газарта гал түлиһэн хэбэртэй; бухалай һууриин зэргэ түхэреэн хара сараанууд, дутуу дүрэһэн

сусалнууд харагдана. Иимэ һайхан ой соо, тунгалаг булагай хажууда хүнүүд амарха, һэргэхэ ёһотойл юм бэзэ. Теэд юундэ иигэжэ зутарааха юм гэжэ гайхалсаа бэлэйбди.

Уһан далай булагһаа эхитэй, ухаан эрдэм номһоо эхитэй гэдэг ха юм. Булаг бузарлажа болохогүй.

Долоон хүһан

Бүлэг хүһан ойһоо холошог, мойһото жалгын эрьедэ, долоон хүһан ургажа байдаг һэн. Зулагар сэхэнүүд, тэнгһээ дээшэ баглагар һалаа мүшэртэй, дун сагаан бэетэй һайхан хүһад бэлэй.

Саһан хайлаад, хабарай наранай урин дулаанаар шарадаг болоходо, хүһад бүришье һэргэлэн, һүртэй болодог байгаа. Колхозой центрэй үхибүүд набшаһалхыень хүлеэжэ ядадаг хадаа үдэр бүри шахуу ошожо хараха, түрүүшээр һалаа мүшэрнүүдтэнь — няалдамхай бишыхан гүлгэд шомбойлдоод, ехэ боло болоһоор, уданшьегүй задаржа, сэл ногоон набшаһад һалбардаг һэн.

Набша намаа соонь жэжэхэн шубуухайнууд һуужа, тэдэ хүһадые магтажа байһандал, тушаа бүреэ гурган жиилдаха. Хирэ, хирэ хаана — һаашьеб хүхы ниидэн ерэжэ, торгон оройдонь һуугаад, хонгёогоор донгодохо. Энэл үедэ үхибүүдэй баяр барагдашагүй боложо, һүүдэртэнь һуудаг, наададаг байха. Али хүһан дээрэнь хүхы донгодохоб гэжэ таалсаха. Харгыгаар ябаһан хүнүүдшье мориёо амарууланга һүүдэртэнь һууха.

Нэгэтэ хабар тэрэ шадарай газар хахалаад, таряа тариһан юм. Зундаа халта һалхинай һэбшээлхэлээр — колослоһон таряан, намаалһан хүһад хэлсээтэй юм шэнги — таряниинь шэмээтэйгээр долгилхо, хүһад жэгдэхэнээр һабиналдаха.

Иимэһээл тэдэ долоон хүһад наһатайшуулайшье, үхибүүдэйшье нюдэнэй шэмэг, шэхэнэй хужар болодог байгаа.

Мүн набшаһадынь шарлаад, намарай наранда алтаржа байхадаа баһал һайхан даа. Набшаһадынь нэгэ-хоёр хоногто гансата унадаг бэшэ, харин үсөө үсөөхэнөөр унаһаар, удаахан саг соо

шурдажа дуунадаг байгаа. Энэ үедэшье үхибүүд хажуудань ерэжэ, набшанадай хайшан гэжэ унахые нонирхон харадаг, зурадаг нэн. «Түмэниинь ошоод, түглэгэрынь үлэбэ» гэнэн таабари ойндонь ородог нааб даа.

Эдэ хунадай ургахаһаа эхилээд, гуша-дүшэн жэл соо нэгэшье мүшэрынь хүн хухалаагүй юм. Үйнэн дээрэнь нэгэшье зурлаа гаргаагүй.

Гэбэшье, нэнгэргүй хүнүүд байдаг. Нэгэтэ зун велосипедтэй гурбан хүбүүд хунадай нүүдэртэ тогтожо амараа ха юм. Тиихэ зуураа муу аашаяа харуулаа. Нэгэ бүдүүн хунандань «Петя, Тагар, Табдан» гэжэ нэрэнүүдые томо гэгшээр ниилээ. Гурбан хуна хүү ерэжэ, гүнзэгы сараануудые гаргаад, шүүныень нороо ха. Эгээл зулагар сэхэ нэгэ хунанһаа метр тухай үйнэ хуулажа абаашаа.

Үглөөдэрынь центрэй үхибүүдэй ошожо харахада, шархатанан хунад уйлалдажа, шархаһаа уна дуналуулан байгаа нэн.

Тэдэ нэшхэлгүй хүбүүдэй хаанаһаа ябанаииньь, хаана байдагынь мэдэгдэнгүй үлэнэниинь халаглахаар.

На берегу моря

В прошлом году я отдыхал в Крыму. Однажды, бродя по берегу моря, я порядком устал и присел на валун. Передо мною, как небо, расстеленное на земле, лежал синий простор без конца и без края. Ближе ко мне синь переходила в зеленоватый цвет. Я подумал: почему такое сине-зеленое море назвали черным?

Вот оно раскинулось, спокойное, безмятежное. Правда, немного рябит, и эта рябь около берега оказывается небольшими волнами. Они обгоняют друг друга и, разглаживая у моих ног шуршащую гальку, словно обессиленные, растекаются и уходят обратно. После них на гальке остается белая пена, пузырьки которой тут же лопаются, и она исчезает.

Слегка качаясь на волнах, как в зыбках, играют чайки, поодаль, прорезая море и оставляя за собою растекающуюся канавку, мчится катер в сторону Ялты.

Наблюдая за всем этим и с наслаждением глотая морской чистый воздух, я не заметил, откуда выскочили три велосипедиста. Они были в одинаковых синих спортивных костюмах и с рюкзаками на спинах. Сначала старший из них показался мне парнем лет двадцати пяти, но когда они приблизились, я, приглядевшись, подумал, что он отец тех двух. Из-под белой спортивной его фуражки с большим козырьком выбивались пряди серебристых волос.

Они поставили свои велосипеды, прислонив их друг к другу, сняли рюкзаки и сели на берегу недалеко от меня.

— Папа, можно?—тихо, с радостным нетерпением в голосе спросил, посмотрев в сторону моря, один из мальчиков, младший, видимо.

— Подожди, дружок,—ласково ответил отец.— Договорились же сначала отдохнуть. Мальчик деланно вздохнул и стал собирать камешки, похожие на бараньи почки. Вскоре присоединился к нему и второй, который, как потом я понял, был старшим братом. Отец между тем не торопясь раздевался. Минут через десять он весело проговорил:

— Ну, дети, купаться! — и бросился в море. Мальчики разделись в один миг и кинулись за ним. А тот, красиво вскидывая руки, плыл быстро и легко. Дети поплыли за ним, гребя загорелыми руками и отталкиваясь ногами. Скоро три головы на морском просторе стали едва заметными.

Я направился в Никитский ботанический сад. Там пробродил почти до вечера. На обратном пути под кипарисами я увидел растянутую палатку. Два уже знакомых мне мальчика суетились около костра, подбрасывая в него хворост и помешивая что-то в чайнике, подвешенном на таганчике. Отец сидел на берегу, удил рыбу.

— В прошлом году весь папин и мамин отпуск мы вчетвером провели на берегу реки, удили рыбу, бродили по лесу, а спали в палатке. А нынче решили вот так, на велосипедах, путешество-

вать. Мама наша не любит ездить на велосипеде, поэтому осталась дома, — говорили мне мальчики. В это время подошел отец.

— Ну как, дежурные, ужин готов? Я задание выполнил — поймал вот эту рыбу, — и, подняв на уровень головы, показал он рыбу, напоминающую нашего байкальского омуля. Я разговорился с ним и спросил между прочим:

— Наверно, нелегко вам путешествовать с мальчиками?

— Нет, — ответил он. — Правда, вначале тяжеловато было. Но ведь им туризм очень полезен.

— И давно занимаетесь таким туризмом?

— Давно. Как вот сыновьям исполнилось шесть-семь лет, мы по выходным дням ездили за город, зимой — на лыжах, а летом — пешком в лес или на реку купаться. Привыкли.

— Ужин готов! Ужин готов! — закричали мальчики. — Дядя, поужинайте с нами! Садитесь сюда.

Я не очень решительно отказался. Тогда отец сказал:

— Вы не обижайте моих поваров, извольте поужинать с нами!

Я не смел больше отказываться, сел. Свежая рыба, приготовленная на свежем воздухе, да еще на свежем воздухе съедаемая—что может быть вкуснее! Не знаю, ел ли я когда-нибудь с таким аппетитом. Мне захотелось долго-долго сидеть с ними, помечтать, поговорить.

«Добрые люди!» — подумал я и... усомнился, насколько бесстрастно оценил моих новых друзей: «Ведь я хорошо не знаю их... Нет, все-таки добрые люди!» — говорил внутренний голос. Они угостили меня как своего гостя, как друга. Но главное в другом... Они так хорошо отдыхают, так приветливо встретили меня, совершенно незнакомого человека, в их отношении друг к другу чувствовалось не только родственное, что понятно, и должно быть между отцом и его детьми, между братьями, но теплое спаянное товарищество. У плохих людей не было бы такого. Эти мысли неремежались с неторопливой беседой со старшим из моих новых друзей. Мальчики сидели молча и, кажется, прислушивались к нашему разговору. Хоть и очень не хотелось, но надо было уходить: люди устали, и ждет их крепкий богатырский сон под шум морских волн, стрекотание цикад. Уходя я пригласил их:

— Будущим летом посетите нашу Бурятию, Улан-Удэ,— попутешествуйте по берегам Байкала.

Мальчики живо, с интересом переглянулись. Наверно, они мысленно уже были на Байкале.

— Самое глубокое озеро,— сказал один из них.

— Да, да. Самое глубокое озеро, — повторил я и не без гордости продолжал:—Вода байкальская чиста, прозрачна, как стекло. Берега Байкала по красоте не уступят южному берегу Крыма. Кипарисов, правда, там нет, но есть ароматная пихта, раскидистый, с зелеными хвойными кисточками кедр.

— Если уж не предстоящим летом, то обязательно в скором будущем съездим, попутешествуем по Бурятии, по Байкалу,— обещал отец.—Надо знать свою страну.—Немного помолчал он и, кивнув в сторону детей, мечтательно продолжал:

— Надо воспитать их духовно и физически здоровыми. А этому помогает спорт, туризм, знание своей Родины...

—Папа сейчас скажет свое любимое,—весело проговорил младший.

— ...Чтобы больше пользы приносить своему народу,— в тон младшему добавил старший сын. И все втроем с лукавой улыбкой переглянулись.

Я уверен, что мои знакомые мальчики вырастут хорошими людьми, сильными и здоровыми, стойкими к невзгодам и трудолюбивыми.

Я также уверен, что они приедут к нам, в Бурятию. Я встречу их, приглашу домой. Их имена у меня записаны. У них есть и мой адрес. Перед выездом, как мы договорились, они мне напишут. Жду вас, мои друзья из далекого Крыма!

Нехороший случай

Шарлая нельзя считать плохим учеником. Он учится не хуже других. Дисциплинирован, послушен. Говорит хорошо. Только вот сегодня произошел с ним нехороший случай.

Санитарная дежурная Таня утром проверяла чистоту одежды, лица, рук и шеи учеников класса. Она будто нарочно, особенно придирчиво проверяла Шарлая, поворачивала его круглую, как мяч, голову то направо, то налево. Потом она едко спросила:

— Ты вроде кошки, которая только морду моет! Шею и уши не моешь?

— Шарлай на той неделе санитарным дежурным был. Его никто не проверял, только он нас проверял, а сам не умывался,— ехидничал Аюр, воротник рубашки которого дня два-три тому назад Шарлай признал грязным.

— Своих ушей он же не видит,— засмеялись другие.

Верно, в предыдущую неделю Шарлай действительно был санитарным дежурным и свои обязанности выполнял хорошо. Потом, в субботу, отчитываясь перед товарищами, строго критиковал свой класс за недостатки в соблюдении требований са-

нитарии и гигиены. И сегодня все это до подробностей вспомнилось Шарлаю. Невольно он подумал про себя: «Должен был я критиковать наши недостатки или не должен? Конечно, должен был»,— ответил Шарлай на свой вопрос.

Будто продолжая мысли Шарлая, сказалаТаня:

— Что позавчера, в субботу, говорил нам Шарлай? Чтобы наш класс был чистым, опрятным, чтобы и в помещении, и на нас самих не было грязи. Вот что он говорил. Правильно он говорил, а сегодня сам...— Таня не договорила. В это время зашел в класс учитель.

— О чем у вас спор?— спросил он.

Таня в двух словах, смущаясь и сбиваясь, рассказала.

— Выходит, наш Шарлай не знает, что слово не должно расходиться с делом,— сказал учитель.

— В чужом глазу сучок видит, а в своем— бревна не замечает,— сострил все тот же Аюр.

— Да ладно, Аюр! Допустим, в твоем «глазу» был не сучок, а целое бревно.

— Шарлай правильно критиковал тебя,— сказала Таня.

Все засмеялись.

Нежеланная встреча

«Что значит охота! Всего несколько дней, а как окреп! Даже шерсть отросла!» — Ваське кажется, что он не кот, а тигр, хозяин тайги. Тигра Васька по телевизору видел. Ничего себе кошечка, большая. Васька солидно ступает по мягкой хвое, зорко поглядывает по сторонам. Вон на березу сели беленькие пухляки, маленькие, с кошачью лапку, птички с черной шапочкой. Большая синица шустро вертит головой, выискивая насекомых. Издалека кажется, что порхает яркий зеленовато-желтый лист. Стая снегирей облепила куст рябины. Самец гордо сияет на солнце ярко-розовой грудью. Самочки розовато-бурые, неприметные. Васька грозно мявкнул — снегири неспешно волнообразно улетели. То-то!

И тут из-за валежины поднялась круглая с небольшими бакенбардами и короткими ушами голова. Глаза звериные, не кошачьи, хотя по виду кот. Васька даже оторопел. Шерсть сама собой дыбом поднялась. Тайга и кот. Удивительно даже!

Манул вскочил на валежину. Намного крупнее и массивнее Васьки, рыжевато-серый, приземистый, лапы толстые. Хвост словно покрытая мехом труба. Зло глянул на Ваську и хрипло заурчал, словно мышь увидел. И Васька, забыв, что он почти

тигр, прыжками рванул в зимовье. Добежал до крылечка и только тогда перевел дух.

Вот и сегодня думал увидеть ворона, но только вышел на поляну — замер, прижавшись к холодной земле. На поляне буро-черной горой высился бык с широкими лопатообразными с отростками рогами, похожими на ладонь человека с раздвинутыми пальцами. Морда у быка горбоносая, верхняя губа свисала над нижней. Под горлом, словно серьга, кожный вырост. Сохатый не спеша поедал побеги молодой осины. Но вдруг замер и задвигал ушами во все стороны. И Васька, стараясь не шуметь травой, задом отполз в кусты голубицы.

Рыжая труба

Ах, какой сегодня денёк! Весенний. Солнышко греет. Снежок слепит. Ночью простынкой слетел с небес. Сосульки с крыши свисли, роняют на землю серебряные капли. Капля, падая, вспыхивает на лету теплым огоньком. Васька разнежился на горячих досках. Вспоминается весна. В ясно-тугой синеве парят коршуны и чайки. Кажется, синева цветет живыми цветами. А внизу нежный звон колокольчиков — это звонисто осыпаются от тепла сугробы. Блестят лужи. Парят, дыша горчащей сыростью, мокрые заборы. На оттаявшей земле пробились зеленые лучики трав. Шумно сходят с крыш большие лепехи мокрого снега. Хват от неожиданности взвизгивает и отбегает. И Васька ухмыляется в усы.

Вспоминаются весенние ночи. Бархатную синеву заливает золотистый свет луны, и гремят кошачьи хоры. Хорошо-то как!

А может, и не будет в этом году зимы? Сразу лето. Летом в тайге раздолье. Зверюшек разных, птиц, насекомых тьма! А травы, цветы что деревья. Есть, где спрятаться.

Васька спрыгнул с крыши и пошагал к ручью. Среди кустов рыжеватое пятно мелькнуло, словно огромный осиновый лист. Что за диво?

Васька, не дыша, крадется к кустам, всматривается. На маленькую собачку похожа. Морда заостренная, узкая, с широкими у основания высокими ушами. Да это же лиса! Рыжевато-серая с белой грудью, а хвост как пушистая труба с белым кончиком. Скрадывает кого-то. Прыгнула. Есть!

«Да она же моих мышей ловит!» — и Васька возмущенно мявкнул. Лиса обернулась, но не убежала. Васька зашипел, раздулся, стал похож на черный шар с лапками и, на всякий случай, подобру-поздорову, бросился к зимовью.

Спасите! Лечу!

Вожак с Хватом ушли. Васька, на всякий случай, залез на крышу зимовья — вдруг медведь! Улегся и решил поспать. Но как уснуть, когда столько звуков, шорохов, шума!

«Кэррр-кэррр» — скрипуче кричит в кедре кедровка, большеголовая каштаново-бурая с длинным клювом птица. Застучал большой пестрый дятел. Пробежал по стволу вниз головой серо-голубоватый поползень. Юркая с кулачок птичка. Поймать бы! Нежно — «тиитиитии» — попискивают пухляки.

Рыжеватый бурундук запрыгнул на чурку, отрывисто цикнул, схватил корку хлеба — вот воришка! — и юркнул в кусты. Вдалеке гулко залаял Хват, видно, белку загнал. И, действительно, вскоре сухо щелкнул выстрел.

Позванивает ручей. Сияет на солнце разноцветная листва. Пахнет грибной сыростью и палыми листьями. Васька согрелся и задремал. Пригрезилась мышь — рыжеватым шариком катится по полу зимовья — сейчас я тебя! А шумит-то как! И Васька открыл глаза.

Шум шел из кустов смородины, шум не мышиный — кто-то громко возился, хлопал крыльями. Проглянул сквозь ветки темный шар, и на полянку вышел огромный черный петух!

«Вот это птичка так птичка!» — Васька сжался, глаза горят.

Глухарь повертел головой и горделиво зашагал к зимовью, сияя зеленоватой грудью. Ближе, ближе. Васька сверкнул черной молнией, вцепился, урча, когтями и вместе с глухарем взвился в небо.

В первое мгновение, оглушенный хлопаньем крыльев, шумом ветра, радостью, что такую большую птичку он еще не ловил — а вкусна-то, наверное, вкусна-то как! — Васька даже не понял, что летит и главное вверх. (Ему приходилось летать, но только вниз — с крыши или дерева).

Замелькали внизу верхушки кедров, осин, берез, черными листьями завертелись на ветру глухариные перья, и Васька, дико оря, черным ядром полетел на землю. До земли не долетел —

его спружинила широкая лапа пихты. Черный ор качнулся несколько раз и метнулся в кусты. Добежал до зимовья, залез под крышу и только там отдышался. И тишина вдруг наступила такая — слышно, как сердце стучит.

Таежные хрюшки

Надоело валяться на крыше, надоело ловить летящие листья, хотя они так похожи на райских птичек, надоело даже закусывать. Надо признать, потолстел на вольном воздухе, мохнатый живот черным шаром шуршал по траве.

«Пройдусь вдоль ручья, променаж сделаю...» — и Васька неспешно зашагал по листьям. Травы уже засохли, шуршали под лапами. Иногда попадались похожие на мячи разбухшие грибы. Дошел до ручья.

«А ягоды смородины птицы уже склевали!»

На березах попискивали синицы. Пестрый дятел стучал в сухую сосну. Где-то цокнула белка.

«А охотнички за семь верст киселя хлебают! А пушнина вот она, рядом с зимовьем! Надо посмотреть, где белка», — и Васька углубился в лес. Но вскоре его внимание привлекли глубокие траншеи, словно кто-то перекопал вдоль ручья землю, отыскивая что-то. Впереди, за кустами, кто-то зачавкал.

«Кто бы это? — выглянул из-за куста. — Свиньи! Целое стадо. Не может быть! Тайга и свиньи! И большие, и маленькие. Один огромный бурый, с гривой вдоль хребта, а клыки-то, клыки! Вот это кабанище! Когда же они из поселка пришли? Хозяева, наверное, с ног сбились в поисках своих хрюшек!»

Васька без опаски — свиньи же! — вышел из кустов, решил подойти поближе, чтобы получше рассмотреть невиданных поросят. Они, как домашние, рылись в земле, рылом, как плугом, переворачивая лесную подстилку, отыскивая коренья и луковицы, отыскав, сочно похрустывали ими. Один нашел под кедром опавшие шишки и захрустел ими, как яблоками.

«Надо же!» — додумать Васька не успел — кабан заметил Ваську и, как мохнатая гора, ринулся на непрошенного наблюдателя. Васька черной каплей брызнул на осину. Кабан утробно хрюкнул и начал подрывать дерево. И Ваську, и дерево трясло. Дерево от кабана, Ваську больше от ужаса. Слава Богу, ужас продолжался недолго. Кабан принялся рыть коренья.

После этого случая Васька твердо решил: «Не стоит далеко от зимовья отходить! Тайга не огород!»

В капкане

Васька похрустел кормом и задумался. Выспался. Скучно. «Вожак на охоту собирается, складывает в рюкзак продукты, видимо, уйдут с Хватом на весь день. Мне, что ли, сходить? Недалеко от зимовья. Тот дикий кот, почуяв Хвата, наверное, ушел. Лапы разомну, на птичек поохочусь», — и выскользнул в открытую дверь.

Ваське казалось, что ступает не кот, а могучий черный зверь. Что Хвата — медведя, как мышь, придавлю! Перемахнул через валежину и, принюхиваясь, пошел по тропе.

Рыжая кукша тихо слетела с пихты. Пышная, мягкая, тихая птица. Но как поймать? Скрипуче проорала кедровка, но высоко, на самой вершине кедра. Чёрный дятел с красным теменем — желна — печально прокричал «кяй» и полетел в чащу. И от его крика Ваське почему-то захотелось в зимовье, где теплый топчан со спальником вожака, домашний хрустящий корм. Васька остановился, даже лапу в раздумье поднял. Но тут на его беду вскочил на пенек бурундук, поднял пушистый хвост и цикнул призывно.

Незнакомый черный зверек смешно полз по снегу. Бурундук с любопытством оглядел его от усов до хвоста и метнулся на кедр — зима скоро, орешками еще не запасся, не до зверьков мне чудных!

«Ничего, птичку какую-нибудь промыслю! А это что?»

К стволу сосны столик прибит, столик завален веточками, а под ним висит привязанное проволокой крыло. Васька мигом метнулся по стволу — под столиком широкая дощечка и только ступил на нее, как внизу щелкнуло — и Васька оглох от собственного ора, болтаясь в капкане. Не переставая орать, попытался вырвать из капкана правую лапу. Но капкан держал крепко.

— Слышишь, Хват, будто орет кто-то! А что за зверь — не пойму, кошачий ор напоминает. Пойдем — посмотрим!

«Идет кто-то... Хват с вожаком. Как я с раненой лапой охотиться буду?»

— И как тебя, Василий, угораздило в капкан попасть? На твое счастье капкан старый — слегка лишь лапу сдавил! Давай, Хват, унесем раненого товарища в зимовье.

«Говорил я: не надо мышелова в тайгу брать — не послушались! Возись теперь с ним».

— Что, Василий, трухнул? Не бойся — он уже не укусит! Я и сам сегодня испугался. Волк он и есть волк! Да не рычи ты, Хват! Я его сейчас за сук подвешу — завтра им займусь. Смотри, Васька, каких собольков мы взяли! Мех аж искрится. Не мех — мягкое золото!

«Нет, не нравится мне такая охота! Совсем несъедобные запахи. От этих звериных запахов убежать хочется! То ли дело воробьи, мышки, рыбки!»

Вожак зажег керосиновую лампу, затопил печурку, поставил варить суп с тушенкой. В зимовье сразу запахло по-домашнему, словно в поселок, домой вернулись. Проходит час — и троица неспешно трапезничает.

Новогодняя ночь

— Ну что, гвардейцы, Новый год завтра! Елку наряжать будем? За ней и ходить не надо — вон у ручья их сколько! Все в пушистых шубках. Не елочки — модницы! Даже шишки висят. Выберем саму пушистую и нарядим. Повесим всё,

что можно: конфетки, разноцветные гильзы от патронов, баночки, Василий, из твоего корма тоже пойдут.

Новогодняя ночь как по заказу была звездная, ясная. Даже луна висела золотым новогодним шаром. Синим пламенем светились снега. Чуть отойдешь от елки, кажется, что вон та большая звезда не в небе, а на макушку елки надета. Лучится голубым светом.

Ровно в 12 часов вожак салютовал новому году — пальнул сразу из двух стволов. Вылетело оранжевое пламя. Радостно залаял Хват.

Затем сидели за новогодним столом. Даже Хвата на время в зимовье пустили. А на столе чего только нет! И тушеная зайчатина с картошкой, и отварные рябчики с брусникой, и сгущенка, и печенье, и конфеты. Объелись!

Наездник

Васька запрыгнул на валун и увидел маленький заливчик. На дне заливчика среди скользких от зелёных водорослей камней лежало оливковое брёвнышко. Валун за день нагрелся на солнышке. Васька улегся и задремал. Дремал, а всё же одним полузакрытым глазком наблюдал.

Вот на край валуна села лазоревая бабочка. Поймать бы, да лень, разнежился. Слепит простор Байкала. Чайки вдалеке словно белые лодки. От валуна пахнет чуть горчащим солнцем. Два куличка пролетели мимо и сели за поворотом. Вот эта добыча! Где-то в глубине леса хрипло проорала кедровка и по-хозяйски застучал дятел.

«К ночи залезть на толстую ветку и спать без опаски. Июль. Светает рано. А с утра в путь, домой. К вечеру доберусь. А чтобы еще раз... ни за какие коврижки! А брёвнышко будто шевелится, — и Васька широко открыл оба глаза. — Точно шевелится! Да это же рыбина! Вон как плавниками шевелит!»

Васька сжался черной пружиной, сиганул вниз и вонзил в широкую спину когти, похожие на веер крючков. Огромная щука крутанулась тугим колесом, вспенила воду и, взметнув со дна золотистый песок, метнулась с Васькой на глубину.

В первое мгновение, ослепленный столь удачной рыбалкой, Васька ничего не понял, но, уйдя вместе с ушами под воду, рванулся наверх, дико завыл. Вода, пропитав теплую шерстку, обожгла кожу ледяным холодом. Как назло, один коготок застрял в спинном плавнике, и Васька черным наездником, разбрызгивая гладь и пугая черные стаи бакланов, помчался на синий простор. Щука рванулась вниз — Васька вверх — и коготок высвободился. Как оказался на берегу, Васька не помнил. Сердце готово было выпрыгнуть из мокрой шерсти, даже лапой его придержал.

«Брр! Ну её рыбалку — лучше птичек ловить! А еще лучше домой быстрее попасть!» — и Васька побежал вдоль берега. От пережитого разыгрался такой аппетит — сазана бы целого съел! Но где он сазан — дома.

Сытный ужин

Кипит в котелке уха из налимов. Хозяин уже и максу с хлебом растер — вывалил. И сразу дух сытный, густой из котелка повалил. Хват жадно нюхает — из пасти тянется тягучая слюня. Так бы и сунул в котел морду!

Васька, хотя и закусил сорогой, не сводит горящих глаз с рожней — на них жарятся жирные хариусы. Янтарные капли жира капают в огонь и с шипением золотисто вспыхивают. Поскорее бы!

Проходит час. Чмоканье, чавканье, хруст и сопение. Иногда тихий рык — это Хвату кажется, что Васька подбирается к миске. Но тот с головой ушел в любимое дело. Столько вкуснятины — и не съесть сразу!

«А путешествие ничего! Интересно, а коты здесь есть? Хозяин рассказывал, что и в лесу коты водятся, дикие, даже называл — манул, кажется»,

Васька похрустывает хариусовым хвостом и с опаской косится в темнеющую чащу. Черные копьевидные пихты, мохнатые кедры, стелющийся, похожий на огромных пауков стланик таят опасность. Кажется, кто-то когтистый неслышно подбирается к костру.

«К рыбке да еще бы дичь! Рябчика, косача, глухаря. Жаль, сезон не охотничий! А уха из налима — вещь сытная. Наелся, а еще ешь», — Хват тщательно облизал миску и, пока не видит вожак, начал лакать из котелка.

— На покой пора! — хозяин поглаживает тугой шар. У Хвата и Васьки такие же тугие шары, только поменьше. Объелись!

Одуванчики

Сколько солнышек на свете?
Глянь на синий небосвод.
Солнце там одно нам светит
Каждый день из года в год.

Только на любой лужайке
Тоже солнышки сверкнут.
Если хочешь, посчитай-ка.
Тыщи их, наверно, тут.

Может, детки солнца это
Здесь спустились с высоты?
Очень их на землю летом
Звали погостить цветы.

Видно, слишком заигрались
Солнышки тогда в гостях.
С той поры так и остались
В скверах, на лугах, в степях...

Лучики их превратились
Вскоре просто в лепестки.
Так, наверно, появились
Одуванчики — цветки.

Солнышко

В речке солнышко купалось,
Всем лукаво улыбалось.
Маша набрала водицы –
В кружке солнышко лучится.
Будто хочет как подружке
Что-то пошептать на ушко.
Только тут секретов нету.

Просто солнце радо лету.
Очень любит ребятишек –
Всех: девчонок и мальчишек.
Даже петь готово вместе
С ними радужные песни...
Маше, звонкой хохотушке,
Дар от солнышка — веснушки.

Дружок мой учится читать

Мой маленький смешной щенок,
Как будто юркий колобок.
Возиться мне с Дружком не лень –
Готов играть и ночь, и день.

Я в школе первый год учусь,
Теперь учить щенка возьмусь.
Зачем откладывать урок?
– Садись поближе, мой дружок, –
Я, как учитель, говорю, —
Начнем читать по букварю.

Вот это, видишь, буква «а»,
С ней пишут многие слова.
А тут другая буква — «у»
Читаем вместе их — «а-у».

Мой пёсик ухо навострил,
Как будто что-то уяснил.
В букварь открытый заглянул,
Потом, разинув пасть, зевнул.

А может, он и не зевал?
«А-у» по-своему сказал?
Поставлю пёсику я «пять».
Учёбу будем продолжать.

Есть друзья у воробья

К воробьям пришла беда –
Птенчик выпал из гнезда.
Птицы очень горевали:
Хлопотали и кричали.

Не смогли ничем помочь,
Так и улетели прочь.
Но на помощь воробьишке
Подоспели ребятишки.

На траве птенца нашли,
В дом к Серёже унесли.
Всё, казалось, очень просто:
Нужно птенчику для роста
Есть побольше мух, жуков,
Комаров и червяков ...

Что же дети приуныли?
Насекомых наловили,
А птенец их не берёт.
Так ведь с голоду умрёт!

Ох, и выдумщик Серёжа!
Выход он нашёл, похоже.

Так искусно запищал,
Что воробышек признал
Голосок знакомой птички –
Братика или сестрички.

Вертит, вертит головой,
Ищет, где тут, кто родной?
Может, прилетела мама?
Он её заждался прямо!
Вот и клюв птенца открыт.
Разыгрался аппетит!...

... Все девчонки и мальчишки
Рады — вырос воробьишка.
Стал летать. Да тесен дом,
Не с кем и чирикать в нём.

«Что ж, — открыл окно Серёга,
Выбирай, дружок, дорогу»...
...На высоких тополях
Множество весёлых птах.
Тут и воробьишка в стае,
Только он неузнаваем.

Как теперь ребятам быть?
С кем из юрких птах дружить?
Быстро рассудили дети:
«Раз уж птенчик без приметы,
Значит, мы теперь друзья
Для любого воробья!»

Слон

Тянет хобот слон из клетки.
Клянчит он у всех конфетки.
Но смотритель говорит:
— Сладкое слону вредит.

Даже великаны эти
В зоопарке на диете.
Вот везут слону обед.
О! Чего тут только нет!

Зелень, овощи, бананы
На десерт для великана.
Нравится слону морковь.
Очень вкусно! Будь здоров!

Раз на сладкое запреты
Сам тогда я съем конфеты.

Зорюулга

Эжынгээ үгые,
Эсэгынгээ хэлэһые
дууладаг хүүгэдтэ,
Дулаахан уһанда,
Улаахан мылэдэ
дуратай хүүгэдтэ
Энээхэн номоо
Һэмээхэн зорюулааб.

БУЛЖУУХАЙ

Боори дээрэ жэргэнхэй
Булжамар шубуу шэртэнэб.
Өөхэн шулуу дэрлэнхэй
Өөдөө хараад хэбтэнэб.

Аяар тэрэ сэнхиртэ
Аялгаараа ягаруухай
Дуулан, наадан, шэнхинэнэл
Дуулим талын булжуухай.

Ээрсэг мэтээр эршэгэнэн,
Эгсэ тогтоод, шэшэрнэ.
Доошоо халин, арбаганан,
Дорюун шангаар эшхэрнэ.

Өөдөө дэгдэн дүүлижэ,
Өөрэ зангаа гаргана.
Уран гоёор дуулажа,
Угалзануудые гаргана.

САЙ

«А» үзэг – эрдэмэй дээжэ,
Аяга сай – эдеэнэй дээжэ.

Һүтэй сайгаар хүндэлнэб,
Һүрхэй зохид ундан лэ.

Тогоон соohоо аягалаад,
Ногоон сайгаа ууя даа.

Таабай шэнгеэр дабшалаад,
Табхайлдажа һууя даа.

СЭСЭГ МАЛГАЙ

Улаан маряан сэсэгүүдээр,
Угаа һайхан сэсэгүүдээр
Абгай хээтэй хоёрни
Малгай намдаа гүрэжэ үгөө.

Сэсэг малгайм арюухан,
Сэнгүү гээшэнь — һэрюухэн.

Эрбээхэйнүүд дээгүүрни
Эрьен тойрон ниидэнэд.

ХЭРМЭН

Һүрмэн харахан нюдэтэй
Хэрмэн, наашаа харыш даа,
Һаглагар хушын оройһоо
Һамар хаяад үгыш даа.

ЯНГАР

Хон-хон дуутай,
Хондолой дээрээ дэгээтэй,
Янгар нохой янгууша,
Янгуушаш һаа ангууша.

Үргэн таладаа гарахадаа,
Үрхэ зумбараа агнадаг.
Намнаад, барижа ядахадаа,
Намаяа хараад гангинадаг.

ҮГЛӨӨГҮР

Үүрэй солбон унтаржа,
Үүлэнэй хаяа ягаарба.
Үүдэнэй шэбхэ мултаржа,
Үнеэндээ эжым яараба.

Даахи улаан наран
Дабаан дээгүүр мандаба.
Даяан дэлхэйе шаран,
Аяар холоһоо даллаба.

ДУУДАЙНУУД

Дуудай унаһан ахайнар,
Дуутай шуутай ахайнар
Бухал шэрэжэ байһанаа,
Булаг дээрэ ерээ һэн.

Дуудай унаһан ахайнар
Дуугай хэзээш ябадаггүй.
Дуран соогоо ахайнар
Дуугаа дуулан ябадаг юм.

Турья, турья, турьян за,
Турьян байна дуудайнууд.
Угаа гоёор дохилзон,
Уһаа ууна дуудайнууд.

Хоёр шэхээ һүрмылгөөд,
Хоёр тээшэнь хүдэлгөөд,
Һонор гээшэнь дуудайнууд,
Һонин гээшэнь дуудайнууд.

— Дуу! — гэхэдэнь байшана.
— Чуу!—гэхэдэнь гүйшэнэ.
— Һылоо! — гэхэдэнь хатарна.
— Чулоо! — гэхэдэнь оодорно.

Голой дундуур гүйлгөө һаа,
Гоёл һэн даа дуудайгаар.
Утал хүлтэй болоһойб даа,
Отол ябахаб дуудайгаар.

МУУРА

— Муура, муура, муурахан,
Мууртайхан һууналши.
Мяа-уу, мяа-уу, мяа-уу — гээд,
Гунигтайгаар дууланалши.

Уйдажа эндэ һуунгүйгөөр,
Урилдажа һаатая.
Намаяа хүсөөд турша даа,
Намналсажа наадая.

БАХАНУУД

Хүхэ соохор самсатай
Хүдөө талын бахануд
Үүр сайхын хирэдэ
Үрдилдэжэ хашхараа.

— Намжаа дулаан
Наран шараа,
ур-раа!

Гоё ногоон самсатай
Голой голигор бахануд
Нара орохын хирэдэ
Нарьялдажа хашхараа.

— Һаруул сагаан
Һара гараа,
ур-раа!

ШУУШЫ

Ядагар хоёр эбэртэй,
Яһала дорюун хэбэртэй,
Үргэн дороо һахалтай,
Түргэн жороо гүйдэлтэй,

Шугы соогуур шургааша,
Шуран солбоор һүрөөшэ
Шуумар гэгшын хэн бэлэй?
Шуудагархан шуушыл[1] даа.

Яһан хатуу эбэрээрээ
Яс гэтэр мүргэлдөөд,
Яһала шамай айлгадаг,
Ябаһан бүгэды сошоодог,

Хашаа дээгүүр харайдаг,
Хапуустаяа зулгаадаг,
Енгүүтэйгээр бархирдаг
Ехээр зантайнь хэн бэлэй? —
Елэгэр харахан шуушыл даа!

1 Шуушы — эшэгэн

Осень

Как щедро осень разбросала краски!
То золото, то зелень, то кармин.
И стали парки, как рисунки к сказке,
Где с Золушкой гуляет Алладин.

Божья коровка

У божьей коробки нарядное платье.
Вы божью коровку тихонько погладьте,
Вдруг жесткие крылья раскроет она,
И тонкая будет подкладка видна.
Заметна она на зеленом листочке
На красненькой капельке черные точки.

Паучок

Спустился с ветки паучок,
И вдруг заметил птицу:

«Ой, ой, зачем я дурачок
Отважился спуститься.
Зачем оставил теплый дом,
Мне так уютно было в нем,
Зачем...» и клюв закрылся...
Ну да, зачем спустился?

Лягушонок

На дне глубокого оврага
Жил лягушонок бедолага.
Когда и как туда попал,
Бедняжка этого не знал.
Он просто жил и не скучал,
Дней от ночей не отличал,
Жил среди тысяч мелочей
И был совсем, совсем ничей.
Никто не делал замечаний,
Не укрывал его ночами.
Никто подарков не дарил,
Утрами кашку не варил.
О, сколько было там еды,
Да только не было воды.
Лишь временами из-под кручи
Дождинки падали из тучи.
А если дождик долго шел,
Как это было хорошо!
Тогда по дну текло водица,
Где мог купаться он и мыться.

Красный шар

Щенок лежал в тени под забором и изнывал от жары. Солнце пекло нещадно, даже куры и те попрятались под крыльцо. Щенку было очень скучно и он решил подремать. Зевнул, широко разинув пасть, и вдруг прямо над собой увидел большой Красный шар. Он запутался в ветвях акации и беспомощно болтался. Щенок подскочил от неожиданности и удивленно спросил:

— Ты что там делаешь?

— Меня поймала акация, помоги вырваться, — попросил Шар.

— Сейчас помогу, — разволновался Щенок. Он стал прыгать, пытаясь лапкой достать свисающий шнурок. Наконец-то, Шар был отцеплен от ветки и тут же плавно поплыл по улице. Щенок, радостно повизгивая, помчался за ним.

— Как тебя зовут? — спросил Шар.

— Меня зовут Шарик, — закричал Щенок.

— Меня тоже зовут Шарик, — обрадовался Шар.

— Вот здорово! — ликовал Щенок.

Так они весело мчались наперегонки по улице. Вдруг подул ветерок.

Красный шар начал подниматься вверх.

— Ты куда? — тревожно закричал Щенок.

— Я улетаю далеко-далеко, прямо к солнцу, — восторженно ответил Шар.

— А как же я? — жалобно спросил Щенок.

— Мне с тобой было очень весело, прощай, Шарик! — прокричал сверху Шар.

— Я буду скучать по тебе. Возвращайся... — прошептал Щенок, задрав голову.

А Красный шар уже поднялся высоко к облакам. Вот он превратился в красную точку и исчез в голубом бездонном небе навсегда.

Щенок еще долго стоял, глядя в небо, в надежде, что Шар вернется обратно и они снова весело поскачут наперегонки по улице. Но на небе было пусто и спокойно. Щенок медленно поплелся домой и снова улегся в тени под забором. Он лежал и с нежностью вспоминал Красный шарик и в первый раз в жизни ему стало очень грустно.

Жёлтый спор

Цыпленок, как-то гуляя по двору, увидел в заборе небольшую дырку. Мама строго-настрого запрещала убегать далеко. Пугала котом Васькой. Но ему так захотелось выйти на улицу, что не удержался и высунул в дырку голову. Прямо перед собой он увидел небольшой желтый цветочек. Шустренько проскользнув через дыру, Цыпленок оказался возле цветка.

— Ты кто? — спросил он.

— Я — Одуванчик, — гордо ответил цветок.

— Я думал, что только я один похож на солнышко, — удивленно сказал Цыпленок.

— А я считаю, что только Одуванчики похожи на солнце и, вообще, кто ты такой? Выкатывается неизвестно откуда какой-то желторотый клубок, нарушает покой, — заворчал Одуванчик.

— А моя мама говорит, что я — её золотое солнышко, — обиделся Цыпленок.

— Мало ли что говорит твоя мама! Солнца с клювом не бывает. Если уж кто походит на солнце, так это я — Одуванчик!

— Зато я могу двигаться, как солнышко, а ты стоишь на месте.

— Как это я стою на месте? Я двигаюсь за солнцем. А ты носишься взад-вперед без толку.

Вдруг Цыпленок услышал мамино взволнованное кудахтанье.

— Мне пора, а то попадет, — сказал он.

— Иди, — сказал Одуванчик, — и не забудь, что я больше похож на солнце, чем ты.

— Я не согласен с тобой, — сказал Цыпленок и, юркнув в дырочку, исчез за забором.

— Ходят тут всякие, только настроение портят, — проворчал недовольно Одуванчик.

Цыпленка больше не выпускали на улицу. А лето уже подходило к концу. Цыпленок рос не по дням, а по часам и не-

заметно превратился из желторотого, пушистого комочка в молодую Курочку с белыми перьями и красным хохолком на голове.

— Да, Одуванчик был прав, — подумала она. — Я теперь совсем не похожа на золотое солнышко. Нужно с ним встретиться и сказать об этом, — и она стала искать ту дырочку в заборе.

А когда нашла ее, очень удивилась. Такая она была маленькая! Ей пришлось изрядно потрудиться лапками, чтобы пролезть сквозь нее. Сначала Курочка не поняла, там ли она оказалась, потому что перед ней стоял большой белый пушистый шар.

— Простите, — сказала она, — вы не видели здесь желтого Одуванчика?

— Неужели это ты, тот самый желторотый Цыпленок? — спросил он.

— Вот это да! — хором сказали они оба и весело засмеялись, глядя друг на друга, пока от дуновения ветерка, Одуванчик не облетел внезапно. Курочка очень испугалась, но Одуванчик успокоил ее:

— Это хорошо, — сказал он, — значит, будущим летом вся поляна здесь будет усеяна желтыми одуванчиками, очень похожими на солнце. Приходи, посмотришь!

— Обязательно, — сказала Курочка. — Приду и не одна! Я приведу с собой много-много желторотых цыплят, тоже очень похожих на золотое солнышко.

И они тепло попрощались до следующего лета.

Голубое счастье

Маленькой Девочке на день рождения подарили замечательный зонтик. Девочка была в восторге! Ей казалось, что над своей головой она держит кусочек голубого неба. Девочке так хотелось побегать с зонтом под дождем, но дождь, как назло все не шел. Она каждое утро подбегала к окну, а за окном ярко сияло солнце. Маленькая Девочка огорчалась, а родители радовались хорошей погоде.

Однажды утром она проснулась от шелестящего звука на балконе.

— Неужели дождик стучит? — забилось взволнованно ее сердечко.

Так и есть, за окном шел долгожданный дождь! Она кинулась к своему зонтику, но мама остановила ее. И прежде чем выйти на улицу, ей пришлось сделать кучу скучных, но обязательных дел — одеться, умыться, почистить зубы, съесть кашу... Девочка очень боялась, что дождик кончится, но мама успокоила ее. Она сказала, что наступает осень и потому, зонтик без дела не останется.

Наконец-то, все дела были переделаны. Девочка вышла на улицу. А когда она развернула над головой свой чудесный зонтик, у нее от счастья перехватило дыхание. Куда-то исчез серый дождик, все вокруг стало голубым и веселым. Это было волшебно! Девочка в восхищении прошлась по двору, но скоро дождь кончился. Она не стала сразу складывать его. Еще немного погуляла по двору, пока зонт не высох, только тогда аккуратно сложила свое сокровище и пошла домой.

— Почему взрослые расстраиваются, когда идет дождь? — думала Девочка. — Особенно у папы портится настроение.

Зайдя в дом, Девочка увидела на вешалке папин зонт. Раньше она никогда не обращала внимания на него. Что это был за зонт! Черный, страшный, с огромной загнутой ручкой! Девочка представила папу под этим ужасным зонтом и сразу поняла, почему он не любит дождь.

— Надо ему помочь, — решила она. — Наступает осень, дожди будут идти каждый день, значит, папа будет ходить все время хмурый.

Девочка встала на стул, сняла с вешалки тяжелый зонт и потащила к себе в комнату.

— Надо его покрасить в голубой цвет, — решила она и вытащила из столешника акварельные краски. Но они были совсем малы для такого огромного зонта! Тогда она вспомнила, что мама покупала банку голубой краски для балконных перил.

К счастью, баночка оказалась небольшого размера. Девочка легко перетащила ее из ванной в свою комнату вместе с кисточкой. Крышку банки тоже открыла без труда, потому что мама уже пользовалась ею, а вот раскрыть папин зонт никак не удавалось. Изрядно промучившись, решила покрасить его в сложенном виде. Долго возилась она. Испачкала пол, измазалась сама, но, наконец-то, зонт был выкрашен.

— Вот обрадуется папа, — подумала Девочка, — и тоже с нетерпением будет ждать дождя.

Почуяв запах краски, в комнату заглянула мама. Она хотела рассердиться, но, увидев счастливые глаза дочери, спросила только, зачем она это сделала?

Девочка радостно объяснила:

— Мама, посмотри, теперь папа тоже будет ходить под голубым зонтом! У него всегда будет хорошее настроение! Мама согласилась, но почему-то вздохнула. А вечером папа, укладывая дочку спать, решил:

— Куплю-ка я себе зонт голубого цвета, вместо испорченного черного, — и нежно поцеловал дочку.

Зелёная нежность

«Опять нужно проходить мимо этих ужасных сосен, — с грустью подумал Ежик. — Я ведь ей ничего плохого не сделал, почему она меня невзлюбила? А сама такая хорошенькая, пушистенькая! Никогда бы не подумал, что у нее такой вздорный характер».

Вдруг на голову Ежика упала сосновая шишка.

«Эй, Ежик в тумане, опять задумался? — раздался сверху ехидный голосок. Ежик сделал вид, что ничего не заметил, хотя ему было немножко больно и обидно.

— Эй, колючка! Поднимись ко мне наверх! Здесь все зелено и очень красиво! Что ты ползаешь по грязной земле?

— Земля не грязная, а тоже зеленая! Зеленее, чем у тебя там наверху, — сказал Ежик, задрав голову.

— А вот и нет, — засмеялся голосок. — Мне сверху виднее! И мама говорит, что у нас всегда зелено, — и на голову Ежа упала очередная сосновая шишка.

— Белочка, почему ты меня не любишь? — грустно спросил Ежик.

— Потому что ты колючий и не умеешь скакать по деревьям, — капризно ответила Белочка.

Ежик, вздохнув, пополз дальше: «Может, я научусь когда-нибудь прыгать по деревьям, как Белочка. Надо спросить у мамы», — подумал он.

«Все равно у нас зеленее!» — закричала вслед Белочка.

Наступила осень. Все стали готовиться к долгой и холодной зиме. Ежик без устали таскал на спине то грибок, то ягодку.

Несколько раз в день проходил под соснами Белочки и каждый раз слышал ехидное: «А у нас зеленее! Где твоя зеленая трава? Эх, ты, Ежик в тумане!»

Ежик молча шел своей дорогой и только грустно вздыхал. Неожиданно наступила зимушка-зима. Вокруг белым-бело. Ослепительно блестит на солнце снег. Все зверушки запаслись лесными дарами, утеплились и залегли в норах.

Ежик с нежностью вспоминает Белочку: «Неужели сосны и сейчас стоят зеленые? Вот бы посмотреть на них. Пусть Белочка кидается шишками, он больше никогда не будет обижаться на нее».

«Что с того, что сосны и сейчас стоят зеленые, — думает Белочка, высунув мордочку из теплого дупла. — Без Ежика они все равно глупые и скучные. Я больше никогда не буду кидаться шишками...»

Һайн һанаатай хүбүүнэй һанал яажа хүсэлдөөб

(Онтохон)

Эртэ урда сагта һэн. Энгэртэ гэжэ нютагта эхэ эсэгэеэ алдажа, үншэржэ зобоһон хоёр хүбүүд байһан гэхэ.

Хоёр хүбүүд хэдэн жэлэй туршада Дамба баянай барлаг боложо зарyулаа. Нютагай суута баян арад зоноо хайра гамгүй дарладаг, мүлжэдэг байгаа. Хоёр хүбүүдшье энээниие садатараа амсаба. Саашадаа эндэ байжа тэсэхэ аргагүй болоходоо, нэгэниинь нүгөөдэдөө:

— Зай, нүхэр, хүрөө бэшэ гү? Хэды болотор зобохомнай гээшэб. Энэ нохойһоо мултархаар саг ерээ бэшэ гү? — гэбэ.

Нүгөөдэнь тэрэнэйнгээ хэлэһые зүбшөөбэ. Тиигээд олон жэл ажаллаһанайнгаа түлөөһэ эрихэеэ Дамба баянайда ошобод. Үгытэй барлаг хүнэй баянай гэртэ орохо гээшэ аймшагтай бэрхэ хэрэг ааб даа. Бүхэли үдэрөө газаань һахижа һуугаад, үдэшэ орой арай гэжэ эзэн ахайтай ушарха эрхэ абабад. Барлагуу-

дайнгаа эрилтэ гуйлтые ехэл дурагүйгөөр шагнажа ерээд, тон ехэ ууртайгаар хаража:

— Залхуу зайран таанадые аяар дүрбэн жэл байлгаһан, тэжээһэмни болоо. Намһаа үшөө хүлһэ эрихэ гээ гүт? Юу хэжэ олоһон олзо танда байха юм. Харин өөһэдөө намда толгойдоо хүрэтэрөө үритэйт. Амин голоо гаргуулжа, арһа шүрбэһэеэ хуулуулаагүйдөө эндэһээ зайлагты,— гээд, Дамба тэдэ хоёрые намнажархёо һэн.

Хэдэн жэл баянай барлаг ябажа юушье олоогүй хоёрой яахаяашье мэдэхээ болишоод байхадань, хамта хүдэлһэн нүхэдынь, айл аймагуудынь туһалжа, харгы замдань түхеэрүүлээ бэлэй. Бүхы наһан соогоо баянай адуушан ябаһан Балбар үбгэн залуу хүбүүдые хайрлажа, ганса боро мориёо тэдэндэ үгөө һэн.

Хуби заяагаа бэдэржэ гараһан хоёр хүйхэрнүүд хайшаашье ошохоёо мэдээгүй һэн. Нюдэнэйнгөөл харагһан тээшэ ябабад. Үргэн ехэ тала, үндэр томо хаданууд һаа ондоо юумэн харагданагүй. Хоёр нүхэд һанаан үнөөн болонод.

«Байза, хүндэхэн юумэ болохо гэжэ байна. Би өөрөө яаха һэмбиб. Нүхэрни хайратай. Юундэ энэмни ехээр зүдэрһэн хэбэртэйб. Намһаа һула байшоо гээшэ гү? Нүхэрөөл хараха, абархын арга бодохо байна. Морёо тэрэм гансаараа унаад ябаг, эдеэ хоолоо өөрһөө үлүү ехээр эдюулхэ хэрэгтэй»,— гэжэ нэгэниинь бодоно.

«Иигэжэ ябаһаар үхэхэмнай гээшэ ха. Яажа амяа абарха гээшэб. Нүхэрни яаха һэм, тэрэнэй түлөө зобохошьегүйб. Өөрынгөөл тухай бодохо хэрэгтэй. Энээхэн үлэһэн эдеэ хоолоо нүгөөдынгөө хараагүйдэ нюужархиха байна. Тиигээд энэ мориёо хайшан гэжэ гартаа оруулха гээшэб»,— гэжэ нүгөөдэнь шэбшэнэ.

Иигэжэ бүхы наһан соогоо хамта ябаһан, үмхэ талхаяа, шэмхэ тамхияа хубаажа эрэ болоһон нүхэд хоёр ондоогоор сэдьхэжэ ябаа һэн. Нэгэниинь һайн һайхан сэдьхэлтэй, нүгөөдэнь хомхой хобдог, хара муу һанаатай хүн байшаба.

Энээнһээ урда хэмнай ямар бэ, хэр сэнтэй нүхэр бэ гэжэ хэнииньшье бододог, сэгнэдэггүй ябаа. Юрын лэ нүхэд байгаа. Теэд «нүхэдэй һайн муу сагта мэдэгдэхэ, мориной һайн холын харгыда мэдэгдэхэ» гэһэн үгэ бии ха юм. Эгээл мүнөө тэдэ хоёр хүбүүдэй ами наһанай асуудалай тулаад байхада, хэнэйнь ямар нүхэр байһаниинь тобойжо харагдаба.

Тэдэ хоёр нютагһаа гараһаар хэды хонобо. Абажа ябаһан хүнэһэниинь бага болошонхой. Нүхэрэйнгөө хараагүйдэ эндэ тэндээ эдеэ хоолоо нюуһан, ганса морёо унаад ябаһан хомхой һанаатань нүгөөдэдөө хандажа:

— Саашадаа хоюулаа ябахамнай буруу болоод байна. Хоёр тээшээ тараа һаа, хүнүүдые түргэн олохобди гэжэ һананаб,— гэжэ хэлэбэ.

Нүхэрэйнгөө хойноһоо адаглажа ябаһан, тэрэнэйнгээ муу һанаатайе ойлгоһон һайхан сэдьхэлтэй хүбүүн хэлэһынь зүбшөөбэ. Муу һанаата ехэ баяртайгаар:

— Тиигэбэл юумэеэ түргэн хубаая,— гэбэ.— Мориёо яажа хубааха гээшэбибди? Гэбэшье, Балбар үбгэн манда мори үгэхэдөө, жолооень түргүн намда барюулаа һэн. Тиимэһээ энэ морин минии болохо юм гү? — гээд, нүхэр тээшээ хараба.

Һайн һанаата хүбүүн юумэндэ хомхойрхо, зөөри хайрлаха гэжэ мэдэхэгүй байгаа ха юм. Тиимэһээ нүхэртэеэ морёо буляалдабагүй. Гурбан харгын бэлшэр дээрэ хүрэжэ, хоюулан хоноод, үглөөнэй улаан наранаар эбтэйгээр таража, нэгэниинь — баруун зүг, нүгөөдэнь — зүүн зүг барин ябабад. Тарахынгаа урда тээ муу һанаатай, хомхой сэдьхэлтэй хүбүүниинь: «Шимни ябаган хадаа ехэ юумэ даахагүй байнаш. Бишни моритой һэн хойноо эдэ монсо сонсонуудаа бүгэдынь абаһуу»,— гээд, абажа ябаһан ашаагаа бараниинь шахуу абаашаба.

Баруун зүг барижа гараһан һайн һанаата хүбүүн бүхэли үдэртөө ябаад, бүтүү хара хүбшэ руу орошобо. Хэбтэжэ унтаха һанаатай энэ тэрэ модоной үзүүр шэншэлһээр ябатараа, баабгайн эшээндэ хүрэшэбэ. һайн һанаата хүбүүн тэрэ нүхэ руунь ороод, баабгайн бэлдэһэн зөөлэн дэбисхэр дээрэ хэбтээд, бүхөөр унташаба.

Угаа ехээр эсэһэн, үлдэһэн хүбүүндэ элдэб зүүдэн үзэгдэнэ. Гансаараа зобоһоор ябатараа, гонзогор ута добын оройдо гарашана. Тэндэһээ урагшаа харахадань, хүбшэ тайгаар хушагдаһан хэдэн олон хаданууд һубарилдан ногоорно, хойшоо харахадань, номин сагаан мундаргын оройнууд шобойлдоно, доошоо харахадань, заха хизааргүй үргэн дайда нэмжынэ.

Ямар гоё һайхан гээшэб даа минии түрэһэн нютаг гэжэ хүбүүн омогорхон баярлана. Теэд юундэ иимэ нютагта арад зон зобожо, тулижа һуудаг юм гээшэб. Би ямар зэмэ хэһэндээ иигэжэ үлдэжэ, дараажа ябанабиб гэжэ гайхана. Эжы, абамни юундэ намаяа орхижо, хоюулан наһа барашоо гээшэбта даа, нэгэнтнайшье үлэжэ хайрлаха, туһалхаяа яана гээшэбта гэжэ шанална.

Тиигэжэ хэлэхэтэйнь адли эсэгэнь бии болоодхино хаш. Хүбүүн гүйжэ бодоод эсэгэеэ тэбэринэ, таалана, уйлана.

— Ерэһэншни һайн даа, абамни! Бишни эсээб, үлдэнэб, эдихэ юумэ үгыш даа!

— Юу үгэхэбиб даа, хүбүүмни. Намдаш баһал юушье үгыл даа,— гэнэ абань.

— Ай халаг даа! Юундэ иимэ гээшэб! Тэрэ доро: талада ямар олон адууһа мал ябанаб. Тиихэдэ бидэ юундэ иигэжэ үлдэжэ байха юмбибди?

— Тэрэшни баран Дамба баянай гээшэ. Манай туража үхэжэ байхада, тэрэшни нэгэшье үмхэ эдеэ миин үхэгүй.

— Теэд тэрэ Дамба дарлагшые дараха аргагүй юм гү?

— Хүлеэлши хүбүүмни, бү яара. Арад зомнай энэниие һаял ойлгожо, хамтаржа, тэмсэл эхилжэ байна. Удахагүй ажалша арад түмэн шуһата баяд, ноёдые даража, засагаа гартаа абаад, золтой жаргалтай болохо — гэжэ абынь хэлэхэтэй адли, Дамба баян бии болоод орхибо.

— Аа, та үшөө тиигэжэ хэлсэхэ гүт? Энээнииe харана гүт? — гээд, нюдаргаа харуулна.— Хэзээшье тиимэ болохогүй. Таанар хододоо иигэжэ үлдэжэ, зобожо ябахат, — гэжэ байжа хэрхирбэ.

— Зоной зол жаргалай түлөө тэмсэхээрээл тэмсэхэб! — гэжэ хүбүүхэн гэнтэ хашхарба.

— Яагаад? — гэжэ Дамба бузар муухайгаар энеэбэ.— Зобожо тулижа байһан зондо нэгэшье туһа хүргэжэ шадахагүйш! Муу һанаатайшуул бултадаа минии талада юм, намайе дэмжэдэг!

— Шадахаб! Муу һанаатай хүнэй харгы мухар юм! — гэжэ ооглоод хүбүүн һэришэбэ. Һэреэд харан гэхэдэнь...

Харан гэхэдэнь, нүхэнэй амһарта баабгай, шоно, доргон, үнэгэн, хирээ, турлааг гэхэ мэтэ ангууд, мяхаша шубууд суглараад, шууялдажа байба.

— Шоно, ямар баяртай, хүхюутэй гээшэбши? Ехэл һайн байна хаяаш даа,— гэжэ баабгай шонохоо хүнхинэмэ бүдүүн хоолойгоор асууна.

— Ехэл һайн байнабди, эзэн ахай,— гэжэ шоно зөөлэн номгоноор баабгайда харюусаба.— Эндэһээ баруун урагша Бэлшэр гэжэ нютаг бии юм. Тэндэ мүнөө жэл урдань үзэгдөө дуулдаагүй ган гасуур болоод, гол горход хаташанхай. Амитан зон аргагүй ехээр зобожо байна, аду малынь олоор үхэнэ.

— Тимээл байхал даа! — гэжэ баабгай миһэд гэбэ. — Хэр удаан жаргаха юм ааб та? Гэнтэ уһан бии болоод, хоохоршоод уйлажа дуулажа һууха бэзэт.

— Үни удааниинь бү мэдэе, — гээд, түймэртэ галдуулжа унаһан модоной түгсүүл дээрэ һууһан хара хирээ хөөрэлдөөндэ оролсоно. — Минии бэльгүүн нюдөөр харахада, Бэлшэрэй баруун хойто үндэр хадын хормойдо нэгэ ехэ хүхэ шулуун хэбтэнэ. Тэрэниие урбуулжа хаяа һаа, булаг аршаан бурьялжа, хүн зон, адуу мал уһатай болохол һэн даа.

Хирээн хэлэхые дураа гутан шагнажа һууһан үнэгэн баранда хандажа хэлэнэ:

— Ой модотой газарта муу юумэ бү хэлсэгты гэдэг юм. Газар шэхэтэй, уһан нюдэтэй гэжэ энэ үгыетнай ганса нэгэн дуулажашье магад. Тиигэбэл манай хэрэг хосороо гэжэ һанагты.

Тэдэнэй шашалдаһаар байтар үүр сайжа, сугларһан ан арьяатан тараба. Уданшьегүй манайшье һайн һанаата хүбүүн баабгайн нүхэнһөө гаража, Бэлшэр нютаг бэдэрхэеэ баруун урагшаа гэшхэлшэбэ.

Үдэрэй ааяма халуунаар аяншан Бэлшэр хүрэжэ ерэбэ. Тэндэхи хүн зониие суглуулжа, баруун хойто үндэр хадынь хормойдо гаргаад, томо хүхэ шулуу доогуурнь малтажа нурааба. Тэндэһээнь булаг аршаан дэбэржэ, гол горхон болон урдаад, амитан зон, адуу мал ундалба. Хүхиһэн, баярлаһан хүн зон абарагшаяа альган дээрэ үргэжэ, Бэлшэртээ асарба. Баранай аха заха, хүндэ ямбатай үбгэн хүбүүндэ хандан:

— Манай ами бэеые абарһан, аянай хүбүүн! Асари ехэ туһыешни юугээр харюулха зон гээшэбибди. Хараһан юумээ абыш даа, үзэһэн юумээ эдлыш даа,— гэбэ.

Аргатайл һаа амитан зондо туһа хүргэхэ гэжэ оролдожо, зүүдэндээ үзэжэ ябаһан һайн һанаата хүбүүн:

— Намда юуншье хэрэггүй. Таанадые зуд зоболонгһоо гаргаһандаа аргагүй ехэ баяртай, хүхюутэй байнаб. Шадалтай һаа, нэгэ эмээл мори үгыт даа. Мориндо һуужа, нүхэрөө бэдэрхэмни,— гэбэ.

Ами бэеэ, адуу малаа абаруулһан арад зон алта мүнгэ, эд бараа, эдеэ хоол ехээр суглуулжа, нютагайнгаа һайн гэгшын мориндо һуулгажа, айлшан хүбүүгээ аян замдань хүндэтэй ямбатайгаар үдэшэбэд. Айхабтар ехээр баярлаһан хүбүүн: «Айлшалжа тандаа дахин ерэхэб»,— гээд, һалажа ошоһон нүхэрөө бэдэрхээ мордобо.

Хомхой хобдог мүнөөхи муу нүхэрынь һайн һанаатаяа мэхэлжэ хууража, хамаг юумэеэ гартаа оруулһандаа баярлаад, холошье ошожо бираагүй хонохо баатай болоо һэн. Унажа ябаһан мориной нгоо ондоо тээшээ ябашахагүйнь тула аргамжадаад, хулуужа абаһан хоолоо садатараа эдеэд, бүхөөр унташоо һэн. Харамнаһан юумэ хара нохой эдихэ гэһэнэй удхатай, мүнөөхи муу һанаата хүбүүнэй үхэһэн юумэдэл бүхөөр унтажа хэбтэхэдэ, талын тэнүүл шоно уяатай байһан мориень барижа эдибэ. Унаха моригүй болоһон муу һанаата хүбүүн мүнөөхи һайн зантай нүхэрһөө мэхэлжэ абаһан юумэеэ бултынь хаяад, саашаа ябаба.

Энэ хүмнай хуураха мэхэлхэ хомхой аад, ябахадаа ядуу байшаба. Унаха моригүй, эдихэ хоолгүй болоходоо, урма зоригоо алдажа, шадал тэнхээгээ барагдан, харгын хажууда залхуурhаар мууран хэбтэшоо бэлэй. Тиигэжэ үхэхэеэ хэбтэхэдэнь, hайн hанаата нүхэрынь тэрэниие оложо, амииень абараа hэн. Ядарhан, тулиhан нүхэрөө хайрлажа, урагшатай ябаhан нүгөөдэнь:

— Бидэнэй зобохо зоболон дүүрэбэ ха, нүхэрни. Иигээд бэе бэеэ орхингүй, хоюулан суг ябая. Миниингээ олоhон олзо, алта мүнгэ хоюулан хамта эдлэхэбди,— гэбэ

Нүхэрэйнгөө оложо асарhан алта мүнгэ, зөөридэнь аргагүй ехээр атаархажа, хоро шарада дарагдаhан муу hанаатань нүгөөдэдөө харюусаба гэхэ:

— Үгы даа, би шамтай ябахагүйб. Асарhан юумыш хоёр хүндэ хубаахада, юун хүртэхэ юм. Шинии ябаhан харгыгаар ябажа, шам шэнги баян болохом.

Хоюулан hүүлшынхиеэ хөөрэлдэжэ хоноод, үглөөдэрынь муу hанаата баабгайн нүхэ бэдэрхээ ошобо. Яба ябаhаар баабгайн нүхэ оложо, зосоонь ороод хэбтэшэбэ. Удэшэ орой болоходо, мүнөөхи ан арьяатан, мяхаша шубуу шонхор баhал сугларба.

Баабгай албатанаа тойруулан харана. Хажуудань hууhан зарим мяхаша ангууд, шубууд уруу дуруу болонхойнууд. Баабгай тиихэдэнь баhал миhэд гээд:

— Гансал амитанай шуhа мяхаар хоолложо ябаха гээшэмнай ямархан юм даа... Жэшээлхэдэ, би элдэб улаагана, hамар эдигшэб,— гэбэ.

— Хэн манай хөөрэлдөө шагнаад, бэлшэрэйхидтэ уhа гаргажа үгөө гээшэб? — гэжэ шоно уйлаганан байжа улиба.

— Ой модотой газарта муу юумэ бү хэлсэгты,— гэжэ би танда хэлээ бэлэйб.— Туража үхэхэ болоходоо, нэгэ бага hэргэг болохот,— гэжэ шара үнэгэн хирээе хадхан дуугарба.

Үндэр модоной шэлбүүhэн дээрэ hууhан хирээ:

— Үгы, тиихэдэ минии хэлэhэн юумые дуулаhан тэрэ муухай амитан дахин ерээд, эндэмнай hуунагүй гү? — гэбэ.

— Үнэгэн, ши ошожо хараад ерэл даа,— гэжэ баабгай захирба.

Уруу дуруу hууhан үнэгэн хирээ тээшэ хаража:

— Хурса нюдэтэйгөөрөө, хирээ, ошожо хараад ерэ, — гэбэ.

Хара хирээ хоёр даляа hэршэгэнэсэ дэлижэ, баабгайн нүхэнэй хажуугаар ниидээд бусаба. Тиигээд булганай бахардахаар хааглаба:

— Тэрэмнай баабгайн нүхэн соо бэлтыжэ hуунал, ошожо харыт.

Шоно hууриhаа даб гэжэ hүрэн бодожо гүйжэ ошоод, баабгайн нүхэн соohоо муу hанаатые шэрэжэ асараад, баабгайн урда зогсообо.

— Би бэшэб! — гэжэ муу hанаата хашхарба, бархирба.— Бэлшэрэй амитан зондо уha гаргажа үгэhэн хүн хэн бэ гэхэдэ, намтай хамта ябаhан хүбүүн!

— Аа! Ши тиихэдээ нүхэрөө худалдажа байна гүш?! — гэжэ баабгай хүнхинэбэ.— Нүхэртөө үнэн сэхэ бэшэ хүниие альгадажа, зүб харгыдань оруулагшаб!

Баабгай hабараа аалиханаар арбайлгажа ерэhэн бэеэрээ муу hанаатын хасарые низа альгадан унагаажархиба.

«Хомхой хүнэй hанаан хара шоройдол хушагдахадаа сайха» гэдэгэй ёhоор, тэрэ муу hанаата, модон hүүлтэ хүбүүн ами табиба. Баабгай сухал дундаа хүсэеэ бараглажа шадаагүй бшуу! Муу hанаата амитанай эсэс ерэхэл ёhоороо ерээ бэлэй.

Айгаагүйбди

Тазаа харанхы болоһон хойно Баатарай эгэшэтэеэ гэртээ байтарнь, зайн гал унтаршаһан байба. Эжынгээ ерэхэдэ, Баатар угтан дэбхэрээд:

— Зайн галай унтаржа, хаб харанхы болошоходо би айгаагүйб. Абгаймни хажуудам байгаа. Абгаймни баһа айгаагүй, би хажуудань байгааб. Миисгэймнай баһа айгаагүй, абгайтаяа хоюулан хажуудань байгаабди,—гэжэ хөөрэбэ.

Хүнгэн болохо байгаа

Эсэгэ басаган хоёр магазин ошоод, бусажа ябаба. Басаган гүйжэ наадажа ябатараа:

— Баабай, баабай, намайе гар дээрээ абыш даа, эсэшооб,—гэбэ.

— Үгы, шимни, яанаш, өөрынгөө хүлөөр ябыш даа. Энэ сүүмхээр дүүрэн юумэ абанхай ябана гүбди. Намдаш хүндэ болохол,— гэжэ баабайнь басагаяа аргадана.

— Эсэшооб, баабай, үргыт даа,—гэжэ басаган харгыень хүндэлдэжэ, хүлыень тушана.

Баабайнь басагаяа гар дээрээ абаха баатай болобо. Тиигээд ябажа ябатараа басаган хэлэбэ:

— Баабай, энэ хүндэ сүүмхэеэ намда барюулыш.
— Юундэ?—гэжэ баабайнь гайхаба.
— Баабай, танда хүнгэн боложо үгэхэ байгаа,—гэбэ басаган.

«Миний шэнээн болоходонь...»

Хоёртойхон Сэрэн хүбүүн гэр соогуураа мүлхин, машинаяа иишэ, тиишэнь түлхинэ. Шэб шэнэхэн машинань сонхоор шагаahан наранай туяа доро элдэб hайхан үнгөөрөө яларжа, бишыхан эзэндээ баяр түрүүлэн, заахан мөөрнүүдээрээ торшогоносо мухарина.

Гэнтэ Сэрэн абяагүй боложо, машинаяа носошобо. Гайхаhан эжынь хүбүүнэйнгээ арадань hэмээхэн зогсожо хараба ха. Сэрэн машина соогоо орохоёо hанаhандал, эндэhээньшье, тэндэhээньшье шагаана. Гарайнгаа хургануудые, хүлөөшье шэхээд үзэнэ. Эрьюулээдшье, урбуулаадшье, табяадшье, үргөөдшье, машинынгаа досоонь орожо ядан тухашаржа hуутараа, арадань абяагүй зогсоhон эжыгээ гэнтэ обёоржорхибо.

— Эжы, би мүнөө энэ шэнэ машинада hууха гээд багтанагүйб. Машинынгаа ехэ, минии шэнээн иимэ томо болоходонь, би досоонь орожо hуугаад гүйлгэхэб. Эжы, хоюулан hуугаад хүгшэн эжы, абадаа ошохобди, Ехэ-үү даа бэлэг абаашадаг болохобди,— гээ hэн.

Гуталгүй гулабхаа

Үбэлэй наратай үдэр бишыхан Жибзэмаа эжытэеэ шаргаар hолжоржо наадана. Игаабари дулаан үдэр байжа, гулабхаа, борбилоохойнууд саhан дээгүүр юушьеб тоншонод. Басаган шубуудые адаглан хаража байтараа:

— Эжы, оо эжы! Энэ гулабхаа шубуухай зунайхида орходоо томо болошоод ябанал. Намдал адли ехэ болоо гээшэ гү? — гэжэ асууба.

— Ургажашье болоо. Тиигээд хүйтэн болоходонь, үбэлэйнгөө дулаан дэгэл үмдөө ха юм,— гэжэ эжынь харюусаба.

— Үбэлэйнгөө дэгэл үмдэһэн аад, юундэ хүйтэн саһан дээгүүр хүл нюсэгөөр ябанаб? — гэжэ басаган гулабхаае хайрлаһан нюдөөр хараа һэн.

«Үшөө түрөөдүй байгаат»

Турбатайхан Туяана басаган эжытэеэ газаагуур ябаһанаа, гартаа хоёр адли ном баринхай, гэртээ оробо.

Үбэлэй шэмэрүүн жабарта шэмхүүлжэ, улаахан болоһон басаганайнгаа булхагархан хасарнуудыень эсэгэнь дулаасуулһаар, дэгэлыень тайлаба. Бишыхан Туяана хүхюутэй шууятайгаар хубсаһаяа һэлгээд, эсэгэдээ шэнэ номуудаа харуулба ха.

Гоё зурагуудтай номуудыень эсэгэнь һайхашаан хаража:

— Юундэ хоёр адли ном абаабта? — гэжэ һонирхобо.

Туяана удаан бодожо байнгүй:

— Нэгэ номыень эжымни намда бэлэг абаа, нүгөө номыень би Гэрэлмаагай түрэһэн үдэртэ бэлэг үгэхэб,— гэбэ.

— Бэрхэш даа, басагамни. Бэе бэедээ ном бэлэг үгэхэ гээшэ һайн хэрэг. Теэд ямар Гэрэлмаа тухай хэлэнэбши? — гэжэ эсэгэнь Туяанынгаа дурдагша басагые һанажа ядан асууба ха.

— Гэрэлмаае мэдэхэгүй юм гүт? Хүдөө нютагта эжы, абатаяа байдаг. Зун манайда айлшалжа ерээ һэмнэй.

— Үгы, би һананагүйлби.

— А-аа... Тиихэдээ, та аба, дэлхэй дээрэ үшөө түрөөдүй байгаа ха юмта даа,— гэжэ бишыхан Туяана бүдүүзгэйгээр хэлээд, набтархан һандали дээрэ түбхинэн, шэнэ номойнгоо хуудаһануудые иража, зурагуудыень хаража, сүлөөгөө таһаршаба.

Хоёр тэнгэриин хоорондуур

Нэгэтэ зун эсэгынгээ ажалайнгаа хэрэгээр хэдэн үдэрөөр город ошоод ерэхэдэ, бишыхан Баатар эсэгэдээ эрхэлэн таалуулха зууpаа:

— Аба, мэдэнэ гүш? Би танай үгыдэ хоёр тэнгэриин хоорондуур гүйжэ шададаг болооб,— гэжэ hониноо хөөрэбэ.

— Үүе! Хайшан гээд? — гэжэ эсэгэнь хүбүүнэйнгээ мүндэгэрхэн толгой хөөршөөн эльбэхэ зууpаа, ехэ гайхаhан хэбэр үзүүлбэ.

Эсэгынгээ гаphаа Баатар мултаржа, мүнөө hая бэлэг абаhан буугаараа гүйдэл дундаа иишэ, тиишэнь таршаганаса буудаhанайнгаа удаа гэнтэ зогсожо, сабшалаагүй нюдөөр миhэрэн хараад:

— Мэдэхэгүй юм гүт? Нээрээ гү? — гэжэ мэхэтэйгээр асууба.

— Үгы,— гэжэ эсэгэнь гараа дэлгэбэ,

— hэ! Минии нүхэд булта мэдэдэг лэ. Та иимэ томо аад лэ, тэрэниие мэдэхэгүй! — гэжэ бишыхан Баатар үнэнхэ зүрхэнhөө гайхаhандаа эсэгэеэ тойрон ябажа, хэды-еды тархяа hэжэрсэгээгээд, ехэ нюуса тайлбарилан хэлэхэ гэhэндэл:

— Аба, би танда заатагүй харуулжа үгэхэб, зай гү? — гэжэ бүри дүтэлжэ, шэбэнэн hагад, — ехэ бороогой ороходо,— гэжэ нэмэбэ. Сааназ өөрын нюусатайхан, хүсэд хүн боложо ябаhан хүбүүнэйнгээ сэдьхэлэйнь байдалые ойлгожо, мүн лэ шэбэнэн hагад:

— Зай! — гэжэ зүбшөөгөөд, хэзээдэшье сугтаабди гэhэн мэдэрэлтэйгээр хүбүүгээ шангаар тэбэреэ hэн.

Энэ хөөрэлдөөнэй hүүлээр хэдэн хоног соо бороо орожо үгэнгүй, бишыхан Баатарые тамалба ха. «Одоол мүнөөдэр бороо ороо ёhотой»,— гээд, унтариhаа түргэн бодожо, сонхоороо харахадань, газар хуурай байха юм.

Одоошье нэгэ үглөөгүүр hэрин гэхэдэнь, ехэ уhатай бороо шаазан орожо байба. Баярлаhан Баатар түргэн гэдэг хубсалжа, жаахан шүхэрөө задалжа баряад, гүйдэлөөрөө газаа гараба. Бо-

роогой уһан эндэ, тэндэ хабтайн тогтожо, шалбааг болошонхой байха юм.

Гэшхүүр дээрэ урматай зогсоһон Баатар:

— Одоол ехэ бороо оробо. Мүнөө абынгаа ажалһаа ерэхэдэнь, хоёр тэнгэриин хоорондуур хайшан гээд гүйдэгөө заал һаа харуулха аргатай болобоб,— гэһээр гэртээ оробо.

Үдэшэлэн тээ Баатар эсэгынгээ ажалһаа бусахые газаагаа хүлеэжэ һуутараа тээ саана ерэжэ ябахыень хараад, угтан гүйжэ ошобо ха.

— Зай, Баатар,— гэжэ эсэгэнь хүбүүгээ хүтэлбэ. — Удаан хүлеэһэн бороомнай одоол оробол даа. Мүнөө абадаа хоёр тэнгэриин хоорондуур гүйдэгөө харуулжа, нюусаяа нээхэ аргатай болобош.

— Зай, харыт даа,— гэжэ бишыхан Баатар бороогой тогтоһон уһанай хажуугаар гүйдэлөөрөө гараад.

— Зай, хараба гүт? — гэжэ эсэгэеэ энеэбхилэн адаглаба.

Даб гэһээр «ойлгоогүй» эсэгэнь гайхажа:

— Үгы, харабагүйб. Дээдэхи тэнгэримнай байһан соогоо байна, теэд нүгөөдэ хоёрдохи тэнгэрииешни харанагүйлби,— гэбэ ха.

— Аба, энэ бороогой уһа харана гүт?

— Харана.

— Хоёрдохи тэнгэримнай энэ уһан соо байна ха юм! Ерээд харагты даа,—гэжэ шалбааг дээрэ тонгойгоод:

— Тээ тэрэ үүлэнүүд тамаржа ябана. Дээдэхи тэнгэриинхидэл тон адли гү? — гэжэ Баатар асууба. Нээрээшье, шалбаагай хажууда байгаад, доошоо харахада, хоёр тэнгэриин хоорондо байһан мэтээр Баатарай эсэгэдэ үзэгдөөл һааб даа.

— Энэл даа хоёр тэнгэри,— гэжэ хүбүүниинь хэлээд, юундэшьеб һанаа алдан, эсэгынгээ үбдэгые ерэжэ тэбэреэд, дуугай зогсоо һэн.

Морин

Малаан зээрдээ эмээллээд,
Малаа харахаа гарадагби.
Талын үргэн нюрган дээр
Табар-табар хатаргадагби.
Хүлэг — хүнэй нүхэр гэжэ
Хүндэтэ абам хэлэдэг.
«Мягдар-мягдар гэшхэдэлтэй
Мянган дахуул сэрэгтэй» — гэжэ
Намдаа таабари хэлээд абадаг.
Намай хараад моримнай
Мэндэшэлһэндэл инсагаалдаг.

Үнөөн

Үхибүүн нялха хүүгэд
Үрмэтэй сагаан һү
Уужа ехэ болог гээд,
Уужам талын ногооной
Шүүһэ шэмэ шэмхэлжэ,
Шүүдэртэй эртэ үглөө

Газаамнай ерээд мөөрэдэг–
Улад зондо хүндэтэй юм.
Ундан сагаан хэшэгтэй юм.
Угжа хэдэг эбэртэй.
Урихан заахан тугалтай.

Тэмээн

Жолоодожо одоо унахадаш,
Жороолжо урагшаа дабшадаг.
Тээбэри зөөдэг ажалтай
Тэнхээтэй томо амитан юм.
Уурлаа һаа, толгой рууш
Уухилан ехээр нёлбодог.
Уриханаар нюртынь эльбэхэдэш,
Унажа һуухадаш, газарһаа бододог.
Олон хоног губи соо
Огто уһагүйгөөр ябадаг юм.

Һармагшан

Жэлэй дүрбэн сагта
Жэмэс түүжэ эдидэг.
Хүл дээрээ гэшхэлжэ,
Хоёр хүсэтэй гараараа
Хүүгэдээ тэбэреэд ябадаг.
Модон дээгүүр һүрэжэ,
Муухайгаар хашхардаг.
Һүрэг болоод бултаараа
Һамааржа наададаг.
Нюдэ, ама, хамараараа
Нэгэ нэгэеэ һажаадаг.

Арсалан

Арьяатануудай хаан гэжэ нэрэтэй
Аймшагтай хүсэтэй амитан
Хашаан соохи үхэрые
Хүзүүнһээнь зуугаад ябашадаг.
Гурба һүүлээ шабхадажа,
Гансата юумэндэ добтолдог.
Шадал шэнээгээ гаргажа,
Шанга шангаар хашхархадань,
Шандаган зүрхэтэй амитан
Шугы соогуур хородог.

Хэрмэн

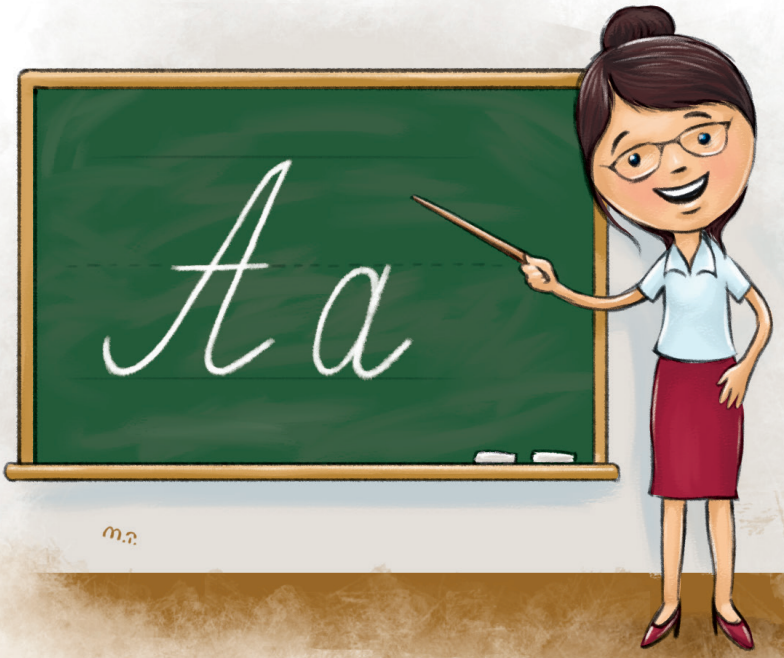
Һайхан зунай үдэр
Һархяаг түүжэ хатаадаг.
Алтан шара намар
Амтатай һамар сэмэдэг.
Үбэлдөө дулаанаар унтахаа
Уургайгаа модоной хүндыдэ
Урматай гоёор түхеэрдэг.
Хүбхэгэр гоё арһаниинь
Хүнэй малгай болодог.

Баабгай

Уулгар хүйтэн үбэл эшээндээ
Улаяа долёон хэбтэдэг.
Хоёр хойто хүл дээрээ
Хүн шэнгеэр гэшхэлдэг.
Ууртай энэ амитан
Угаа ехэ хүсэтэй юм.
Тайгын хамаг арьяатан
Тэрээнһээ айдаг юм.
Улаагана, жэмэс эдеэшье һаа,
Үжэһэн мяха эдидэг.

Жираф

Холын Африка орондо
Хододоо халуун байдаг.
Һүүлшьш наранай толон дор
Һүүдэрнүүд томо болодог.
Эгээ ута хүзүүтэй,
Эреэн хара бэетэй,
Жираф гэжэ амитан
Жэгдэ модоной оройһоо
Намаа абан жажалжа,
Налгай садхалан ябадаг.



Багша

«А» үзэгтэ һургажа,
Агуу эрдэм руу жүдхүүлнэ
Һайе мууһаа илгажа,
Һайхан юумэ танюулна.
Бүхы һайхан наһаяа
Багашуулда зорюулна.
Үер мэтэ хаһаяа
Үхибүүдтэ үгэнэ.
Багшамни гэжэ наһаараа
Баяр хүргэн ябахалби,
Бүхы шадал аргаараа
Баяр өөртэнь асархалби!

Нүхэр

Харгыда ядаран эсэхэдэш,
Хаахиран шамай хүлеэхэ.
Хара алаг мориндоо
Хайрлажа һундалдуулха.
Холын эгсэ дабаае
Хамтаржа дабахаш.
Хүхэ ууртай далайе
Хөөһэтүүлэн гаталхаш.
Хоюулан ходо үелжэ,
Хохидолһоо айхагүйш.
Бэе бэеэ сэгнэжэ,
Бэрхэшээлһээ сухарихагүйш.

Сэрэгшэн

Гэрэлтэ, нарата ороноо
Гэнтын аюулһаа халхална.
Һаратай һайхан ороноо
Һарабшалжа сахина.
Хилэ дээрэ зогсожо,
Хүйтэн ондоо орон руу
Хурса нюдөөр харана.
Улад зоной харуулда
Булад мэтэ хатуужажа,
Булта арадай жаргалые
Баатар шэнгеэр һахина.

Эжы

Үлгын дуунай аялга
Үүдэнэй саана ханхинана:
«Хада дээгүүр гүйлгэхэ
Харсага хүлэгшни унаган даа,
Хатуу хурса һэлмэшни
Хаяа дээрээ, абындаа.
Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэй даа.
Эрэ болоод, алтамни,
Эрдэм үзэжэ ухаархаш.
Үнэн хэрэгэй түлөө
Уран шэдиеэ ялараахаш.
Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэй даа.
Орон Сэрэгэй албанда
Олон хүбүүдээр ошохош даа,
Нahан болоһон бишни
Шамаяа хүлеэн уйдахаб даа.
Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэй даа.
Хари халуун дайдада
Эсэн, дааран ябана гү гээд,
Үүр хираанай ерэтэр
Унтангүйгөөр хэбтэхэб даа.
Бүүбэй, бүүбэй, бүүбэй даа»

Зол шор хоёр

Урдань хада нэгэ үгытэй хүн һамгантаяа хүршэ һуудаг баяндаа үе наһан соогоо хүдэлһэн байгаа. Зөөри хэдышье олоо һаа, хүлһөө хэдышье гаргаа һаа, үбгэ һамган хоёр өөдэлдэггүй һэн. Һамганиинь баян хүнэй урда хойнонь орожо байжа һайсал һалираашье һаа, хамаг юумынь оёжо, үнеэдынь һаажа үгэдэгшье һаа, өөдэтэй юумэ абадаггүй һэн. Тэдэ хоёр бишыхан хара гэртэй, хүлөө тээхэ ганса моритой байгаа.

Үбэл зунгүй баянай ажал хээд, өөдэлжэ ядахадаа, баяшуулай үгөөр ябахаа болихол байгаа даа гэжэ һэмээхэн һанаандаа бодоно. Теэд һанахада бэлэн, һарбайхада бэрхэ гэгшэдэл баянайнгаа ажалда оролдоһоор лэ байба.

Нэгэтэ баянайнгаа таряа хадажа эхилбэ ха. Нэгэшье хоолос гээнгүйгөөр, нэгэшье һолоомо унагаангүйгөөр таряагаа бухалдана. Үглөөгүүр эртэ бодожо, ажалаа эхилдэгшье һаа, таряагаа дуунажа ядахадаа һүни, һарын сагаанда, хүдэлхэ гэжэ шиидэбэ ха.

Тиигээд һүни хүдэлжэ ябатараа таряалан дээрэ нэгэ бишыхан хүбүү хараба ха. Тэрэ хүбүүхэн харахадань, унаһан хоолос суглуулаад, боолтотой бухалда хабшуулха юм. Ямар иимэ хүбүүхэн һүни дунда хоолос суглуулжа ябаха юм гэжэ үгытэй хүн ехэл гайхаба. Яахадажа энээниие барихамни ааб гэжэ зосоогоо бодоно. Тиигээд нэгэ бухал соо хоргодоод, хүлеэжэ эхилбэ.

Бишыхан хүбүүн хоолос түүгээд, таряашанай хороһон бухалда хабшуулхаа ерэбэ. Үгытэй таряашан тэргэниие саб байса шэлэ хүзүүнһээнь шүүрэн баряад:

— Энэ хаанаһаа ябаһан юун хүбүүн гээшэбши? Яахаяа хоолос түүгээд, боолтотой бухалда хабшуулаабши? — гэжэ һураба. Тэрэ хүбүүхэниинь урдаһаань хэлэнэ:

— Би баян хүнэй зол гээшэб. Үгы болгоһон, гээһыень суглуулжа ябанаб. Намтай байһан сагтаа баян хүн хэзээдэшье үгырхэгүй.

— Намда тиимэ зол үгы юм гү? — гэжэ үгытэй хүн һураба.

— Шамда шор бии. Шинии хэдышье зөөри олоо һаа, шоршни үреэд лэ байха. Энэ шортоёо ябаа хадаа үе наһан соогоо өөдэлхэгүйш, ходол юумээр дутажа, зобожо тулижа ябахаш, — зол хүбүүхэн хэлэбэ.

— Тэрэ шороёо яаха хүмбиб? Тэрээнһээ һалаха арга үгы гээшэ гү? — гэжэ үгытэй хүн һураба.

Баянай зол иигэжэ харюусаба:

— Эзэнэйнгээ ажал дуунахадаа, тоосоогоо абаад, нэгэ тээшээ ябаарай. Тура гэрэйнгээ үүдэ хүшэхэдэшни зосоонь нэгэ хүүгэд уйлаха. Һөөргөө орожо харахадашни, нэгэ бишыхан хүүгэд газарта уйлажа һууха. «Хэн гээшэбши? Юундэ уйлаабши?» — гэжэ һурахат. Тиихэдэш: «Шинии шор гээшэб, шамһаа һалахагүйб», — гэхэ. Ши тэрээнээ мэхэлжэ боошхо соо һуулгаад, түмэр хабхагаар хабхаглаад, бүхөөр суургалаарай. Ондоо газарта ошоходоо тэрээнээ шорой доро булаарай. Тиигээд булаһан газартаа орхёод, саашаа ябахадаа шороһоо һалахаш. Үшөө саашаа ошоходош, холо нэгэ томо хото харагдаха. Тэрэ хотын захада хүрэжэ ябатаршни урдаһааш нэгэ баян хүн дайралдаха». Тэрэ баян: «Хаанаһаа хаана хүрэжэ ябаһан хүмши?» —гэжэ шамһаа һураха. Тиихэдэнь: «Ажал бэдэржэ ябаһан хүм даа», — гэхэш. Тэрэшни: «Хэрбээ ажал бэдэржэ ябаа һаа, намда худаг малтажа үгэл даа», — гэхэ. Ши тэрэ худагынь малтажа үгөөрэй. Нилээн малтаад, уһа гараха дүтэлүүлээд байхадаш, хүнэй толгойн шэнээн алтан булгайха. Тэрэниие абаад, найдамтай бата газарта хадагалаарай. Тэрэ алтаараа хэрэгтэй юумээе худалдажа абахаш, байшан гэртэй болохош, үе наһан

соогоо ядаха зобохоёо болихош. Тиигэжэ шинии золшни харагдаха.

Үгытэй хүн баянай золой үгэ дуулажа, хэхэ ажалаа түргэхэн шангалаад хэбэ. Тиигээд тоосоон дээрээ баянтаяа хэрэлдэжэ, халбагаа хахараад, ондоо газарта хүдэлмэри бэдэржэ ябахам гэбэ. Бэлэн гэнэн зарсаяа табиха дурагүй баян:

— Ондоо газарта олохо юумэн байхагүйл даа. Намдаа хүдэлһэншни дээрэ байха. Би шамда һааха үнеэ, унаха мори, эдихэ талха үгэхэб, ажал байдалшни удахагүй һайжарха, — гэбэ.

Үгытэй хүн урдаһаань хэлэнэ:

— Би шамда хорин жэл хүдэлөөд өөдэлөөгүй, хооһон гартай зандаа һуунаб. Саашаа аргам үгы. Бэшэ тээгүүр талаан туршахам, — гэбэ.

Тиигээд үгытэй хүн тулюурхан тоосоогоо абаад, харгыдаа эдихэ хүнэһэ бэлдээд, муухай мориёо тэргэдэ хүллэжэ, хубсаһа хүнжэлөө ашаад, хара гэрээ хаажа, үүдынь суургалхаа байтарынь гэр соонь бишыхан хүүгэд уйлаба. Гэртээ һөөргөө орожо харахадань, шала дээрэнь нэгэ бишыхан хүбүүхэн уйлажа һууба.

— Юун хүбүүн гээшэбши? Юундэ эндэ уйлажа һуунабши? — гэжэ үгытэй хүн һураба.

— Би шинии шор гээшэб, би шамһаа һалахагүйб, — гэжэ хүбүүхэн харюусаба.

— Ай, зайлуул, шороо дахуулжа ябаха гээшэ ямар муухай юм, зон амитан гайхахал! Шортой хүниие хэншье гэртээ оруулхагүйл, хэншье ажалда абахагүйл. Би шамаяа боошхо соо нюугаад, шэрэжэ ябаһуу. Боошхо соо һуухадаш хэншье мэдэхэгүй, — гэжэ үгытэй хүн аляа зан гаргаба.

Бишыхан хүбүүнэй зүбшөөхэдэ, тэрээнээ боошхо соо хээд, бүхөөр хабхаглажа хадаба. Тиигээд үгытэй хүн хүбүүтэй боошхоёо тэргэдээ тээгээд, замда гаража ябаба. Нэгэ айлда хүрэхэ дүтэлөөд ябахадань, хажуу таладань нэгэ үндэр хада байна. Хадын хормойдо нэгэ аржагар улаан шэнэһэн ургажа байна. Үгытэй хүн тэрэ шэнэһэнэй хажууда морёо татажа, гүнзэгы нүхэ малтажа эхилбэ. Нүхэ малтаад, бишыхан хүбүү хаанан боошхоёо булаба. Дээрэһээнь шорой хаяжа шэгэдхээд, сашаа ябаба. Яба ябаһаар ябаад, нилээн зайтай газар гаталһанай һүүлээр тээ

холо нэгэ томо хото хараба. Хотын захада хүрэжэ ябатарынь айхабтар гоё тэргэтэй, үндэр хара моритой хүн урдаһаань ерээд, хажуудань байгаадхиба. Тиигээд тэрэ:

— Хаанаһаа хайшаа ошожо ябаһан хүмта? — гэжэ һураба.

— Ажал хүдэлмэри бэдэржэ ябаһан хүм даа, — гэжэ үгытэй хүн харюусаба.

— Тиимэ һааш намда ажал бии. Би худаг малтуулха һанаатай һэм, — гэжэ баян хүн хэлэбэ.

Тэдэ хоёр худаг малтаха хэлсээ хэжэ, үгытэй хүн баянайда ошобо. Тиигээд худагынь малтажа эхилбэ. Гурба, дүрбэн сажан малтаад байхадань, шиг үзэгдэжэ эхилбэ. Нойтон шабар соо гэнтэ нэгэ юумэн ялаганажа байба. Тэрээниие малтаад гаргахадань, хүнэй тархиин шэнээн алтан байба. Үгытэй хүн тэрэ алтаяа дээшэнь гаргажа, юумээр орёогоод, муу тэргэдээ асаржа хадагалба. Тиигээд худагаа саашань малтахадань, удангүй уһан ехээр гаража эхилбэ. Худагынь уһаар дүүргээд, баян хүнтэеэ тоосоо хэжэ, хүлһэнэйнгөө мүнгэ абаад, наймаанай газарта ошобо. Алтаараа ехэ наймаа хэжэ, томо байшан гэр худалдажа абаба. Юумээр дутахаяа болёод, һайн ажалтай болоод, налайжа һуутарынь анхандаа тэрээнэй эзэн байһан баян хүниинь таряа наймаалхаяа хото ерэбэ. Үгытэй хүн тэрээнтэй гэнтэ уулзахадаа гэртээ урижа абаашаад, зүһэн бүриин эдеэгээр, янза бүриин архяар хүндэлбэ. Баян ехэл гайхажа һууһанаа амаа халахадаа:

— Хайшан гээд иигэжэ баяжаабши? — гэжэ сэхэ һураба.

— Шамда ажал хэдэг байхадаа, үе наһаараа өөдэлөөгүй зобооб. Һүүлдэ мэдэхэдэм, шамда зол, намда шоро байһан байгаа. Шинии зол намда шүүбэри хэлэжэ үгөө. Тэрээнэйш заабаряар би шороо барижа, эндэһээ нилээн холо, үндэр хадын хормойдо, тажагар улаан шэнэһэнэй хажууда газарта булажа, арай шамай һалааб. Шорһоол һалахадаа баяжааб, — гэжэ үгытэй хүн хэлэбэ.

«Байза энээнэй шорые дахин гаргажа, дахин өөртэнь няаха юм байна» — гэжэ баян хүн хара һанаандаа шэбшэнэ. Тиигээд баян хүн:

— Нютагаараа ябаа һаа, намдаа хүрөөрэй. Зай, иигээд һайн байгыш даа, — гэжэ нялтаганан хэлээд, гэртээ харихаар мордобо.

Бусаха замдаа үгытэй хүнэй хэлээшэ үндэр хадын хормойдо ерэбэ. Тажагар улаан шэнэһэ оложо таниба. Харахадань, хажуудань обогор шорой байна. Тэрэ обогор шорой малтажа хаяхадань, нэгэ боошхо гараба. Боошхын хабхаг нээхэдэнь, зосоонь нэгэ бишыхан хүбүүн бархиржа һууба.

— Эзэншни баян болоо, тэрээндээ ошыш, — гэбэ.

— Үгы, ошохогүйб, айнаб. Намайе тэрэ газарта булажа зобоогоо, тэрээнтэй холбоорилдохоо болёоб. Би шамайе дахахаб, — гэжэ хүбүүхэн уйлаба.

Тиигээд баян хүнэй тэргэдэ аһалдаад, гэртэнь ерэлсэбэ. «Гэртээ хүрэхэдөө боошходо хаажа, нэгэ тээ булана аабзаб» гэжэ һанаандаа бодоһон баян хүнэй гэртээ хүрөөдэ дахаһан шорые бариха гэхэдэнь тэрэнь үгы болошоод байба.

Иигэжэ хара һанаанһаа боложо баян хүн золоо алдаад, шороо олоһон юм гэхэ. Тэрээнһээ хойшо тэрэ өөдэлөөгүй, үгыржэ-хооһоржо эхилһэн байгаа. Тиигээд лэ тэрэ мүнөө үе наһан соогоо зобожо тулижа ябана. Харин хара һанаагүй, сагаан сэдьхэлтэй үгытэй хүн золоо оложо, мүнөөшье хүрэтэр үнэр баян жаргажа һууна гэдэг.

Муу Баанхи

Үнихэн сагта үгытэй ядуу нэгэ хүн ажаһууһан гэхэ. Тэрэ хүн ган гэхэ нохойгүй, газар гэшхэхэ малгүй байһан юм ха. Үе наһан соогоо һүхэ барижа, модо сабшажа ами хоолойгоо тэжээһэн ушарһаа ехэ бэрхэ модошо дархан гэжэ холо ойрын нютагуудаар суурхаһан байгаа. Һурагаарынь тайшаа үбгэн тэрээн тухай дуулаад, дуудалгаар татуулжа асарба ха.

Муу Баанхи тайшаа үбгэндэ ерээд:

— Яахаа намайе дуудуулбат? — гэжэ һураба.

— Шамайе ехэ бэрхэ суутай солотой модошо дархан гэжэ дуулааб. Намда һайхан байшан барижа үгэ! — гэжэ тайшаа хэлэбэ.

Тайшаа үбгэнэй хэлэһэн хойно Муу Баанхи яаха аргагүй хашагдажа, тэрээндэ байшан барижа үгэхэ баатай болобо. Эхилээд тэрэ байшанай һуури табиба. Тиигээд хана бодхохо модоёо нарин гоёор заһана. Хоёр һара соо модо сабшаад, угаа һайхан байшан бодхобо. Энэ үедэ жэлэй ехэ һайндэр мандан ерэбэ. Муу Баанхи хотон айлда ошожо ерэхэм гэжэ тайшаа үбгэнһөө зүбшөөл һураба. Тайшаа үбгэн:

— һөөргөө бусажа ерээрэй, — гэжэ захяад табиба.

Муу Баанхи унаһан гараһан нютагаа ошожо, долоон хоногто сэнгэн зугаалаад, ажалаа дуухахаяа тайшаа үбгэндөө бусажа ябахадаа тэндэхи нэгэ баян хүнэйдэ оробо ха. Баян хүн нуга дээрэ тээлниг барижа хаагаад, гунан үхэрые алажа эдихэм гэжэ шахажа байба. Харанхы болоһон хойно харихам гэжэ гарахадаа, Муу Баанхи тэрэ гунан үхэрынь барижа хүтэлөөд, тайшаа үбгэндөө абаашажа ябана. Нугада табиһан үхэрөө харахаа баян хүнэй гарахада үхэрынь тээлниг соогоо үгы байба. Үхэрым хүн хулууба гэжэ баян хүн хүлгэн голхорон, һайн мориёо унаад, хул-

гайшаниие мүрдэхэм гэжэ гэрһээ гараба. Үүр сайха үеэр тэрэ Муу Баанхииё хүсэжэ ерэбэ. Муу Баанхи үхэрынь эбэрдээгээр хүтэлөөд, һанаа амар гэшхэлжэ ябаба. Баян хүн дээрэнь бууха-даа :

— Үхэрым яахаа хулуугаабши? Үтэр хойноһоом дахаад яба, шамайе тайшаа ноёндо тушаажа үгэхэм! — гэжэ морин дээ-рэһээ зандарба.

Гэгээн сагаан үдэр болоһон хойно тэдэ тайшаа үбгэнэй газаа тулажа ерэбэд. Баян хүн мориёо, үхэрөө бүхөөр хорёоһоо уяад, тайшаа үбгэнэйдэ яаран оробо.

Муу Баанхи хойноһоонь гэртэ оронгүй, һөөргөө бусажа, үхэ-рынь дахин хуулуугаад, зоной хүлтэй газарта хүтэлжэ абаашаба. Тиигээд үхэрынь алаад, үгытэй ядуу зондо мяхынь бултыень ху-баажа үгэбэ.

— Тэрэ һамбаандань баян хүн тайшаа үбгэнэйдэ архи мяхаар хүндэлүүлжэ һууба. Мэндэ амараа мэдэлсэжэ, мяха хүндэдэ са-даһаа хойнонь тайшаа үбгэн:

— Хаанаһаа хайшаа ошожо ябанаш? Ямар хэрэгтэй намда ерээбши? — гэжэ баян хүнһөө һураба.

— Манай нютагай Муу Баанхи гэжэ модошо дархан гунжан үхэрым хулуугаад, хүтэлжэ ябатарынь хойноһоонь намнажа ерээд, эндэтнай барибаб. Тэрээниие хэһээжэ, нюрга һээрынь нугын бургааһаар сохижо үгэхыетнай гуйнам, — гэжэ баян хүн хэлэбэ.

— Тэрэ үхэртнай мүнөө хаанаб? — гэжэ тайшаа һурана.

— Газаа уяатай байна...

— Гараад хараял даа, — гэжэ тайшаа дурадхана.

Тэдээнэй гараад харахадань ганса мориниинь уяатай, гунан үхэрынь үгы байба.

— Ши намайе наадалба гүш? Алин гээшэб тэрэ үхэршни? Бариһан юм һааш, уяатай үхэр хайшаа ошохо юм? Худалаар хэ-лэжэ, хүниие хардадаг болобо гүш? Худалша хүниие түрмэдэ хаадаг юм! Улаан бургааһан өөрым уусада бууг гэжэ жүрөөдэбэ гүш? Нюрга һээрэйнгээ нюларжа, шуһа шоройдо зуурахадань худалаар хэлэхээ болихош! — гэжэ тайшаа уурлан зандаран ха-рааба.

Баян хүн үгэ дуугүйхэн мориндоо мордоод, ама шүдэ хам, альга гар хооһон гэртээ бусаһан байгаа.

Баянай ябаһан хойно Муу Баанхи тайшаагайда орожо ерэбэ.

— Зай, хэр ехээр сэнгэбэ, хэды шэнээн зугаалбаш даа? — гэжэ тайшаа үбгэн һураба.

— Долоон хоногто дорюун сэнгүү байбаб. Гэдэһэнэйнгээ садатар эдибэб, гэдэргээ унатараа уубаб. Танай үршөөл мартахагүйб, — гэжэ Муу Баанхи харюусаба.

— Баян хүнэй гунан үхэрые яахаа хулуубаш? — гэжэ гэнтэ гэнэдхээн тайшаа һураба.

— Ноён тайшаа, булагай уһые худхаагүй һаа, булангир хаанаһаа гараха юм? Муу Баанхиие хардаагүй һаа, хулгайшан хаанаһаа олдохо юм? — гэжэ Баанхи урдаһаань һураба.

Тайшаа үбгэн Баанхиин үгэдэ тороходоо өөдөө хаража ангайгаад, ташаганаса энеэжэрхибэ. Тиигээд Баанхиин толгой эльбэжэ:

— Байшангаа дуулыш даа, — гэжэ эльгээбэ.

Муу Баанхиин байшангаа һиилүүр һарабшаар онгоошхо сонхынь шэмэглэн шэрдэн, ехэ гоёор дуулахада, тайшаа үбгэн тэрээниие тарган мяхаа табижа, хатуу архи аягалжа хүндэлбэ. Тиигээд үшөө хубсаһа хунар, мүнгэ танга үгэбэ. Муу Баанхи урматай олзотой, хубсаһатай мүнгэтэй болоод, нютагаа бусаһан гэхэ.

Тэрээнэй тайшаа үбгэниие торгожо, тэнигэр дорюун тиргэндээ бусаһан тухай үгэ хүүр мүнөөшье хүрэтэр айл аймагай дунда домог болон дурдуулһаар гэдэг.

Олоной хүсэн ольһотой

Тал мэтэ халуун тулалдаан боложо байба. Немецүүдтэ бүһэлэгдөөд байһан Н-ска батальоной командир капитан Карпов хүндөөр шархатаба. Дайсанай һомондо дайрагдаад, тэрэнэй хүл дээрээ тогтон ядажа байхадань, хажуудань ябаһан комиссарынь һуга догуурань саб шүүрэжэ, үхибүүн мэтээр үбэр дээрээ абаад һуушана.

Урихан нюдэтэй басаган комиссартаяа хамта командирайнгаа шинелиин хамсые һугалба.

Хүйтэн гээшэнь аргагүй, шархаһаань уурал набһажа байба. Дүршэлтэй болоһон санитарка ехэ шадамараар хүдэлжэ, хүйтэнтэй мүрысэһэндэл түргэнөөр, командирайнгаа шарха уяжа дүүргэбэ.

Капитан нэгэ бага нам гэһэндэл, үндэгэд гээд комиссарайнгаа сарбууе шүүрэжэ, нүхэрэй талаар хэлэнэ:

— Комиссарни, ши бидэ хоёр һэлмэ буу хоёр мэтэ нүхэсэжэ ябаабди. Ши намда бү һаата, хүбүүдтээ ошо. Тэсэжэ үзэгты, туһаламжа ерэхэ...— Тиигээд капитан гансата дуугаа һуладхажа, тархяа доошонь ганзагална.— Комиссарни, на-ам-да бү һа-а-та...

— Капитан, намдаа найда. Тэсэжэ үзэхэбди,— гээд, комиссар нэгэ боецые дуудажа ерүүлээд:

— Боец Эрдынеев, танда ехэ хэрэг найдахам. Командирнай шархатаад байна. Бэень ехэ хүндэ. Та энэ санитаркатай,— гээд,

Машые заажа,— командираа бүһэлэлгэһөө гаргаха болоот,— гээд, хаагуур ябахыень заана.

Эрдынеев гараа малгайдаа абаашан:

— Захиралтыетнай дүүргэхээр бэлэнби!— гэжэ үнэн үгээ үгэнэ.

— Зай, тиигээ һаа, ябагты,— гээд, комиссар командираа үдэшэбэ. Тэдэнэй ябаһаар ябатарнь гэнтэ буу һүрэжэ, Эрдынеевэй шэхэниинь шэм гээд, гансата балтаар сохюулһандал дулиршэнэ. Эрдынеев халта бүдэрөөд, Машадаа:

— Доошоо! Разведчигүүд!—гэнэ.

Маша дороо һуушаба. Энэ үедэ буугай һүрэхэ бүри түргэдэжэ, эдишэ мэдэрһэн һомод тэдэнэй саагуур наагуурнь сада зураад гаража байба. Эрдынеев Машатай тэрэ дороо сана малтажа, тэндээ капитанаа табиба.

Машые Эрдынеев томо гэгшын шэнэһэнэй саана хэбтүүлээд, өөрөө гурба-дүрбэн алха урагшаа мүлхижэ, сана уурхай соо орохо мүртөө автомадаа тодхоодхино. Дүтэхэнэ мүшэр нижаганажа, сана шаршагануулһаар бүд субатай немецүүд гаражаа ерээд:

— Русс, бодо! Буугаа хая!— гэжэ тал-мүл ородоор хэлэнэд.

Эрдынеевэй гар шэшэрнэгүй. Машада буудаха гэһэн тэмдэг үгэхэ мүртөө, шабхаа дараадхиба. Үнөөхи түрүүлэн ябаһан немец автомадаа хаяад, хойшоо хоёр-гурба бүдэрһөөр унашаба. Удаань ябагшань баһал хүнтэршэбэ.

Гитлеровцүүд, нэгэ хэды буудахаа зогсоод байтараа баһа дахин ушаргүйгөөр буудажа оробо. Сана соо сагаан хубсанатай немецүүдые оножо харахань, харанхы һүни хара мори бэдэрһэндэл байба. Гэбэшье Эрдынеевэй нюдэ мэхэлхэ гээшэ бэрхэ байба. Тэрэ боролжын оёороор хорхой мэтэ мүлхижэ ябаһан немецые обёорхо мүртөө, хараа дээрээ хэбтүүлжэ ерээд, газарта һомоор хадажархиба.

Тиигээд һомониинь дуунажа, Эрдынеев уһа руу шунгаһандал зөөлэн бамбагар сана соогуур шурган, Машада ошобо. Үйлэ болоходоо тэрэнь буугаа адхаһан шэгтээ алдалшоод хэбтэбэ. Тэрэ яахашье мүрөө оложо ядахадаа, арюун бэеынь дайсадта үгэхөө харамнажа, дайдын сагаан сананда шургуулан нюужархёод, капитандаа ошожо:

— Нүхэр капитан, санитаркамнай алуулшоо,— гэжэ Эрдынеев элидхэбэ.

— Алуулаа?— гээд капитан гансата залд гэжэ, нюдөө анина.

— Тиигээд һомомнай дуухаа... Ганса гранататай үлөөбди,— гээд, Эрдынеев гранатаа бүһэһөө ходолно.

— Русс, бэеэ тушаа,— гээд немецүүд буугаа шагаахан шэгтээ бодоод, Эрдынеев капитан хоёр тээшэ даб гэлдэнэ. Эрдынеев гранатаа шэдэжэрхинэ. Шэхэ дүлиирмэ тэһэрэлгэ боложо, модоной мүшэр нижаганажа, лаг хара утаан ой модые бүрхөөбэ.

Эрдынеев энэ һамбаанда, капитанаа арадаа үргэлөөд, энэ тэрэ модо далдалһаар, зүүн хойшоо һуга һүрэбэ. Тэрэнэй халуудахашье гээшэнь аргагүй, хубсаһатаяа уһанда ороод гараһан юумэдэл байба. Тэрэ эсэнэ сусанагүй, Машын бүхы хүсые бэедээ шэнгээжэ ябаһандал, гайхалтай шэртэһэн байба.

— Маша, шамайе һөөргөө ерэжэ абаашахаб,— гэжэ өөр зуура хэлэнэ.

Немецүүд баһа буудажа эхилнэ.

Капитанаа Эрдынеев үргэлөөд, баруун зүүн тээшээ годиржо ябаад, баһа саашалаа. Капитанай бэе улам хүндэ болоно, ухааниинь соохорлоно. Гэнтэ капитан хатуу шэрүүнээр:

— Бай!— гэбэ.

Эрдынеев боролжо далдалаад байшаба. Капитан хайратай һулаар:

— Бишни тэсэхээ болёоб! Шуһаа ехээр гарааб. Намайе орхёод, бэеэ аршала,— гэнэ.

— Би таниие орхихогүйб. Үхөө һаа, хоюулаа үхүүжэмди; үлөө һаа, хоюулаа үлүүжэмди,— гээд, Эрдынеев харюу хүлеэнгүй үнэтэй үргэбшөө үргэлөөд, ябажа гараба. Амаран гэхэдээ тэрэнэй шадалынь һуладаһан хэбэртэй байба. Ара таладам дайсан гэжэ һанахадаа боролжо тэрэлжын загсанги эшэнүүдые хаха зуран, саһан дорохи хонхосогуудта мэхэлэгдэн бүдэржэ, торожо ябаад гүйнэ...

Үглөөгүүрынь тэрэнэй урдаһаань малгай дундаа сог улаан мүшэдые ялалзуулһан санашад шуран түргөөр шуумайлдажа ябаба.

Эрдынеев энэ наһан соогоо баярлаагүйгөө баярлажа, капитанайнгаа түмэртэл, шэлдэн гарнуудые шанга гэгшээр адхаад:

— Капитан, манайхин... Туһаламжа... Бидэ үхэхэгүйбди... Машынгаа хүүр дээрэнь улаан туг бодхохобди,— гэжэ хуугайлан хэлэбэ.

Толпек

(Отрывок из сказки)

НАЧАЛО

В одном лесу посреди зелёной полянки примостился маленький жёлтый домик с красной черепичной крышей. По субботам, даже если стоит хорошая погода, из трубы этого домика обязательно вьётся дымок. Это готовится воскресное угощение, на которое могут прийти все желающие. Но так как в этом лесу очень много других гостеприимных домиков, где будут рады видеть вас на выходные, то, как правило, по воскресеньям тут всего двое угощающихся. Это сам хозяин и его постоянная гостья. У хозяина вполне обычное имя — Толпек, но вот сам он, не сказать, что обычный. Ну, во-первых, он маленького росточка — чуть больше ладони взрослого человека. У него овальное румяное лицо, на котором выделяются серые пытливые глаза. Выглядят они всегда немного грустными, потому что брови над переносицей чуть вздёрнуты вверх. Во-вторых, на макушке у

него вместо шляпы — половинка кокосового ореха, а на руках и ногах по шесть (представляете, по шесть!) пальцев. Ещё он носит коротенькую безрукавку, коротенькие же штанишки чуть ниже колен и деревянные башмаки. Ну, а в-третьих, этот самый Толпек большой мастер играть на дудочке. Их у него несколько. А так как у него, вы не забыли, вместо пяти шесть пальцев, то играет он просто изумительно. Никто на свете так больше не может. Самый лучший друг Толпека — тётушка Хлоя, такая большая сосновая шишка с бородавкой на носу, живущая неподалеку. Каждый воскресный вечер они накрывают стол на своей любимой лужайке и пьют чай с земляничным вареньем и сладостями, испечёнными накануне. Потом Толпек достает одну из дудочек, и в уходящих лучах пламенеющего заката начинает литься чудесная мелодия. Тётушка Хлоя сидит напротив, устало подперев голову после дневных забот и задумчиво внимает своему приятелю. Так и текла их тихая и беззаботная жизнь, и ничто не нарушало её размеренной поступи, но вот однажды... Впрочем, обо всём по порядку.

Глава первая.
С которой всё начинается

Сегодня Толпек встал пораньше. Ещё вчера вечером он решил подняться с первыми лучами солнца, чтобы на рассвете послушать соловьиные трели, которые особенно звонки именно в это время. Напевая себе что-то под нос, настроение было просто отличное! — он бодро натягивал деревянные башмаки, как вдруг где-то неподалеку раздался горький плач. Толпек насторожился и замер на месте, прислушиваясь к звукам. Вскоре плач повторился, но уже гораздо ближе. Не теряя ни секунды, Толпек отбросил в сторону башмак и поспешил наружу. Едва он выбежал на крылечко, как нос к носу столкнулся с рыдающей тётушкой Хлоей.

— Что такое?! Почему ты плачешь, Хлоя? — удивлённо воскликнул он. — Какое горе с тобой приключилось?!

Но приятельница, увидев его, разрыдалась пуще прежнего. Толпек взял её за руки и неуклюже затоптался рядом, не понимая в чем дело.

— М-моё зеркальце... Оно пропало! — сквозь слезы проговорила сосновая шишка.

— Зеркальце?! — переспросил Толпек и принялся тормошить её.

— Да уймись же ты, прошу тебя! Перестань реветь и расскажи всё по порядку.

Тётушка Хлоя достала из передника большой носовой платок и громко высморкалась в него. Потом ещё, потом еще и только приготовилась сделать это в четвертый раз, но тут Толпек развернул её, завёл в дом и силком усадил в плетёное кресло.

— Вот так. А теперь я тебя внимательно слушаю. И, пожалуйста, убери ты куда-нибудь подальше свой носовик.

— Моё зеркальце, — всхлипнула тетушка Хлоя. — Зеркальце, которое знает весь лес. Глядя в него, я всегда знала, какая будет

погода. Выйти ли в шляпке и с зонтиком, или целый день будет светить солнышко, и тогда можно будет надеть мое белое платье. Вот такое оно было, моё ненаглядное зеркальце. А вчера вечером, представь себе, я забыла его на лужайке. Когда же сегодня спохватилась и прибежала туда, зеркальца уже не было. Ты не представляешь, какая это для меня утрата!

Толпек сосредоточенно кивнул. Ему хорошо было известно это зеркальце, умеющее предсказывать погоду, и сам он не раз справлялся у приятельницы о прогнозах, которые непременно сбывались. Никто не мог понять, в чём тут дело, зеркальце как зеркальце, ничего особенного, — но вот такое удивительное свойство у него было: стоило дунуть на него ровно семь раз и три раза постучать ногтем, как на его гладкой блестящей поверхности отражался ясный пейзаж в зависимости от того, какая будет завтрашняя погода. И вот теперь оно пропало. «Да и пропало ли оно? Может, подруга раньше времени поднимает панику?» — Толпек задумчиво нахмурил брови и погладил сосновую шишку по голове:

— Ну, вот что. Ты пока посиди здесь и постарайся успокоиться, а я пойду, поспрашиваю в лесу, может, кто его случайно нашел? Всякое может быть.

Тётушка Хлоя безнадежно махнула рукой.

— Если бы нашли, то сразу бы принесли, ведь оно одно такое. Никто в лесу не посмел бы обидеть бедную старую Хлою, — и она снова затряслась в рыданиях. Толпек без лишних слов подхватил с пола правый башмак, выскочил на крыльцо и стремглав помчался на полянку, где ещё вчера они так чудесно проводили время. Трава была мокрой от росы, но он не замечал сырости. Толпек обшарил всё вокруг, но ничего не обнаружил. Абсолютно ничего. Никаких посторонних следов, только пирожное, оставленное накануне на столе, было надкусано чьими-то острыми зубами. А зеркальце как в воду кануло. «Но кто-то же его взял? Так кто же?» — Толпек поднялся и понуро побрёл в сторону ручья, где жили Умниксы. Может, они что-нибудь знают?

Семейство Умниксов обитало в уютном земляном домике в живописном месте на берегу широкого ручья. Своим обликом

они поразительно напоминали грибы, вот только шляпки у них были соломенные, но такие же широкие и упругие. Они были вечно чем-то заняты, суетясь день-деньской по своим умниксовским делам. Да и то сказать, хозяйство у них было о-го-го! Один лишь огород чего только стоил. Старшие Умниксы были всегда озабочены и хмуры и неохотно вступали с дальними и ближними соседями в пустопорожние, как им казалось, разговоры. Словом, жили особняком, мало с кем общаясь, но народцем, в общем-то, были дельным и полезным, хотя и себе на уме. Младшие были приветливее и дружелюбнее, чем старшие, но вместе с тем большие любители пошалить и попроказничать. И поэтому Толпек имел слабую надежду, что это всё их проделки. Не более чем неделю назад те привязали самого младшего Умникса к воздушному змею и запустили в небо. То-то было переполоху в лесу, когда, взлетев выше самых высоких деревьев, тот начал громко вопить от страха, от чего у его мамы чуть не сделался сердечный приступ.

Ещё издали Толпек заметил, что Умниксы чем-то встревожены. Они собрались гурьбой у плетня и галдели, глядя на противоположный берег, где сновали какие-то неясные тени, сооружая огромную кучу из поваленных деревьев.

Приглядевшись, Толпек ахнул. Оказывается, там вовсю хозяйничали бобры, и они, судя по всему, собирались запрудить ручей. Толпек недавно слышал, что там, где они жили раньше, появился большущий великан, от которого не было никакого спасу. Он, видно-таки, разрушил их плотину, и теперь они пожаловали сюда строить свои хатки. Но в таком случае бедные Умниксы окажутся под водой, и им придется искать себе новый дом. Вот это новость!

Толпек подошёл и почтительно поприветствовал Умниксов, но те едва удостоили его вниманием: что за дело им до какого-то Толпека, когда беда нежданно подступила к самым воротам. Лишь самый младший показал ему язык и тут же спрятался за дверью домика, вырытого прямо посреди холма.

— ...Нужно идти жаловаться старому Ворону, пусть он нас рассудит! — громко вопил коротышка в зелёном камзоле.

— Ага, жди, будут бобры слушать твоего каркальщика, — с безнадёжной горечью отозвался ему чей-то надтреснутый голос.

— Тогда давайте соберём всех соседей и прогоним незваных нахалов! — грозно насупил брови крепыш с приплюснутым носом и потряс в воздухе суковатой палкой.

— Не, тут силой вопрос не решить. Бобрам-то податься некуда, слышь. Великан совсем их до ручки довёл. Так что они либо здесь осядут, либо весь лес затопят, если спустятся чуть ниже по течению.

— Ах, бедные мы, бедные Умниксы! — разом запричитали все и, обняв друг дружку, погрузились в чёрную меланхолию.

Даже огромный жёлтый подсолнух, росший у крыльца, и тот печально склонил свою жёлтую шляпку.

Действительно, Умниксов было за что пожалеть. Ухоженные засеянные грядки, на которых поспевали разнообразные овощи, их земляной домик, погреба и кладовки – все это совсем скоро скроется под водой и... прощай, с такими трудами налаженная жизнь! Толпеку поневоле стало грустно, но он ничем не мог помочь соседям. Он лишь стоял и смотрел как прямо на глазах растёт махина на другой стороне ручья.

— Эх, если бы прогнать великана, то бобры, конечно, вернутся к себе домой, — невольно вслух подумал он

— Что ты, что ты! — замахал руками старший Умникс. — Даже не думай! Великан нас всех сразу проглотит и не останется на свете ни одного Умникса.

— Но должен же быть способ справиться с ним, — не сдавался Толпек.

— Не знаю, не знаю. И вообще, ступал бы ты отсюда, малыш. Не мешай нашему горю.

Тут Толпек вспомнил, зачем он сюда пришёл и поманил пальцем молодого Умникса, прозванного Веснушкой за то, что веснушки так и усыпали его круглую курносую рожицу.

— Слушай, Веснушка, я, конечно, сочувствую вашему несчастью, но вчера у тётушки Хлои пропало зеркальце. Ты случайно не знаешь, может, его кто из ваших по ошибке взял?

Тот на секунду нахмурился, но тут же быстро ответил:

— Нет, мы никогда не берём без спросу чужое, даже когда шалим. За это я ручаюсь. Но вообще какие-то странные вещи стали происходить в нашем лесу. Представляешь, сегодня ночью кто-то пытался отгрызть шляпку у нашего подсолнуха. И, если бы не бессонница старого Седоуса, который ненароком спугнул незваного гостя, негодяй сделал бы свое чёрное дело, — и он показал на поникший круг подсолнечника, который едва держался на ножке. — И, что самое удивительное, внизу не было никаких следов. А стебель был повреждён чьими-то острыми зубами. Я уже забирался наверх и всё осмотрел. Ума не приложу, кому это нужно?

— А старый Умникс ничего не заметил...

— Куда ему, ведь он едва видит в темноте.

— Н-да, это действительно загадка. Дело в том, что этот самый таинственный зубастик тоже оставил точно такие же метки там, где пропало зеркальце. — И Толпек рассказал Веснушке про надкушенное пирожное.

Тут пришла очередь задуматься Умниксу. Кто же он, этот таинственный злодей, не оставляющий на земле никаких следов и обладающий зубастой пастью? Во всём лесу только одно существо могло похвастаться такими зубами. Белочка Жуля. Но если это она, то обязательно остались бы отпечатки её маленьких лапок. Особенно здесь, на рыхлой почве возле крыльца. И Толпек решил навестить Жулю, чтобы рассеять все подозрения. К тому же Веснушка напросился с ним, а вдвоём было как-то веселее.

Чтобы побыстрее добраться до белочки, они решили идти напрямик. Поначалу дорога была более или менее сносной, но вскоре на их пути встали густые заросли шиповника. Так что когда ходоки наконец-то достигли цели, то были порядком помяты и взъерошены препротивными колючками, на что они не обращали никакого внимания. А, может, просто стеснялись показать друг другу саднящие царапины и порезы. Кто его знает...

Разлапистая сосна, которую Жуля облюбовала под свой дом, была настолько высока, что своей кроной, казалось, задевала

облака. Толпек никогда не был у белочки в домике-дупле (признаться честно, он не очень-то умел лазать по деревьям), но Веснушка, которому такое дело раз плюнуть, рассказывал, что у Жули хоть и маленькое, но весьма милое жилище. Товарищи задрали головы и хором прокричали: «Жу-у-ля! Жу-у-ля! Выходи!». Но им никто не ответил. Недоуменно переглянувшись, они закричали с новой силой: «Жу-у-ля!!!». Тишина. Только ветер шелестит наверху.

— Я, пожалуй, мог бы подняться к ней, но, боюсь, Жули действительно нет дома, — сказал Веснушка.

Толпек лишь печально кивнул головой — так оно скорее всего и есть. Делать нечего, пришлось возвращаться ни с чем. В это время, как назло, задул ветер, и налетел мелкий моросящий дождик. В поисках хоть какого-нибудь укрытия путники свернули с дороги. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как вдруг Веснушка чуть не свалился в дыру в земле. Толпек мог поклясться, что ещё вчера никакой дырки здесь не было, и вот на тебе, здрасьте! Кто-то пришёл и по-хозяйски, никого не спросив, вырыл нору. «Ну, и времена настали, — подумал он. — Ещё совсем недавно жили мы не тужили, и вот на тебе. Как же всё изменилось за одно утро!».

Однако Умниксу, которому было не до всяких там рассуждений, норка пришлась весьма кстати. Он мигом шмыгнул в неё и скрылся в тёмном проёме. Толпеку вовсе не улыбалось в одиночку мокнуть под дождем, и он, кляня себя за слабодушие, стал протискиваться в земляной лаз.

— Толпек, ау! Ты где? — донеслось откуда-то из глубины. Веснушка, судя по всему, успел забраться довольно далеко, потому что голос его звучал глухо. Словно из глубокого колодца.

Но Толпек не отвечал. Не торопясь, на четвереньках, двигался он вперед, осторожно переставляя руки и ноги в полнейшем мраке: «Конечно, Веснушке хорошо, он с детства привык жить под землёй и чувствует себя здесь как дома. А каково мне? Хоть и бывал я у Умниксов, но там уютно, сухо, в камине горит огонь, а здесь. Бр-р-р. Ещё противных мокриц тут не хватает! Так и с ума сойти недолго».

Вдруг впереди послышалась какая-то возня и, судя по звукам, там явно шла ожесточённая борьба. Толпек замер на секунду и бросился вперед. Через несколько шагов он со всего маху уткнулся лбом в чей-то мягкий большой бок, и в тот же момент над ухом раздался вопль Веснушки:

— Помогите-е-е!

Толпек в ужасе вцепился в неизвестно чью густую шерсть и завизжал:

— А-а-а-а.

Огромная шевелящаяся туша только сопела и фыркала, пятясь задом к выходу. Толпек очутился под ней, но хватки своей не ослабил. Так они и выкатились из норы орущим клубком, перемазанные землей с ног до головы. Только тут Толпек разжал свои объятья.

Где-то по другую сторону, не переставая, голосил Веснушка, но Толпеку было уже всё равно. Он зажмурил глаза и, лёжа на спине, мысленно прощался с жизнью, ожидая чего-то очень-очень страшного. Но время шло, а ничего не происходило. И Умникс уже давно смолк, и сердце перестало ухать, как колокол, но всё так же было тихо. Толпек набрался смелости и открыл сначала один глаз, потом другой. Дождик всё ещё моросил. Лежать под его струями в мокрой траве в общем-то было неудобно. Толпек привстал на локте и осторожно огляделся. Вокруг никого не было видно, если не считать Веснушку, который неподвижно лежал неподалеку, уткнувшись носом в землю. Его смятая шляпа висела на кусте, за которым кто-то сидел и громко икал.

— Веснушка, — шёпотом позвал Толпек, — ты слышишь меня?

— Слышу, — не меняя позы, ответил тот.

— Ты живой?

— Вроде да, а вроде и нет.

Толпек на коленях подполз к товарищу и перевернул его. На левой скуле у Веснушки прямо на глазах расплывался огромный фиолетовый синяк. Толпек легонько прикоснулся к нему, и Умникс подскочил, словно ужаленный:

— Ай! Больно же!

Тот, кто сидел за кустом, перестал икать. Из-за веток показалась длинная остроконечная морда. Она повела носом и уставилась на них.

— Ты кто?! — разом воскликнули друзья.

— Б-барсук, — ответил незнакомец и облизнулся. — А чего это вы лазаете по чужим норам, народ пугаете?

— Это кто ещё здесь чужой? — недовольно протянул Толпек. — Это наш лес и мы, между прочим, здесь живём. А вот ты кто такой? Откуда-то явился и ещё руки распускаешь! Смотри, какой ты Веснушке фонарь поставил!

Барсук снова икнул. Умникс демонстративно пощупал щёку и, боком подскочив к нему, задиристо крикнул:

— А ну, выходи! Сейчас я с тобой разберусь!

— Да ладно, ладно, — примирительно забасил тот. — Я ж не хотел. Честное слово, не хотел! Просто я спал, а тут вдруг на меня кто-то навалился...

— Это я-то навалился?! — не успокаивался Веснушка. — Это ты в меня ка-а-ак вцепился, а я так, и вот так. — Он начал скакать по полянке, изображая, как храбро сражался с неведомым зверем.

Неизвестно, чем бы закончилась перепалка, если бы Толпек не потерял терпение. Он перехватил Веснушку, когда тот в очередной раз проносился мимо него с боевым кличем. Барсук облегченно вздохнул и, скорчив уморительную гримасу, громко зачихался:

— Ап-чхи! Простите, ап-чхи! Извините, ап-чхи!.. — наконец, он отдышался и вылез из кустов. — Ещё раз прошу меня извинить, просто я немного простудился, когда сидел в подвале у великана...

— У великана?

— Да, у него самого, — подтвердил Барсук и внезапно запричитал:

— Ох, детки, вы, мои детки, ненаглядные барсучата! Страдаете сейчас в клетках такие маленькие, такие беззащитные.

— Да перестань же ты! — топнул ногой Умникс. — И, кстати, достань, пожалуйста, мою шляпу. Вон она у тебя за спиной висит.

Получив шляпу, Веснушка бережно расправил её и водрузил на макушку. Придя в хорошее расположение духа, он подмигнул Толпеку уцелевшим глазом и обратился к Барсуку:

— Так, значит, ты пришел сюда из-за горы?

— Ага. Ну, и страху же я натерпелся по дороге... Братцы, — вдруг взмолился он, — никому не рассказывайте, что видели меня!

— А что такое? — насторожился Веснушка.

— Дык, великан, он хоть и далеко, а всё равно всё видит и слышит.

— Быть такого не может, — усомнился Толпек.

— Может-может, — махнул лапой Барсук. Откуда-то из-за пазухи он вытащил обрывок красной ленточки. — Вот смотрите. Это половинка банта моей младшенькой, я её вчера нашёл неподалеку. Значит, великан знает, что я где-то поблизости и подаёт мне знак, что никуда я от него не денусь!

Толпек взял ленточку и внимательно её осмотрел. С одного конца лента была аккуратно подрезана, как, впрочем, оно и должно быть, а вот с другого края свисала бахрома, словно она была обкусана. Стоп... Толпек замер на месте. В этом было что-то знакомое. Он попытался сосредоточиться, но ему мешали утробные всхлипывания Барсука. Толпек внимательно посмотрел на него: «Всё-таки для начала надо бы расспросить его».

В конце концов вот что рассказал Барсук:

«Жил себе я с барсучатами, горя не ведал. Детки были здоровенькие, послушные, и сам он хоть куда. Всё было хорошо. Да только грянула беда нежданно-негаданно. Пришёл издалека неведомый великанище, поселился в заброшенной хижине, и не стало с тех пор никому от него житья. То бобровые хатки великан порушит, то гнезда птичьи разорит. А вот ещё повадился на зверушек малых силки да петли расставлять. Много он ими зверья разного наловил, и сидят теперь они у него в клетках тесных и плачут горькими слезами. И барсучата его там. Выбрал я ночь потемнее и пошёл малышей своих выручать, да тут сам и попался. Перевязал меня великан веревками и кинул в сырой подвал. Только недолго томился я в плену. Сумел-таки

перегрызть веревки и сбежать через отдушину. Спохватился великан, да поздно. Далеко я успел уйти, не догнать меня уже было. А сейчас я здесь и не знаю, как быть дальше. Такие вот дела».

— ...А великан тот огромадный, бородища у него до пояса, живот большой, как барабан, а глазища, что твои колеса. Берендей, товарищ мой по несчастью, пока на цепи у него сидел, хорошо узнал его. Говорит, больше всего на свете любит великан покой, чтобы в лесу никто не пел, не смеялся, не мешал ему. Все грозится зверушкам языки вырвать, чтобы сделались они безгласными, как змеи и ящерицы. Как бы и в самом деле не надумал! А гады эти ползучие так и липнут к нему. Умеет он, что ли, язык общий с ними находить, не пойму я. Сроду в лесу такой живности не водилось, а вот откуда-то появились. Страшно у нас стало. Даже ветер, и тот как-то мрачно шумит, аж мурашки по коже. Да еще мыши летучие носятся туда-сюда, все вынюхивают, выглядывают: чего бы натворить. Пожалуй, скоро и сюда нагрянут, если уже не побывали.

— Как ты сказал? Летучие мыши?! — воскликнул Толпек. — Так вот кто, значит, напакостил сегодня ночью в лесу! Теперь все ясно. А мы тут на белку напраслину возводим. Оказывается, она ни в чем не виновата, а всё мыши эти гадкие. Но куда же все-таки запропастилась Жуля?

Надо было что-то делать. Толпеку вспомнилось залитое слезами лицо тётушки Хлои, и ему стало невыносимо жаль её. Умникс уныло ковырял ногой землю и размышлял о предстоящих невзгодах. Про Барсука и говорить нечего: тот был просто убит своим горем.

— Ну, что ж, — произнёс Толпек. — Давайте, что ли, пойдём ко мне. Выпьем чаю, а потом будем думать, что делать дальше. А то я даже не завтракал, а ведь когда в животе пусто, то и в голове, — он похлопал себя по лбу, — тоже ни бум-бум.

Дождик тем временем закончился. Выглянуло солнышко, и все неожиданно почувствовали зверский аппетит. Барсук шумно отряхнулся, обдав соседей водопадом брызг, и те только сейчас разглядели, какой у него славный и пушистый мех. Барсук

заметил их восхищённые взгляды и горделиво приосанился. Он важно надулся, и у него стал такой смешной вид, что друзья не сдержались и прыснули в ладошки. Барсук крепился-крепился, да не выдержал. Словом, не прошло и минуты с момента всеобщего уныния, как вся лужайка огласилась весёлым заливистым хохотом.

На время позабыв о несчастьях, приятели бодро потопали по тропинке. Умникс до того развеселился, что всю дорогу подражал пению птиц, да так мастерски, что в лесу начался самый настоящий концерт. Жаворонки, дрозды, козодои слетелись со всей округи. Они, верно, думали, что прибыл какой-то знаменитый певец, у которого есть чему поучиться, и старательно вторили ему из чащи. А это был всего лишь Веснушка! Простой деревенский Умникс, который никогда ничем особенным не выделялся. А вот, на тебе, оказывается, отличный свистун! Толпек про себя, конечно, сильно удивился, но вида не показал. Ведь он тоже был музыкант и, как водится, немного ревновал к чужому таланту.

Когда приятели пришли до дома Толпека, то их ожидал еще один неожиданный сюрприз. Едва Толпек открыл дверь, как сразу увидел белочку Жулю. Та, заметив его, тоненько пискнула и спряталась за ширму. А на него с шумом налетела тётушка Хлоя, совсем уже не зарёванная, и быстро затараторила:

— Ох, Толпек, а у нас горе, такое горе! — видно, она уже совсем позабыла о своем, да и натура у нее была такая — чужую беду она всегда воспринимала острее, чем свою. — Белочке ночью насыпали на хвост какой-то дряни. Уж мы тёрли-тёрли его, тёрли-тёрли, но никак она, негодная, не хочет отставать.

Хлопотунья подбежала к занавеске и вытянула упирающуюся Жулю. У Толпека от удивления глаза полезли на лоб. Большой и нарядный хвост Жули из огненно-рыжего превратился в совершенно черный. Белочка, всегда такая живая и смешливая, понуро стояла у стены. Из-под пушистых ресниц медленно выкатилась огромная слеза. Замерла на мгновение и, дрогнув, побежала вниз, оставляя за собой прозрачную дорожку. Тётушка Хлоя, как могла, утешала Жулю ласковыми словами, сует-

ливо теребя мокрые ворсинки на хвосте. Но вдруг она охнула и, схватившись за сердце, стала оседать на пол. Толпек быстро подставил ей стул и обернулся. Ну, конечно. Это в дверь пытался протиснуться Барсук. Сделать это ему было сложно, и он по своему обыкновению запыхтел. Тётушка Хлоя приготовилась по-настоящему грохнуться в обморок, но тут подскочил Умникс и стал поливать её водой из кувшина.

— Ах, спасибо, спасибо, больше не надо! Мне уже лучше, — шишка понемногу пришла в себя и, вытеревшись передником, уставилась на Барсука, который с любопытством осматривался по сторонам. — К-кого это ты привел? — хриплым шёпотом спросила она Толпека. Не успел тот ответить, как Барсук шаркнул ногой и представился сам:

— Здравствуйте, я, — Барсук. Вы уж простите меня великодушно, что своей особой принес вам столько неудобств...

— Да ладно, ладно тебе! — замахал руками Веснушка. — Ничего такого страшного не произошло, не переживай. А давайте-ка лучше поедим?

— Погоди, — строго перебила его тётушка Хлоя. Она уже совсем оправилась, ведь Барсук такой вежливый, что его, пожалуй, не стоит бояться. — Как вы сказали?.. Барсук? Очень приятно. Ко мне вы можете обращаться «тётушка Хлоя». Так меня здесь все называют, — пояснила она и указала на белку. — А это Жуля. Белочка Жуля. Поверьте, я очень рада, что вы пришли, но это было так неожиданно. Не так уж часто к нам заглядывают такие удивительные гости.

Толпек тем временем быстро расставил чашки, достал из буфета варенье с пирогом и пригласил всех к столу:

— Рассаживайтесь, кто куда хочет. Только, чур, я у окошка, — и первым уселся на свое привычное место.

От горячего чая шёл такой душистый аромат, что никто не заставил себя упрашивать дважды. Умникс уплетал за обе щёки, аж за ушами трещало. Тётушка Хлоя хотела было сделать замечание, но не стала. Она церемонно и торжественно наслаждалась чаем, элегантно поддерживая чашку блюдцем. Барсук старался выглядеть культурным. Несмотря на то, что ел, видимо, давно, он акку-

ратно подносил ко рту маленькие кусочки и успевал даже нахваливать угощение. Тётушка Хлоя сияла. Столько комплиментов, да ещё и от такого гостя. Когда же она узнала о его горе, то вообще прониклась к нему живейшим участием. Наконец, всё было съедено, и белочка поведала свою грустную историю. Оказывается, с вечера она смазала хвостик каким-то чудодейственным кремом, от которого шерстка становится более густой и пушистой. На ночь она высунула хвост из дупла наружу, чтобы он как следует просушился. Конечно же, на следующее утро, когда Жуля проснулась, то первым делом выглянула на улицу... И от ужаса чуть не свалилась вниз: хвост стал чёрным, словно его вываляли в саже. И чернота эта так въелась в мех, что её, пожалуй, никогда не отмыть. Все опять заохали и стали снова и снова рассматривать её хвост. Барсук провел лапой по шерстке и задумался.

— Я думаю, это сажа из очага великана, — наконец, сказал он. — Всех его пленников вымазали в ней, и стали они черными, как уголь. Оттого это, говорил Берендей, что терпеть не может великан разноцветных красок. Глаза у него болят от них, да и душа у него такая чёрная, что краше этого цвета для него ничего на свете нет.

— У-ух, великан, — погрозился кулаком Веснушка, — из-за него все наши несчастья! Это он послал сюда своих мышей. Это они сгрызли наш подсолнух и украли зеркальце Хлои. И Жулин хвостик — тоже их работа.

Толпек рассеянно крутил пальцем по столу.

— И это произошло только за одну ночь. А что будет дальше?! — Умникс распалялся всё больше и больше. — Нужно проучить этого негодяя. Что он о себе возомнил! Подумаешь, великан. Не боимся мы его!

— Правильно! — поддержала его тётушка Хлоя. — Так он всех нас отсюда выживет! Пора спасать зверюшек. Нельзя их без помощи оставить.

— Подождите, — поднял руку Толпек. — Конечно, великана надо найти и наказать. Но сделать это надо осторожно и с умом. Может, к Старому Краку обратиться за советом? Наверняка, он что-нибудь мудрое подскажет. Как думаете?

— Правильно! — вскинулся Веснушка. — Пошли скорей к нему!

Все согласились, что это верное решение: Старый Ворон хоть и был нелюдим и особо не жаловал незваных гостей, но жизнь прожил долгую и был по-настоящему мудр. В молодости он был крайне любознателен, повидал множество мест на земле и, если бывал в настроении, давал весьма дельные советы. Если его, конечно, просили об этом.

Глава третья.
В путь

Бобры трудились молча. Ближайшие деревья были уже срублены, и с каждым разом бобрам приходилось всё дальше и дальше удаляться в чащу. Работа, конечно, не из легких, но они были привычны к ней с детства. Место попалось удобное, хотя, конечно, прежнее было куда лучше, но что делать — пришлось уйти из родных мест. Немного отвлекали гомонящие нелепые фигурки на противоположном берегу: бегают туда-сюда, руками размахивают... Но бобры старались не обращать на них внимания. Мало ли кому вздумалось покричать, на всех отвлекаться, так и дело встанет. Им никак не могло придти в голову, что своим нежданным строительством они могут доставить кому-то массу неприятностей. Бобров интересовала только плотина, которая должна быть сооружена точно в срок. Скоро на свет появятся маленькие бобрята, а для них необходимо безопасное и надёжное убежище. Прежние хатки порушил великан, — чтоб ему пусто было! — но сюда он вряд ли доберётся. Так, во всяком случае, они себя успокаивали. Слишком уж большой путь они проделали, чтобы оказаться от него подальше.

Внезапно на другом берегу разгорелся костёр. Он сиял всё ярче и ярче, пока не превратился в пылающий факел огромных размеров. Вскоре потянуло дымком. Бобры, побросав инструменты, начали тревожно принюхиваться. Кто же так неосто-

рожно обращается с огнём?!! Так и до беды недалеко! Бобры помнили, как однажды молния ударила в их плотину, и начался пожар, который удалось потушить с огромным трудом. Этот костёр также следовало загасить! Они, не сговариваясь, кинулись в воду и поплыли на противоположный берег.

А Толпек только этого и ждал. Подав знак Умниксам, чтобы те перестали подбрасывать ветки в огонь, он наблюдал, как бобры стремительно пересекают ручей. Вот, наконец, самый большой бобёр выбрался на берег и вперевалку подошёл к Умниксам.

— Что это вы делаете?! Лес решили пожечь? — он с опаской покосился на огонь. — Зачем такой кострище развели?

Старший Умникс, по имени Седоус, сразу же раскрыл рот, чтобы разразиться гневной тирадой, но тут Толпек предостерегающе кашлянул.

— Уважаемые бобры, — начал он. — Вы напрасно думаете, что мы собираемся спалить свой лес. Уж слишком мы любим его. Вот они, — он показал на Умниксов, — прожили здесь всю свою жизнь. Посмотрите, как здесь чисто и прибрано, попробуйте найти хоть одну лишнюю веточку или опавший листик. Да ни за что! Вот как они заботятся о своём доме. Который, кстати говоря, им совсем скоро придётся покинуть...

Старший Умникс вновь попытался возразить, но его сдержали свои же.

Толпек выдержал паузу и продолжил:

— А всё потому, что скоро сюда явится... великан! Сегодня ночью мы столкнулись с летучими мышами, а где они, там и он тут как тут.

Бобры после такого известия не на шутку встревожились. Кому, как не им, знать, какая напасть этот великан проклятый! Но всё же, как он может здесь объявиться? Быть такого не может! Сколько дней они уходили от него непроходимыми чащобами да непролазными оврагами. Ну, нет! Ни за что он сюда не доберется!

— Это как посмотреть, ведь великан может пройти через гору, — возразил Толпек. — Это она только с виду кажется неприступной, а на самом деле там есть проход. Про него мне

рассказал Старый Ворон. И великан наверняка об этом знает, а если и не знал, то уже наверняка летучие мыши все ему доложили.

Тут уж и Умниксы крепко призадумались. Стало быть, дело не в бобрах, а в этом самом великане, о котором болтают всякие страсти. Если он придёт, то придётся убегать, куда глаза глядят. И прощай тогда навеки, родной лес!

Толпек снял свою кокосовую шляпу и вновь обратился к бобрам.

— Конечно, вас отсюда никто не гонит, но время сейчас такое, что нужно что-то предпринять. И вот мы решили, — он обвел взглядом всех присутствующих, — идти и сразиться с великаном! А поможет нам могучий друг, который скоро прибудет, — быстро добавил он.

Все подавленно молчали. Как же так! Пусть этот парень и действительно смельчак, но куда ему супротив огромного чудища. Тут и ежу понятно, что вся затея обречена на провал. Но Веснушка, который в присутствии старших вообще-то всегда вёл себя смирно, не выдержал:

— А что?! Толпек прав! Так и будем сидеть, сложа руки? Или сразу всё бросим и в кусты?! Да уж лучше пускай меня великан в лепёшку раздавит. Всё равно я без своего дома жить не смогу! — он хотел сказать ещё что-то, но ораторский запал у него кончился. Он в сердцах махнул рукой и отошёл в сторону.

Младшим Умниксам такая речь пришлась по душе. Вот уж никогда бы не подумали, что их Веснушка осмелится выступить наперёд старших, но говорит он правильно. Очень и очень правильно! Умниксы оживленно задвигались, зашумели... Седоус, проигнорировав дерзкую выходку внука, повернулся к Толпеку:

— Ну, хорошо. Пойдёте вы с этим вашим могучим другом на войну. А нам-то что с ними делать? — кивнул он в сторону бобров. — Не сегодня-завтра затопят они нас, и всё, пропадай тогда пропадом наше добро!

— Но и нам деваться некуда, — возразил бобёр. — У нас ожидается прибавление в семьях, и нам срочно требуется пристанище. Не под открытым же небом нянчить малышей.

Толпек вопросительно переглянулся с Веснушкой и, когда тот кивнул, осторожно начал:

— Это, конечно, совершенно недопустимо. Но у наших друзей Умниксов имеется огромная кладовая, ничуть не хуже их дома. И они наверняка с большой радостью предложат её вам. Только ее надо немножко переделать, и лучше и уютнее места для бобрят вам не найти!

Изумлённые Умниксы слушали его, раскрыв рты. Толпек не дал им опомниться и продолжил:

— И ещё... На том берегу осталось ещё много всякого зверья. И на всякий случай не мешало бы построить мост, чтобы они могли спастись, ведь не все умеют плавать! А если мы победим, то потом запросто сможем ходить друг к другу в гости. Да и мёд на той стороне такой душистый!

Младшие, а за ними и старшие Умниксы восторженно завопили. Они сдёрнули со стриженых макушек соломенные шляпы и стали их подбрасывать высоко-высоко!

— Ура! Ай, да Толпек, ай, да молодец! Да здравствует мёд! Ура бобрам! Бобры не смогли сдержать улыбок. Умникс Седоус, поворчав маленько для виду, выступил вперёд и крепко пожал лапу старшему бобру:

— Добро пожаловать в наш дом. Рады оказать вам свое почтение.

— И мы очень признательны вам за гостеприимство, — с достоинством ответил ему бобёр.

Тут же было решено устроить дружеский обед, ну, а уж потом приниматься за дела. Хозяйки захлопотали, вынося на общий стол дымящиеся блюда. Чего тут только не было! И восхитительный молочный суп, и сладкий клубничный кисель, и пироги с капустой и рыбой... А рисовая каша с изюмом, обильно сдобренная сливочным маслом, была просто выше всяких похвал! С кухни доносился зычный голос тётушки Хлои, отдающей необходимые распоряжения. О, она находилась в своей стихии, и местным кулинарам было чему у неё поучиться! Да что там говорить: по всему лесу передавались и заучивались наизусть её бесподобные рецепты. Бобры тоже явились не с пустыми руками.

Они принесли с собой лесные орехи и дикие груши, которыми угощали всех подряд. А Барсук просто лопался от гордости, представляя своих новых друзей некоторым знакомым бобрам.

Словом, пир удался на славу. И как-то само собой получилось, что ноги так и стали проситься в пляс. Толпек с младшими Умниксами быстро организовали оркестр с бубнами, свистульками, трещотками! А Веснушка напевал задорные куплеты, тут же сочиненные на ходу:

Утром к нам пришел нежданно
из-за леса, из-за гор,
Поругавшись с великаном,
Досточтимейший бобёр.
И теперь он будет с нами
Жить с бобрихой у ручья,
И отныне мы с бобрами
Вместе, как одна семья!

Старшие Умниксы вспомнили молодость и выделывали задиристые коленца вокруг своих жён. А бобры старательно и

смешно танцевали вприсядку. Барсук, улучив момент, схватил тётушку Хлою в охапку и пошёл, пошёл... До того разошёлся, что когда танец закончился, свалился мешком и не мог вымолвить ни слова.

Но вот веселье закончилось. Пришла пора расставаться. На общем совете было решено, что в дорогу отправятся Толпек, Веснушка (куда ж без него!), ловкая и неутомимая Жуля и Барсук, который будет проводником. Все понимали, что путь будет нелёгкий, и что они идут навстречу неизвестным опасностям, и, как могли, поддерживали их: кто советом, а кто добрым напутствием. Тётушка Хлоя собрала в узелок съестные припасы, а младшие Умниксы приволокли воздушного змея.

— Кто знает, может, он вам и пригодится, — сказали они.

После непродолжительного прощания бобры переправили путников на тот берег. Толпек взобрался на пригорок и в последний раз оглянулся. Провожающие молча стояли гурьбой на песчаной отмели, а кто-то забрался на подсолнух и махал вслед круглой шляпой. «Что ж, — подумал Толпек, — в путь так в путь». И он бодро потопал за ушедшими вперёд друзьями.

Веснушка, которому эти места были знакомы, неторопливо рысил сбоку, увлечённо рассказывая белочке о местных достопримечательностях: «Во-он там, за горкой, стоит такой большой муравейник, что он, Веснушка, может запросто жить в нём. А вон там, чуть подальше — чудесный малинник. Правда, ягоды ещё не поспели, но придёт время, и они обязательно вернутся сюда и тогда уж вволю полакомятся сладкой малиной». Жуля его слушала, в то же время внимательно осматривая окрестности своими глазками-бусинками. Её острые ушки с бахромой на кончиках всякий раз настороженно вздрагивали, когда откуда-то доносились какие-нибудь звуки. Всё вокруг жило и двигалось: то кузнечик выпрыгнет прямо из-под ног, то дятел начнёт свою работу, то ещё что-то...

Чем дальше они уходили от ручья, тем более мрачным становился Барсук. Он с беспокойством поводил своим длинным носом и что-то бормотал. Толпек никак не мог понять причины

его тревоги, ведь пока вокруг ничто не предвещало беды. Но у Барсука, видимо, были свои мысли на этот счёт.

— Вот что, — обратился он, наконец, к спутникам, — не хотел я раньше времени вас пугать, но лучше всё сразу выложить начистоту. Там, — он показал лапой вперёд, — третьего дня я чуть не попал на ужин к зубастым лисам. Я лишь чудом ушёл от них в непроходимую чащу. Им сквозь неё не пройти, вот и рыскают они по ту сторону бурелома, ищут, чем бы поживиться. Трудно будет проскользнуть незамеченными через их владения, а, скорее всего, невозможно.

— Вот это да! — присвистнул Веснушка. Он посмотрел на свои коротенькие ножки и мысленно сравнил их с длинными прыткими лапами рыжих разбойников. Да-а, даже и думать нечего удрать от них.

— Ты, наверное, боялся, что, узнав о лисах, мы вообще никуда не пойдём, — обратился он к Барсуку.

Тот лишь печально промолчал.

Нужно было что-то решать, и все уставились на Толпека в ожидании, что же он скажет. Но тому в голову приходила только одна картина: вот он сидит на ёлке, а внизу безжалостные лисы терпеливо ждут обеда.

— Толпек, — вывел его из задумчивости голос Жули. — Толпек, надо что-то делать.

— Да-да, — откликнулся он. Посмотрел на небо и решительно сказал: — Знаете что? Если мы не можем обогнуть гору, то придется идти через нее, иного выхода у нас нет. Я надеюсь, что с помощью этой штуки, — он указал на воздушного змея, — мы сможем перебраться через расселины. Тут самое главное — не смотреть вниз, и всё будет в порядке. Пошли!

— Хоп-хей, чему быть, того не миновать, — подытожил Веснушка.

И почему-то всем и на самом деле показалось, что не такое это уж и трудное дело — перевалить через такую громадную гору. Так себе, пустяк.

Иркут

Легенда

У озера Ильчир
Родился сын Иркут.
Его крутые склоны
Вниз ведут.
Иркут не хочет вниз,
Бунтует и хрипит,
Зубами белыми
Вгрызается в гранит.
Ему навстречу братья
Старшие бегут,
Спешат по скалам,
Плещут струи там и тут.
И словом ласковым его
К себе зовут
— Хороший наш
братишка,
Братик наш Иркут.

Как видишь, я тружусь,
Работаю как вол.
Но брата должен
встретить,—
Скажет Хойтогол[1].
Зунмурин и Кырен
Резвятся неспроста,
Мелькая соболем
В долине Иркута.
И каждый что-нибудь
приносит,
Рад помочь,
Ему рассказывают сказки
День и ночь.
И даже Кынгырга,
Косулей мчась с горы,
Согласна провести его
До Ангары.
Но неженка Иркут
Не хочет слушать их,
Не хочет слушать
старших
И кричит на них:
«Я молод, юн и полон
Гордости и сил.
Ни у кого из вас
Подмоги не просил.
Без вас на свете
обойдусь,
Идите прочь.
Все буду говорить свое,
Свое толочь.
Один пробью к Байкалу
Свой заветный путь
И никому меня с дороги

1 Хойтогол — река, впадающая в Иркут

Не столкнуть.
И стал он задыхаться,
Начал он мелеть
И перестал журчать
И тонким стал, как
плеть.
Лежит Иркут, как як
упрямый,
Как сарлык,
Пред смертью высунул,
В песок зарыл язык.
На счастье подоспел к
нему
Мунко-Сардык,
Скалистый, мудрый дед
его,
Лихой старик.
Мунко-Сардык спокойно

Докурил ганзу[1].
Не обронил над жалким
внуком
Он слезу.
Сказал:
— Пропал, как видно,
внук,
А может жив,
Под голову замшелый
камень
Подложив.
И взял за грудки внука,
Так его тряхнул,
Аж искорки из глаз,
Раздался гром и гул.
И досказал:
— Вернись-ка, внук,
Назад к родным,
Проси прощенья,
С ними воздухом дыши
одним.
Они тебя поддержат,
Силой наделят
И мощь, и молодость
в тебе
Заговорят.
Послушал деда внук,
Побрел назад Иркут.
И снова братья старшие
К нему бегут...
Зунмурин, Хойтогол
Торопятся к нему.
Они торопятся к
братишке
Своему.

1 Ганза — трубка...

И пусть нальется
Новой силою Иркут
И братья никому
В обиду не дадут.

Оляпка

Зимой морозной
В полынье Темелик
В седой буран,
Под грозный свист
Метели
Живет себе оляпка-
Водолаз.
На дно реки
спускается
Не раз
По дну гуляет,
Держит камень в лапках,
Кормежку ищет
водолаз —
Оляпка.
Поет чуть слышно:
«Разобьюсь в лепешку,
Но отышу, найду на дне
Рыбешку.
Я догоню рыбешку
Проглочу.
Еще с утра морозного
Я есть хочу».

Родник

Пришла весна. Стаял снег, на возвышенностях зазеленела трава. Скотоводы-буряты начали закрывать поскотину и переезжать в летники, расположенные посреди степи, раскинувшейся на десятки километров окрест. Мы, дети, ждём не дождёмся, когда вещи будут уложены и мы тронемся в путь. Да что там мы? Вон даже коровы и те проявляют своё нетерпение, толкают друг друга, норовят пристроиться поближе к телеге.

На нашем летнике в Хусоте жилые дома и телятник располагались вдоль песчаного, местами глубоко прорезавшего землю русла сухой речки, истоком которой считалась источенная ветрами, почти разрушенная каменная гора близ леса. Старики говорили, что в далёкие годы вода не уходила отсюда, а нынче только после ливневых дождей речка оживает, наполняя русло мутно-жёлтой водой.

Мы радовались, когда в сухой речке появлялась вода, часами не отходили от неё, смеялись, весело говорили о том, что теперь не надо гонять телят на дальнее степное озеро, откуда мы привозили воду и для себя. ...Ближе к вечеру подъехали к летнику, и, пока взрослые перетаскивали скарб в избы, мы успели сбегать на речку. Вернулись расстроенные — русло было сухое... В тот год стояла сильная засуха, даже трава в степи с трудом пробивалась, да и то не везде...

Каждое утро люди, выйдя из дому, подолгу смотрели на небо. Но шли дни, а солнце всё то же, ярко-рыжее, и на горизонте ни облачка. Назойливо гудели пауты, досаждая телятам. В траве появились кузнечики, они облепляли ещё зелёные стебли, и те быстро засыхали. Старики вздыхали и сокрушённо поглаживали свои головы.

...Проснулись как-то, выбежали на улицу, глядь: недалеко от телятника, в самом подножье небольшого бугра, что-то ослепительно сверкает. Подошли поближе, тут-то и увидели, что из-под земли бьёт родник и вода, накапливаясь, растекается по сухой земле. Скоро не осталось ни одного человека, кто б усидел дома, не пришёл сюда. Долго стояли не в силах вымолвить слова, до того неожиданным и радостным было появление родника. Но скоро и заговорили, перебивая друг друга:

— Какое это счастье, в самую засуху вдруг пробился родник. Теперь легче будет.

— Да, конечно, только надо бы договориться, чтобы не загрязняли воду, не черпали немытой посудой.

— И ребятишек надо предупредить, чтоб не лазили в воду. А то уйдёт она.

— Хорошо бы сделать деревянный жёлоб,— предложил кто-то, и его тут же поддержали.

И часу не прошло, как появился жёлоб, по которому, весело поискривая, потекла родниковая, чистая и ледяная, аж зубы сводит, вода. А спустя немного и огородили, чтоб телята чего не натворили... И корыта для скотины поставили.

Надо ли говорить, как мы, ребятишки, радовались роднику?! Каждое утро прибегали и подолгу смотрели, как кипит вода, будто зерно в большом котле, выбрасывая на поверхность искристые камушки, намывая песок. Когда, стараясь не моргать, глядишь на этот песок, чудится: он серебрится и в нём блестят звёздочки, далёкие и яркие, те самые, которые можно увидеть в вечернем небе.

Однажды, когда мы играли у родника, к нам подошёл дедушка Жана. Он маленького роста, у него длинная белая борода, свисающая клинышком, когда ходит, опирается на гладкую, без

единой зазубринки, палку. Слыхать, в молодости дедушка Жана езживал в разные улусы, знавал много интересных людей, умел выбрать в табуне скакуна и очень этим гордился. У него была большая семья, и он думал, что на старости ему будет где преклонить голову, но случилась беда: в юрту, где он жил, проникла страшная болезнь, и все его родные умерли, он остался один. Ему сделалось неинтересно на земле, и он хотел умереть, но, оказывается, и тогда у него в душе было что-то сильное, и он превозмог себя. А когда постарел, его взял к себе отец моего друга. Старику не было плохо в чужом доме, за ним ухаживали, жалели.

Мы очень обрадовались, увидев дедушку Жана, хотели подойти к нему, но глаза у него были задумчивые, и это остановило нас. Мы снова сели на влажную землю и стали наблюдать за дедушкой, а он ещё долго стоял, опершись руками на загородку, и маленькими слезящимися глазами глядел на бойкий искрившийся родник. Но вот дедушка Жана подошёл к деревянному

жёлобу, нагнулся, зачерпнул ладошкой студёной воды, ополоснул лицо. Увидел нас, подозвал к себе, сказал:

— А знаете, это не простая вода, это аршан. Я как начал пить эту воду, у меня перестал болеть живот. А то были такие рези, прямо беда...— Помедлил, внимательно приглядываясь к тем, кто находился рядом с ним, продолжал: — Вы молодцы, ребятки, что смотрите за этим родником. — Вытащил из-за пазухи что-то завёрнутое в серую тряпку, подержал на ладони, спросил: — Знаете, что тут у меня?..

Мы пожали в недоумении плечами.

Он развернул тряпку, на ладони у него оказался яркий, величиной с бабку, с белой полосой посередине камень.

— Этот камень в давние годы я привёз с Байкала... В молодости ходил по морю рыбаком. Когда уезжал, взял с собой несколько камней. Хотел привезти их в родные края и разбросать вдоль речек. Мне казалось, тогда они станут многоводнее, потому что породнятся с Байкалом. И вот у меня остался один камень, я не расставался с ним. Однако пришло время, и я...— Старик замолчал, протянул мне камень, негромко произнёс своё благопожелание: — Опусти камень на дно родника, поближе к тому месту, где он пробивается сквозь землю. Пусть целебная вода нашего родника бьёт тугой струёй, пусть никогда не зарастёт травою его русло, пусть пески отойдут от него подальше!..

Дед опустился на мшистый взлобок и поджал под себя ноги. Лицо его было задумчиво и печально. Он смотрел туда, откуда встаёт солнце, и беспокойно теребил отвороты дэгэла[1].

В траве стрекотали кузнечики и назойливо гудели пауты. Порою становилось невмоготу от этих звуков и запахов. Душа наполнялась нежностью ко всему сущему на земле. Хотелось смеяться и говорить красивые слова, но рядом сидел дедушка Жана, и приходилось сдерживать свои чувства. Наконец старик со значительностью в голосе произнёс:

— У каждого человека должна быть тайна. Без неё жизнь будет неинтересной. Не говорите другим ребятам об этом камне. Пусть это будет вашей тайной.

1 Дэгэл — верхняя одежда, похожа на халат

— Конечно,— охотно согласились мы.

— Если вы расскажете кому-то о роднике,— продолжал старик,— то вскоре он станет таким же мутным и грязным, как вода в канаве... Я помню ещё то время, когда этот бугор был священным. Сюда приходили люди из разных улусов. Но однажды бестолковый сын Дагбы завалил родник камнем, и вода ушла под землю. А потом...

Старик надолго замолчал, задумался, а из глаза выкатилась прозрачная слезинка и потекла по впалой, обтянутой тонкой землисто-коричневой кожей щеке.

— Случилось большое несчастье. Овцы стали умирать так же быстро, как мухи осенью. Разное говорили люди. Одни, что надо менять кочевья и уходить к отрогам Саянских гор, где травы вдоволь и течёт большая река, берущая начало в местах, священных для каждого бурята; другие, что нужно выгнать Дагбу с кочевья: несчастье, причинённое его сыном всем скотоводам, пусть ляжет проклятьем на семью того, кто не сумел привить чувство любви и благодарности единственному наследнику. Дагба просил старейшин не изгонять его, но те стояли на своём, и он ушёл туда, откуда не возвращаются... И вот теперь родник снова забил...

Мы как заворожённые слушали дедушку Жана, и стук наших сердец слился с безмолвной песней вешнего неба, в котором мелькали ласточки. Но вот выскочил из кудрявых облаков длиннокрылый коршун и растерянно замер, увидев, как ослепительно-ярко заблестела внизу узкая полоска воды. И пока он удивлённо всматривался в маленькое чудо жизни, ласточки сбились в кучу и с громкими криками устремились прочь. Воистину таится в нашем роднике какая-то неподдающаяся осмыслению сила.

Степь маялась без воды, трава начала засыхать, и кормиться скоту было нечем. Но, к счастью, однажды в субботу в синем знойном небе вдруг появились тучи, и скоро пошёл дождь. Дождь лил целую неделю, он пропитал землю водою, реки оживились, вышли из берегов, но вот небо прояснилось, и реки успокоились, полноводные и спокойные, они потекли

вниз, не ломая уже своего привычного русла. В степи поднялись травы, всё вокруг заколыхалось, зазеленело. Люди улыбались, случалось, что и говорили: «Травы у нас нынче растут так быстро, что бросишь на землю палку, а к утру она уже вся зарастёт».

Подходило время праздника — сурхарбана. Во всех улусах начали тренировать скакунов, старики вытаскивали луки со стрелами, обучали молодых метко стрелять. Деревенские силачи тоже разучивали новые приёмы национальной борьбы.

У нашего соседа был тонконогий, с длинным телом и острыми ушами скакун, и вот как-то сосед подвёл меня к нему и сказал, что я должен как следует подготовиться, чтобы прийти на скачках первым. Я очень обрадовался, побежал к дедушке Жана, рассказал ему, что в скором времени ожидает меня, старик выслушал, сказал:

— Этот конь весь как бы устремлён вперёд, он крепко стоит на ногах, и прыжки у него такие же длинные, как у волка, он настоящий хулэг-скакун. Тебе только остаётся крепко держаться, чтобы не упасть и не мешать ему. Смотри не глазей по сторонам, не то скакун собьётся и начнёт волноваться.

И вот наступил день, которого я так ждал. У подножья Улан-Хады собралось много людей из разных улусов, были здесь и взрослые и дети, и все поздравляли друг друга с сурхарбаном. Высоко в небе реял алый стяг, посреди людского круга стоял стол, покрытый красною скатертью. То и дело проходили мимо парни, которые вели лошадей с перевязанными цветными лентами чёлками. Я тоже вёл своего скакуна. Был он спокоен, с интересом присматривался к людям, и те улыбались и что-то одобрительно говорили. А потом я услышал, как кто-то горячо сказал:

— Нынче чалый конь из Шэбэра опередит всех!

С ним не согласились:

— Нет, победит гнедко из Югты!

Называли ещё лошадей, но странно: никто и словом не обмолвился о моём скакуне, и мне стало обидно и немного тревожно.

Но вот кто-то крикнул, что пора давать старт. Все участники скачек выстроились в шеренгу, а потом рванули вперёд... Я очутился где-то в середине, мой скакун замешкался на мгновение-другое, и в этом, кажется, я был виноват сам — не успел вовремя опустить поводья, натянул их... Когда же я справился с волнением и дал скакуну поводья, он стремительно понёсся, обгоняя сначала одного, потом другого коня, и финишную ленточку пересек первым. Ко мне подбежали люди, помогли спрыгнуть на землю, повели куда-то моего скакуна, некоторые принялись бросать вверх шапки, крича с радостью:

— Победил конь из Хусоты. Ура-а!..

— Лучший — хусотинский скакун!..

Мой конь словно бы чувствовал, что его все хвалят, высоко держал голову, шёл горделиво сквозь толпу. Было незаметно, чтобы он устал, не то что другие скакуны: они тяжело дышали, запалённо поводя боками, были все в мыле.

Ко мне подошёл парень из соседнего улуса, стройный, с белыми ровными зубами, сказал:

— Будем готовить твоего скакуна к аймачному сурхарбану. К счастью, и у нас теперь появился настоящий скакун.

Подбежал ещё один парень в синем тэрлыке, с серебряным ножом на шёлковом поясе, взял моего скакуна под уздцы, произнёс хвалебное слово в его честь.

Праздник кончился, я вскочил на коня и отправился домой быстрой и лёгкой рысью. Меня встретил дедушка Жана, сказал с гордостью в голосе:

— Я слышал, наш скакун опередил всех на сурхарбане. А знаешь почему? Силы ему дала чистая родниковая вода.

Я не спорил, наверно, так это и было. Расседлал я коня, отпустил его в степь, он отошёл немного в сторону, прилёг на мягкую траву, несколько раз перевернулся, вскочил на ноги, подошёл к роднику, начал пить. Потом он затрусил к северной опушке леса, где пасся табун. Я долго смотрел ему вслед и думал о роднике, который протекает в нашей местности, о скакуне, о людях, живущих рядом со мною, и на душе у меня было хорошо.

Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй

Хөөрхэн бишыхан Таня басаган амтатай каша эдихэжэ, үндэр хүлтэй стул дээрэхэнээ һууна. Яаһан энеэдэтэй зохидхон гэзэгэнүүд гээшэб даа! Нэгэ гэзэгэнь, мүргэлдөөшэ эшэгэнэй эбэрхэндэл, сэб сэхэ, өөдөө ёдойходоно. Харин нүгөөдэнь, мүргэлдэ мүргэлдэһөөр унажа булгаршаһан эбэрхэндэл, уруутаа һанжанхай. Эхэнь хүхэ атлас лентээр хоёр гэзэгыень холбоод, һөөл зохидхоноор уяжа үгөө юм байна. Теэд хэршье уяа һаань, хоёр гэзэгэнь атлас лентын зоргоор аятайханаар зэргэлээд хэбтэжэ үгэнэгүй даа.

Үүрэй сайһан огторгойн зүһэтэй яб ягаахан бүдөөр оёгдоһон оодохон платинь һарадал түхэреэхэнүүд, томо сагаануud горохтой.

Каша, кисель, компот болоод хамаг юумые жаахан Танимнай нэгэл эшэгүй моро морхогорхон модон халбагаар эдидэг юм. Энэ халбагань анханда эшэдэл эшэтэйл байһан юм ааб даа. Теэд тэрэ эшэнь хухаршоо ха юм. Тиигээд нэгэ хүн хухарһан эшыень хутагаар тайража мүлигэрхэн болгоо. Тиимэһээ энээхэн халбага энеэдэтэй хөөрхэн онгосохон шэнги болошонхой.

Энээхэн үльгэрэймнай эхилжэ байһан энэшье үедэ, бишыхан Таня, үндэр хүлтэ стул дээрээ һуунхай, мүнөөхил эшэгүй мухархан халбагаараа зөөхэйтэй творог үмхэжэл мэдэнэ.

Резинэ хүлтэй сагаан коляска тэргэдээ дадаһандаал адляар энээхэн модон халбагадаа дадашаһан басаган байха. Тиимэһээ

эшэгүй борохон энэ халбагаяа хэршье үнэтэй гоё нааданхайгаар андалдахагүй юм.

Эхэ эсэгэнь басаганайнгаа хухархай эшэтэй халбагаар юумэ эдихэдэ дурагүй байгаа. Нэгэтэ, Таниин унтаатайда эхэ эсэгэнь холторхойхон халбагыень холо нюужархиһан юм. Теэд үглөөгүүр бодоод, Таня ондоо ямаршье халбагаар юумэ эдижэ үгэнгүй, ори дуун болошобо. Бүхэтэрхэн модон халбагын түлөө бүтэхэгүй ехэ шаг шууяа татаба. Ядахадаа эхэ эсэгэнь нюуһан халбагаяа һөөргэнь гаргажа үгэбэ.

Бархирһан нюдөөрөө энеэжэ байжа — баярлаһан гээшэнь жаахан Таниин! Айхабтар үнэтэй һайхан, олдошогүй инаг илдам юумынь үхэһэнөө амидыршаһандал, ехэ баяр болобо.

— Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй олдобо!— гээд Таня халбагада Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй гэжэ һөөл энеэдэтээшье, зохидхоншье эрхэ нэрэ үгэһэн юм.

Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй гэжэ нэрлэһэн тэрэ халбагаараа Таниин зөөхэйтэй творог эдижэ байһан, мүн манай энэ үльгэрэй эхилжэ байһан эгээл энээхэн үедэ нэгэ иимэ ушар тохёолдоно. Тон ондоо дабхарта байһан, ондоо нэгэ квартирада хани хоёр эхэнэрнүүд халуун хөөрөө хэдэг гуримаараа хэжэл байна.

— Маша, би алтан шүдэ хүүлэхээеэ байнаб,— гэжэ нэгэ эхэнэр нүгөөдэдөө дуулгаба.

— Теэд алта олохонь бэрхэтэй бэшэ юм гү?— гэнэ нүгөөдэнь.

— Намда алтан байха. Арайл манай танил шүдэнэй техник, Иван Николаевич курортодо Крым ябашоо. Эгээл нэгэдэхи шанарай эрхим һайн алтатайб. Алтан шүдэтэй болоходоо залуушье, сэбэр гоёшье болохо хүн бэшэ гүб? Наранай жаахан түгдэрхэйе амандаа зуугаад ябаһандал, энеэхэдэмни алтан шүдэнһөөмни ойро тойрон толон туяа татажа байха юм бэшэ гү?!

Хоёр эхэнэр хүхюугээр энеэлдэбэ.

— Ехэл гоёор хөөрэнэш!— гэжэ Машань хани хүршэдөө хэлэнэ.

— Гоё юумын тухайда гоёор хэлэжэл байха юм бэшэ гү?— гэжэ саадань харюусаба.

Гансал энэнь хөөрөөн болоод дүүрэһэн юм. Теэд энээхэн хөөрөөень эхир түрэһэн хоёр жааханууд алтан халбагануд шагнажархиһан байба.

— Дуулаа гүш?—гэжэ алтан халбага асууба.

— Дүлии бэшэ хадаа дуулаа бэзэб,— гэжэ нүгөөдэнь шэбэнэбэ.

— Шүдэнэй тэрэ технигэй, Иван Николаевичай Крымһээ, курорthоо ерэхэдэ, бидэнэр алтан шүдэн болошохо бэшэ гүбди? Айхаар лэ байна! Һэжэглэхээр даа...

— Үшөө аман соо наранай хэлтэрхэйдэл толоржо ябаха болохо гэнэ ха юм!

— Юрын халбагануud яаһан золтой гээшэб даа. Бүхы наһандаа бүгэдэ олондо аша туһа хэжэл байха. Харин тиихэдэ, бидэнэр...

— Бүшье хэлэ даа! Бидэнэрһээ үлүү хохидолтой халбагануud хаанашье үгы...— гээд, нүгөөдэеэ бүри уяруулан, энэнь уйлан һугшана.

— Үни үмхиршэһэн арһан энэ хайрсаг соо зуун дүшэн жэлдэ хэбтэжэл хосорбобди.

— Тиимэл даа, зүб хэлэнэш. Үдэр һүнигүй унтадаг пудуушхамни хуушаржа хумхиин тооһон болошоо. Хүнэй энэ атлас үлеэжэрхёо һаа, хүхэ сэнхир тооһон лэ үрхиршэхэ.

— Тиимэл байха. Анханда зургаан эгэшэ дүүнэр бэлэйбди. Хомхой хобдог хүнүүд хойшо урагшагүй хахасуулаа, төөрюулээ. Үмхирһэн арһан хайрсаг соо анханда нүгөө дүрбэнэймнай амардаг хооһон унтари мүнөөшье хүрэтэр байна. Хаанашье юм даа, хайрата дүрбэмнай?..

— Маниие хүн хэды удаа бэе бэедээ бэлэглээ гээшэб? Хуурмаг зоной хулгайдашье тоогүй оло удаа орооһон байхабди. Гэмтэй харанхы хэрэгүүдэй гэршэнэршье боложо үзөөбди,— гээд лэ нэгэниинь уйдхартайгаар уянгалан һугшана.

— Энэ бүхы зоболомнай оройдоошье охорхон саг соо, зуун дүшэн жэлэй турша соо болоол даа,— гээд, гэншэн уйлажа, гэмэрнэ нүгөөдэнь.— Энэ бүхы манай ядарал бидэнэрэй алтаар хэгдэһэн лэ дээрэһээ болоно ха юм. Үнэгүй, юрын халбага байхаяа яагаа гээшэбибди! Яар янданшье түмэрөөр, хүнгэн һэбхи сайрааршье шудхагдаһан...

— Ядахын сагта модонһоо түнхигдэһэн байхаяашье яагаабибди? Моро морхогор модон халбагануud хамагһаа золтойл бэшэ гээшэ гү?

Һанаһан соогоо шангаар шурхирса уйлахашье эрхэгүй манай хоёр алтан халбагануud ехэл аргааханаар һугшанад. Хөөрхы даа, эдэ хоёрой ябадалда элдэбын хохидол ехэл олон ушарһан байба гээшэ хадаа.

Эзэн эхэнэрэйнгээ дэлгүүр ошохые алтан хоёр халбага дуулаба. Гаража ошоол хадаа нилээд үни болохо даа. Одоолшье, эдэ хоёрто элдин байдал, эрхэ сүлөө бии болошобо. Ахир һүүхэгэр эшэ дээрэнь алтан шара шулуу һуулгажа, үни сагта алташа дархашуул үбсүү бэеыень гоёогоо.

Юу хэхэ, яахамнай гээшэб гэжэ алтан халбагануud шэбшэнэ, үни удаан эб зүбөө мэдэлсэнэ.

— Алтан шүдэн боложо хосоронгүй арилангаа арилха мүртөө, уяанда маниие эды удаан бариһан энэ эзэн эхэнэрээ нэгэ бага хэһээхэ байна.

— Ошоол хадаа хэһээгээ гээшэ бэзэбди даа. Шүдэнэй тэрэ техник Иван Николаевич гэдэгынь лэ үглөө-мүнөө бү ерэһэй даа.

Уе уе дундаа арсалдаадшье абана. Үнэтэ хоёр халбага үни удаахан лэ зүбшэнэ даа. Эсэсэй эсэстэ ехэл мэхэтэй, хүхюун, һанаа үнөөндэ ороогүй, һонин арга түсэб зохёобод. Теэд лэ тэрэ һанаашынгаа ямараар бэелүүлэгдэхые һанахадаа алтан дүүхэйнэр бэеэ барингүй, эльгэ хаталдана. Хоёр хөөрхэн халбага, согтой зугаатай болонхой, альга ташан баясанад.

***

Зай иигээд лэ саашадаа юун бологшо ааб даа? Үгы иихэдээ, мүнөөхи энеэдэтэйхэн эбэр хоёр гэзэгэтэй Таня басагантай тэрэ зэргэ ехээр эжэлшэһэн эшэгүй бүхэтэрхэн Бэгзүүхэй халбагамнай хаана гээшэб? Шүүдэрэй уһандал бэлсэгэрхэн шүрэ хуба шэмэгтэй алтан дүүхэйнэр арһан хайрсагаа орхингоо орхижо, али тээшээ зугадагшааб? Тэдэнэй замда ямар уйдхар ушарал тохёолдогшо ааб? Теэд лэ боложо үрдеэгүй, болохоёо байһан али бүхы юумэнүүдэй һонирхол ехэтэй байдаг ёһоор мүнөөшье болохо юумэн мүн лэ бидэниие һонирхуулнал даа.

***

Үхибүүд аалихан лэ һуужа шагнагты. Бидэнэр яһан гаажа халбаганууд ай ямархан һанал түрүүлһые саашадаа бултыень мэдэжэ абахабди.

Харанхышье гээшэнь аргагүй. Хахад һүни болошобо...

Хамаг бүхы наһан соогоо, зуун дүшэн жэл соо алтан дүүхэйнэр хахад һүниин үедэ нэгэшье удаа иигэжэ хүлгөө, хүдхөөгүй юм. Али юумын абяагүй хон-жэн болоходо, хоюулан арга түсэбөө дүүргэхэеэ алтан хүл дээрээ астайхажа бодоодхёо. Эзэн эхэнэрынь, арһан хөөргэ үлеэһэндэл, абяатай шангаар хурхиржа, һүүжэеэ урилха сүлөөгүй унташанхай. Алтан дүүхэйнэр кухнида ошожо, тэндэхи али бүхы халбаганууд ые бултыень һэрюулбэ. Залуу хүгшэншье, жааханууд, ехэнүүдшье гуша юһэн халбага бултадаа хахад һүни дунда һэришоод гайхажа байба. Юушье ойлгоо мэдээгүй, нойртой халбагануудэбһээлнэд, нуняанад. Алтан дүүхэй айлшадтаа ашагүй уурлахашье шэнжэтэй. Үни заяанда үбгэн Макарай үлирэй эшэ түнхижэ хэһэн эгээл зантагар томо, бултанай аха заха халбага урагшаа хоёр алха даб гээд, нюргаяа үргэлэн зогсобо. Тиигээд ехэл енгүүтэй хадхуугаар, ёгтолон дээрэлхэжэ асууба:

— Аржагар мүшэтэй һүни дунда алтан дүүхэйнэр ямар тиимэ яарал ушараар яндан простой халбагануудые хүлгүүлбэ гээшэ хаб?

Алтан дүүхэйнэрэй амаа ангайжа үрдеэгүй байтар, бүхэтэр болотороо каша худхаһан гуулин шабганса гуримгүйхэнөөр хоро малтажа ороно:

— Ялбагар талбагар эдэнэрнай ямар ушараар ерэбэ гээшэб? Город соохи эгээл, гоё гоо хэд бэ гээ һаа эдэл хоёр юм бэшэ гү? Эдэ хоёрые зуун дүшэн жэл соо атлас пудуушха дэрлэнхэй амаржал хэбтээ юм гэлсэдэг. Арһан хайрсаг соогоо амияа бүтэжэ үхөөгүйнь лэ гайхалтайшаг. Баарһад даа, бархат хилэн хабхагаа жүжэгэр хүлөөрөө үдьхэлөөд лэ хэбтээл ааб даа... Эдэ хоёрһоо юу абахабши. Алтан хадаа аргагүй ямбатайл байһан байха... Удэрэй сүлөөтэй эдэнэрэй һүниин зоргооршье зайхада хэн боли гэхэб?

— Нээрээгээл хэлэнэт, хүгшэн абгай! Эдэнэршни ажалшадаа найрадаггүй, алтандаал найрадаг ха юм.

— Хаягтыл даа саашань, бү тоогты. Ехээр бэеэ бү үриг! Алтан халбагада амаа галдажа һууха ахамад хаашуул, императорнууд хосороо, һалаа юм гэжэ мүнөө болотороо ойлгоногүй юм аа бы?! Мүнөө тиихэдэнь эдэнэр: «бидэнэр алтамди, бидэнэр алтамди» — гэжэ байжа тангаралдаха.

— Байгты даа! Али эдэ хоёр алтан дүүхэйнэр аргагүй һүрхэй болобо гээшэ ха гү? Али түрэ хуримдамнай түргэн ошыт гэжэ ерээ юм гү? — гэжэ байжа, хомхой нэгэндэ холто хазуулһан, модон халбага мохигононо.

— Ши дуугайл даа саашаа! Бусадай хэлсэхые дуулаад һуу саашаа! Яатараа ярьялдашаһан халбагануул гээшэб, эдэш! Шагнаял даа... Хэлэгтыл даа, ерэһэн ушараа...

Гоёхон хоёр дүүхэйнэрэй гомдоһон голхорһоншье гээшэ аргагүй даа. Ушар удхаяа мэдэлсээгүй аад, иихэдээ юундэ эдэнэр арбан тээһээнь ар-яр гэлдэшэбэ гээшэб?

— Модон түмэр, сайр гуулин байһандаа таанар зэмэтэй бэшэт. Алтан дүүхэйнэр түрэһэндөө бидэнэршье зэмэтэй бэшэбди... Хүнүүд бултадаа халбагын дүүргэдэг хамаг ехэ үргые огто мэдэдэггүй. Огто мэдэдэггүй... Үлэсхэлэн хооһон болоходоол «халбагамнай хаанаб?» — гэлдэжэ, шоодбори халбагаяа һанаандаа оруулдаг.

— Энэ тон зүб... Зүбыншье зүб лэ даа...

— Бидэнэр энэ гэрһээ ошонгоо ошожо, ябангаа ябахамнай... Маскарад парад хэжэ манаа үдэшэхэ бэшэ аалта?

— Хайшаа ошохотнайб?

— Юун болооб?

— Эндэ ажалгүй байжа хашараабди. Үшөө тиигээд эзэн эхэнэрнай шүдэнэй техник Иван Николаевичай Крымһээ, курорthоо ерэхэдэ маниие эмдэжэ, амаараа дүүрэн алтан шүдэ хэхэеэ һанаа. Тиигээд үнэтэй пирожно үмэр-үмэр үмэлхэеэ һанаа...

— Ай зайлуул!

— Хөөрхы даа!

— Яаһан тодхортой юумэ гээшэб! Эдэнэйнгээ иимэ тодхорто орохоёо байхада үшөө үргэ хэлээ хурсадажа байхабди...

— Тэрьелэгты... Гарта оронгүй арилагты...

— Нээрээшье зүб... Бидэнэр үгээ нэгэдээд, парад маскарад түмэн халбагын түүхэтэ ехэ һайн үдэр хэжэ, эдэ хоёроо үдэшэе...

— Теэд бидэнэрэй булталараа парад маскарад хэжэ, алтан дүүхэйнэрые үдэшэжэ, арба минганай митингдэ ябашахада хүнүүд яаха гээшэб? Хайшан гэжэ эдеэлхэ гээшэб?

— Жоро жолжогорхон абгамни, һанаагаа бү зобол даа. Хүн гээшэшни юумэ эдихэ болоходоо аргатай, шадабаритайл байха. Нэгэшье хүн тэрээхэн зуура халбагын үгы болоһондо харанхалжа унахагүй. Туража үхэхэгүй. Хүхюу шог зугаа гаргажа, хүниие залд гүүлэн сошоожо, наада харахадашье һонин байна... Яадаг юм ааб хүнүүд?

Энэ кухни соо байратай залуу хүгшэншье, зантагар ядагаршье, бүхэтэр сэхэшье, үндэр набтаршье гуша юһэн халбага ехэл баяртай хүхюунүүд. Хамаг хөөрөөгөө хамагһаа нюуха гэжэ хатуу тангариг абанад. Хүнэй гашуун горчица удхадаг хамагһаал заахай хоёр халбага аргагүй ехэ баяртай альга ташан гүйлдэнэ. Мангир удхадаг маяаханшье нэгэ халбага һөөл хүхюутэй.

Алтан халбагымнай аян замай бүхы хэрэгынь шара тоһотой барайгарай каша дээгүүр һолжорһондол зохидхоноор бүтэхэдэжэ эхилнэ. Энэ город соо, манай алтан дүүхэйнэрэй байдаг гэрһээ тээ холохон, углуугай саана, Ехэ хүүргын үйлсын 14-дэхи гэр байдаг юм.

Хойто үдэрынь, хахад һүниин харанхыда алтан дүүхэйнэр тэрээхэн гэртэ орошобо. Тэрэ гэр соо офицер айлайхи байдаг байба. Тэрэ айлай ехэшүүлһээ хэншье гэртээ байбагүй. Эхэ эсэгэнь хүршэ айлдаа лото карта наадахаяа ошоһон байжа, гэртээ гансал жаахан Алёнушка бүхэ нойроор унтажа хэбтэбэ. Алтан дүүхэйнэрэй энэ гэртэ хамагһаа ехээр айһан юумэнь офицер эзэнэй айхабтар ехэнүүд, ялбайтар сэбэрлэһэн хоёр сабхи гуталнууд лэ байба. Хэнэйшье хүлдэ углагдаагүй хорхойлдожо байһан хоёр сабхи гэб гэнтэ урагшаа даб гэжэ алхалаад, бидэниие гэшхэжэрхижэ болохогүй юм аа гү гэжэ алтан дүүхэйнэр ехэл айн һалганалдажа, амияа татан һүрдэжэ, тэдэниие тойрожо гараба.

Офицер айлай кухни соо ехэл олон хүхюу гоё халбагануд байжа байба. Эндэ айлшад ходо ябадаг байбал гээшэ ха. Энэ

айлай халбаганууды хабатай хүхюу наада зугаадаа хабаадуулан идхахань ехэшье түбэгтэй ажал бэшэ байба. Урагшаа шударгуу уһан жорхой байхадань алтан дүүхэйнэр ашагүй баяртай.

Алтан дүүхэйнэрэй халбаганууды хамтын хэрэгтэ хабаадуулан номножо байһан тэрэ үедэ аятайханаар унтажа хэбтэһэн офицерэй Алёнушка басаган аб адлиханууд алтан хоёр бүмбэгэ олоноб гэжэ зүүдэлбэ. Ехэл баяртайхан нойр соогоо миһэлзэн энеэхэдэнэ.

Алтан дүүхэйнэрнай амтан нойроор унтажа хэбтэһэн Алёнушка басаганда аргагүй хурдаар мухаридаг алтан хоёр бүмбэгэ боложо, зүүдэндэнь харагдаа гээшэл даа.

— Эндэ хэлэһэн хамагаа бүрин гүйсэд дүүргэхэ бэзэт?—гэжэ алтан дүүхэйн нэгэн асууна.

— Танай захиргаае бүрин дүүргэхэбди!— гэжэ хамаг халбаганууд бултадаа нэгэн дуугаар нирд гэбэ. Алтан дүүхэйнэр иимэ эбтэй шанга харюуһаа залд гэжэ абабад. Эдэ халбаганар эгээ дэмы офицер айлай кухни соо ажаһуунагүй гээшэ ха. Эзэниинь зунай үеын сэрэгэй лагерьта ошоходоо эдэ халбаганарай нэгые абаашадаг, тэрэнь тэндэ солдадуудай командирнуудтаа яажа харюусадагые дууладаг, эндээ ерээд, хараһан дуулаһанаа хамаг нүхэдтөө хөөрэдэг байһан лэ байба гээшэ ха.

Алтан дүүхэйнэрэй гаража ошомсоор унтажа хэбтэһэн Алёнушка олзо хоёр бүмбэгэнүүдни хайшаашьеб мухарижа, ошонгоо ошожо, ябангаа ябашаба гэжэ зүүдэлбэ. Олзо бүмбэгэеэ бэдэрнэб, олдоногүй гэжэ зүүдэлһэн Алёнушка ехэл урмагүй боложо, унтаан соогоо уршыжа дурбииба. Тиигээд Алёнушка ондоо юрынгөө зүүдэ, харадаг хуушан зүүдэнүүдээ, улам саашань үргэлжэлүүлэн харана.

Яаһан һүрхэйхэн Алёнушка басагатай офицер айлайхи гээшэб?!...

***

Энэ бүхы юумэнүүд апрель һарада болобо. Апрель һарын дүүрэхэдэ, хүн зоной, хүхы шубуудай, сэнхир сэсэгэй, шэнхинүүр горходой бултанайнь һайндэр — Майн нэгэн заатагүй ерэдэг гэжэ бидэнэр бултадаа мэдэхэжэл байнабди. Теэд лэ энэ жэлэй

Майн нэгэнэй һайндэрые гансал хүн зон, хүүгэд үхибүүд бэшэ, хүн бүхэнэй бултадаа үдэр бүри юумэ эдидэг хөөрхэн жаахан халбагануud һайндэрлэлсэхэнь бэшэ гээшэ гү? Зүб лэ даа, хүн бүхэнэй үдэртөө гурба дахин эдеэлдэг халбагануud!

Зай, саашаа юунэй болохые хараха дуулахаяа, нюдөө хараад, шэхээ шагнаад лэ һууха... Бэшэниинь манай хэрэг бэшэ... Мандаһан юумэнь мандажа, мартагдаһан юумэнь...

— Үү даа!.. Нүхэд, мүнөөхи түхэреэн онгосо, эшэгүй жаахан халбага, Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэймнай мартагдашоол!.. Яагааб даа, Таня басаганай Бэгзүүхэй... Теэд тэрээхэн жаахан Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй бүхы халбагануудаараа хамта бүгэдын наадандa хабаадаха гээшэ гү?

Һайндэрэй урдахи һүни манай алтан дүхэйнэр Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэйе урижа, хоёрдохёо ерэбэд.

— Үгы, үгы, үгы!— гэжэ Бэгзэгэрхэн Бэгзүүдэй гурба удаа хэлэжэрхибэ.— Үгы! Ошохогүйб гэжэ хэлээб! Минии хэлээл һаа, хэлэһэн үгэмни — хуули! Гуйхашье хэрэгтнай үгы!

— Хамаг халбага хамтын парад маскарадта хабаадалсахаяа байна ха юм... Яахадаа ошохогүйбта?

— Яахадаа ошохо ёһотой болообиб? Би энэ город соо эгээл хүгшэн, эгээл бүхэтэр муу халбага байһан байжашье болохоб. Намайе өөһэдөө хаража байна ха юмта... Хэрбээ Таня басаганай намайе өөртөө абаагүй һаа, эхэнь намайе үни заяанда угаадаһанай нүхэндэ хаялсахал байһан байгаа... Минии ябашоо һаа, Таня хайшан гэжэ эдеэлхэ юм? Намда дадашаһан басаган гүбэ...— гэжэ Бэгзэгэрхэн Бэгзүүдэй «алтаншье халбагын ойронь байгаа һаа, тэрээгээр каша эдихэгүй басаган» гэжэрхин алдаба. Теэд лэ яагаа бэрхэ амаяа хам бариба гээшэб! Тиигэжэ хэлээ һаа, алтан халбаганар маниие дайрана гэжэ өөнтэгэрхэхэ, гомдохо байһан байгаал. Тиигээд Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй үргэлжэлүүлнэ:

— Би өөрөөшье Таня тээшээ татагдажал байдаг болошооб. Үгы даа, үгы... Намайе ошохо гэжэ найдажа дэмы... Али бүхы аха дүү халбаганартаа һайндэрэй баяр хүргөөд, эхилһэн энэ наадаяа гуримтай һайханаар бэелүүлхые үнэн зүрхэнһөө хүсэнэб!

Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэйе парадтаа урижа дэмы гэжэ ойлгоһон яб ягаахан шулуутай алтан дүүхэйнь хэлэбэ:

— Яагаа һүрхэй, омог огсом юм! Харыт, энэ эшэеэ хухаржа, элиһэн холоһон Бэгзүүхэйе!

Ноб ногоохон шулуутай алтан дүүхэйнь:

— Хэн мэдэбэ даа. Үнэхөөрөөшье Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэйн хэлээшэ зүб байжа болоо. Эжэлшэһэн басагаяа орхёод, иишэ тиишээ жороолходо муушье ябадал байһан байжа болоо гэбэ.

Заримандаа холуур ойгуур гороолдог жороолдог гоё һайхан халбагануud хубхай хуурай байгаад, юрын борохон Бэгзүүхэйнь тон үнэншэ байжа байхаяа ядадаггүй... Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэйн хэлэжэ байхада, би тэрээхэн жаахан Таня басаганда ашагүй атаархажа байгааб.

***

Зай, Майн нэгэнэй үглөөгүүр юун болооб? Майн нэгэнэй үглөөгүүр энеэдэтэй һонин юумэнүүд ехэл олон болоо даа. Гэр бүри хүл хүлгөөн. Бүшье хэлэ даа... Тархи толгойн эрьешэхээр!.. Хамаг бүхы гэрнүүдтэ «халбагамнай хаана орошобо гээшэб?» «Халбагамнай үгыл! Яашаба гээшэб?» — гэлдэнэд. Теэд ганса халбага бэшэ, харин хутага, һэрээ, вилкэнүүдшье халбагатаяа хамта ябалсашаһан байба.

— Энэ гэрнай шүдхэртэйл даа!.. Шүдхэр лэ нюуһан байха. Бурхандаал мүргэгты гэгшэл хамнайб! — гэжэ байжа нэгэ ерээд наһатай шабганса эмшэгэнэнэ. Телефоной алишье утаһаар, алишье номерто халбага, вилкэ, хутага тухайл хөөрэлдэнэд. Манай алтан дүүхэйнэрэй эзэн эхэнэр милициин хамаг бүхы отделенинүүдтэ хонходоод, саг гани болоно: «Жүүлигүүд алтан халбагыем хулуугаа! Оложо бусаагыт! Алтан шүдэ хүүлэхээе байһан хүнби!..»

Городой нилээд олон гэрнүүдтэ эдихэ юумэеэ, узбегүүдэй плов эдиһэндэл, хургаараа абажа эдинэд. Хутага халбагын, һэрээ вилкын үгы болоһондо үлэсхэлэн хооһоор ябахагүй ха юмши! Городой ариг сэбэрые хамгаалха ахалагша инспектор эдеэнэйнгээ столдо һуугаад хэлэнэ:

— Инструкциин ёһоор һаа... һэ... һэ... Вилкэгүйгөөр, гараараа эдижэ болохогүй. һээ-һээ!.. Хурганай хюмһанай саана элдэб

микроб байха! һэ-һэ!.. Инфекци боложо болохо! Отравлени!.. һэ... Тиимэшье һаа... Ганса удаа хадань...

Майн нэгэнэй һайндэршье һаань, наймаанай министр туһалагшаяа ойрын город самолёдоор мордохуулба.

— Зуу мянган халбага, зуун таба мянган хутага, зуун таба мянган вилкэ олонгүй бү буса!— гэжэ хэлээд, гарынь бариба.

Городой Советдэй түрүүлэгшэ ехэл сухалтай кухни соогуураа урагша хойшоо ябасагаана. Тиигэн байтараа столдоо һуугаад, авторучкынгаа өө мөөгүй монсогорхон эшэ талаарнь котлет эдибэ.

— Яаһан юумэ гээшэб, халбага, вилкэнүүд үгы болошоходоо?! Нэгэ үглөөгүүр һэрихэдэмнай үйлсымнай бүхы модод, фонарьнууд, пеэшэнэймнай хоолойнууд, трамвайнууднай нэгэ тээшээ ябашаһан байхагүй юм бэзэ?!

Хамагһаа жаахан Таня басаганай унтаад һэрихэдэ хажуудань Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэйнь байжа байба. Таниин хаража хэбтэхэдэ, Бэгзүүхэйнь бэрхэеэ һайрхажа, стол дээрэ ехэл хүхюугээр дэбхэржэ дуулана:

Алтан шэрэтэй бэлэйл һэм, бэлэйл һэм!
Анхан сагта гоёл һэм, гоёл һэм!
Улаан шэрэтэй бэлэйл һэм, бэлэйл һэм,
Ууган сагта гоёл һэм, гоёл һэм!

Хөөрхэн халбагань эршэгэнүүртэл эрьелдээд, эрьелдээд абана:

Хүнэй үгэдэ орохогүй, орохогүй,
Хүгшэн шоно Бэгзүүхэй, Бэгзүүхэй!
Бусадай үгэдэ орохогүй, орохогүй,
Булгаатайхан Бэгзүүхэй, Бэгзүүхэй!

Хамаг зоной халбагын түлөө хүлгэжэ байхада бүхы город соо гансал Таня басаган амар амгалан. Үндэр хүлтэй стул дээрэ һуунхай, эшэгүй хөөрхэн халбагаараа эжынгээ шанаһан гэршүүхын каша ехэл амтатайханаар, ганса үрэһэ газарта унагаангүй эдихэдэнэ.

— Манай Таня хамагай һүүлдэ шүүжэ һалабал... — гэнэ эхэнь.

— Энэмнай ухаатай сэсэн, мэхэтэйхэн үхин ха юм даа,— гэжэ эсэгэнь басагаяа өөгшөөн эрхэлүүлнэ.

Городой эгээл нүгөө захада, хүхэ нуурай эрьедэхи дачадаа байдаг, ажал хэдэггүй, аралжаа наймааша, хүниие мэхэлээд, хүзүүн дээрэнь һуудаг хүнэй халбага, вилкэнүүд хамагһаа түрүүн тэрьелжэ, арилангаа арилһан байба. Теэд тэрэ хулгайн юумэ хуряажа садашаһан амитан:

— Би холын городһоо мүнгэн халбага, һэрээ захижа асаруулхаб! — гэнэ. Тиигээд модно велюр шляпын зэргэ томо шанагаар галуунай мяхаар шанаһан ууралтама шүлэ удхаад лэ ууна. Хорин сантиметр утатай дун сагаан лабшаа шалхагар улаан хасарыень шаб байса сохёод лэ, аман хударнь абяатай шангаар шуурдшуурд гэжэ ороно.

Халбага, вилкын ушарһаа хаа хаанагүй иимэл юумэ энэ город соо болошобол даа.

***

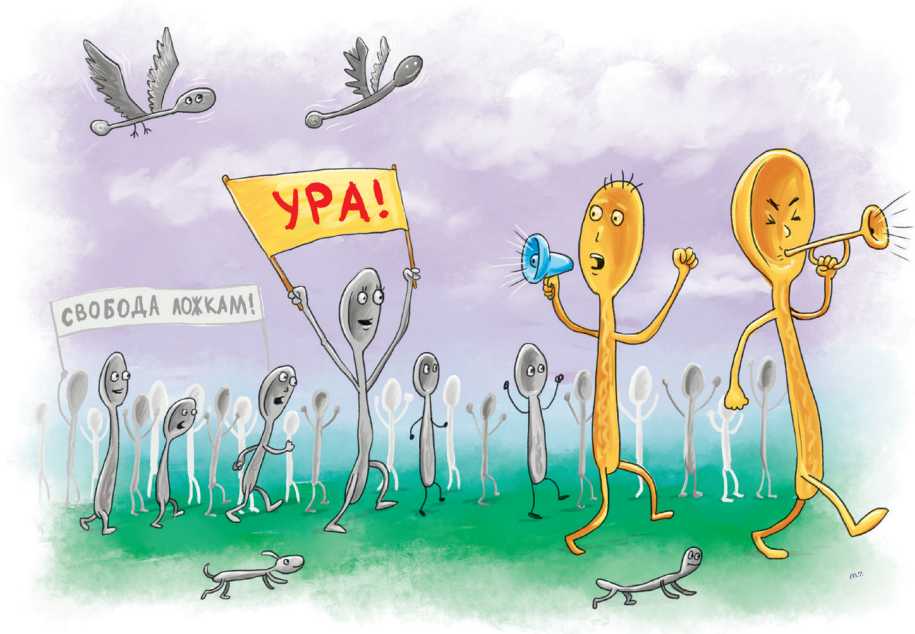
Эгээ энэ үедэ городһоо тээ холохон, пионерэй лагерьнуудай байдаг хүхэ ногоон зүлгы шадар, инвалидуудай гэрһээ тиишэ ехэл үй түмэн халбага, хутага, вилкэ хамтаршаба. Хатар танцаа хэхэ, хоровод ёохор наадаха гээшэнь аргагүй! Арбан зургаан шуран солбон хутага хуй һалхин түргөөр эрьелдэжэ, украинын гопак хатарнад. Арбан зургаан ехэл гоё һайхан угалзатай халбагануд тэдэнэртэй наадалсана. Халбагануд эндэ тэндэ сугларна, зүбшэнэ, шэбэнэлдэнэ. Ехэл хүхюунээр энеэлдэнэд. Адресуудаа андалдана. Бэе бэеэ шэнэ дуу танцада һургана. Харыт тэрүү тэрэ, үндэр һүеытэй ногоон туфли үмдэһэн, яаһан гоёхон хоёр мүнгэн халбагад гээшэб!

Тээ саана нэгэ улаан шара шарайтай, арьягар томо гуулин халбага элдэб анекдот хөөрэнэ. Тойрожо байгаашадынь хүхэ модон!

— Гэдэһээ хаха энеэхэмни!.. Аргамни һалаа, аргамни болёо! — гээд оодон түриитэй үмдэтэй вилка саашаа гүйжэ ошоно.

***

Арбаад мянган пионернүүд һайн үдэрэйнгөө наада сборто жагсахынгаа урда хүхэ зүлгэ дээрэ һуунад. Тэрүү тэрэ ой соо байдаг ажалай үтэлһэн ветерануудай байшангһаа ерэһэн хүг-



шэд, үбгэдшье һуулсана. Теэд гэб гэнтэ, долоон хуурай хуһа зэргэлүүлжэ хэһэн горхоной гоёхон хүүргэһээ сааша нэгэ ехэл һонихон хүгжэм дуулдаба:

— Ямар хүгжэм гээшэб?

— Би иимэ зохидхон хүгжэм хүншье болоһоор дуулаагүйб!

— Оперын увертюрэшье, симфониин хэһэгшье бэшэ.

— Шэнэ марш бэшэ гү?

— Яаһан һонин марш гээшэб! Маршал даа, лаб марш...

— Ерэбэл!.. Ерэжэ ябанал! — гэжэ Володя пионер хэлэбэ.

— Дуугайгты!.. Хараад һуугты. Үнэхөөрөөшье дорюун хонгёо абяатай долоон хуһан хүүргыень хүндэлэн гараад, дорюун гэхэдэ дорюуншье бэшэ, энеэдэтэй гэхэдэ энеэдэтэйшье бэшэ, һөөл хөөрхэн, харагдаа үзэгдөөгүй һонин парад дүтэлжэ ябанал.

Жэрэг-жэрэг..., Жэрэг-жэрэг...

Хамагай түрүүндэ хаһатай гоёор яларжа, алибаа дайнда илаһан алдар солото хоёр фельдмаршал шэнгеэр алхалжа, алтан хоёр халбага ойртоно. Алтан хоёр халбага алтан малтайтай, алтан по-

гон, шагтатай, алтан бүһэтэй. Али бүхы орден медалиинь хуу алтан. Алтан хоёр фельдмаршалай үмдэжэ ябаһан үмдэниишьье, салигар гоё сабхиинь хадааһаншье хуу алтан!

Жэрэг-жэрэг... Жэрэг-жэрэг...

Алтан хоёр фельдмаршалай удаа мүндэгэр сагаан генералнууд болошоһон мүнгэн халбагануд колоннодоо наймаараа зэргэлээд, булар хүрьһэ булга гэшхэн алханад. Орой дээрэнь хармаанай пулаадай зэргэ хүрин торгон туг, мүнгэн сасаг монсог хиидхүүлэн намилзана. Туг дээрэнь: «Мандуулһан агуу баяраа, манай пионернүүдтэ хүргээе!» гэжэ алтан утаһаар оёһон. Саанань хүгжэмшэдэй колонно хүхюу баяртай алхалжа, энеэдэтэй жаахан гуулин труба үлеэжэ, альганай зэргэхэн арһан барабан наншанад. Хүгжэмшэдэй хүхюу колонно үнгэржэл, үнгэржэл байна.

Жэрэг-жэрэг... Жэрэг-жэрэг...

Саанань гуулин халбагануд гуримгүй хүхюу өөрын марштай, шара торгон туг дээрэнь гал улаан утаһаар: «Гуша мянган гуулин халбагын амаршалга!» гэжэ бэшэнхэй. Саанань гурба-дүрбэн жадатай винтовко буунуудые үргэлһэндэл адли һэрээ вилкэнүүд һэнгэргүйгөөр һөөл гоёор һөөм һөөмөөр алханад «Харааһанаа хадхаад абадаг һэрээ, хамтынгаа эбтэй парадта ерээ!»—гэһэн бэшэгтэй ногоон торгон туг. Һэрээ вилкын колонно дээгүүр намшагтай гоёор налбана. Саанань хуяг үргэһэн хутага мэргэшүүл, дорюун эритэ донгорог баатаршуул бусадта булигдахагүйбди гэжэ алхалнад. Орой дээрэнь хүрин торгон туг. Туг дээрэнь туяа татуулһан үзэгүүд: «Хамагые бүтээдэг уран хутагын халуун баярые абагты, худагы!». Наранда хутагын эри ялаг-ялаг гэнэ. Колонно үнгэржэл байна.

Жэрэг-жэрэг... Жэрэг-жэрэг...

Теэд тэдээнһээ хойшо эб эмхигүй уй түмэн һэрээ, халбага, хутаганар худхаршоод, хүл хүлөө гэшхэлсэн ябана. Зариманиинь дуу дуулана, нүгөөдүүлынь шүлэг уншана. Нэгэ һолоомон шляпатай халбага һөөлдэшэһэн хоолойтой гармошкоор наадаад һалажа үгэнэгүй. Тооһо шорой үрхиршэбэ. Эгээл хойнонь тулгууртай хори-гушан халбага гээгдэн һагад ябанад. Эгээл хамагые эсэслэжэ, таяг тулаһан хоёр инвалид халбага ашагүй юумэнүүд яаража гарана.

Арба мянган пионернүүд альга ташажа үдэшэбэ.

Үргэн ехэ уһанай саана гараад, жагсаалда ябаашаднай уһанда шунгаха, элһэн дээрэ бэеэ наранда шараха гэлсэбэ. Хамаг хутага, вилкэ, халбагануud бултадаа шунгажа, тамаржа жаргана. Харин манай алтан хоёр дүүхэйнэр лэ уруу дуруунууд.

— Таанад уһанда орыт, шунгыт!

— Бидэнэр уһанай оёорто шэнгэжэ, элһэндэ хушагдахагүй гүбди?

— Үгы, үгы, шэнгэхэгүйт!

— Шунгаяы!.. Уһа мүрэнэй оёорто шэнгээшье һаа, үмхиршэһэн харанхы арһан хайрсаг соо, хумхиин тоохон атлас дээрэ хэбтэжэл байһанһаа холо дээрэ!

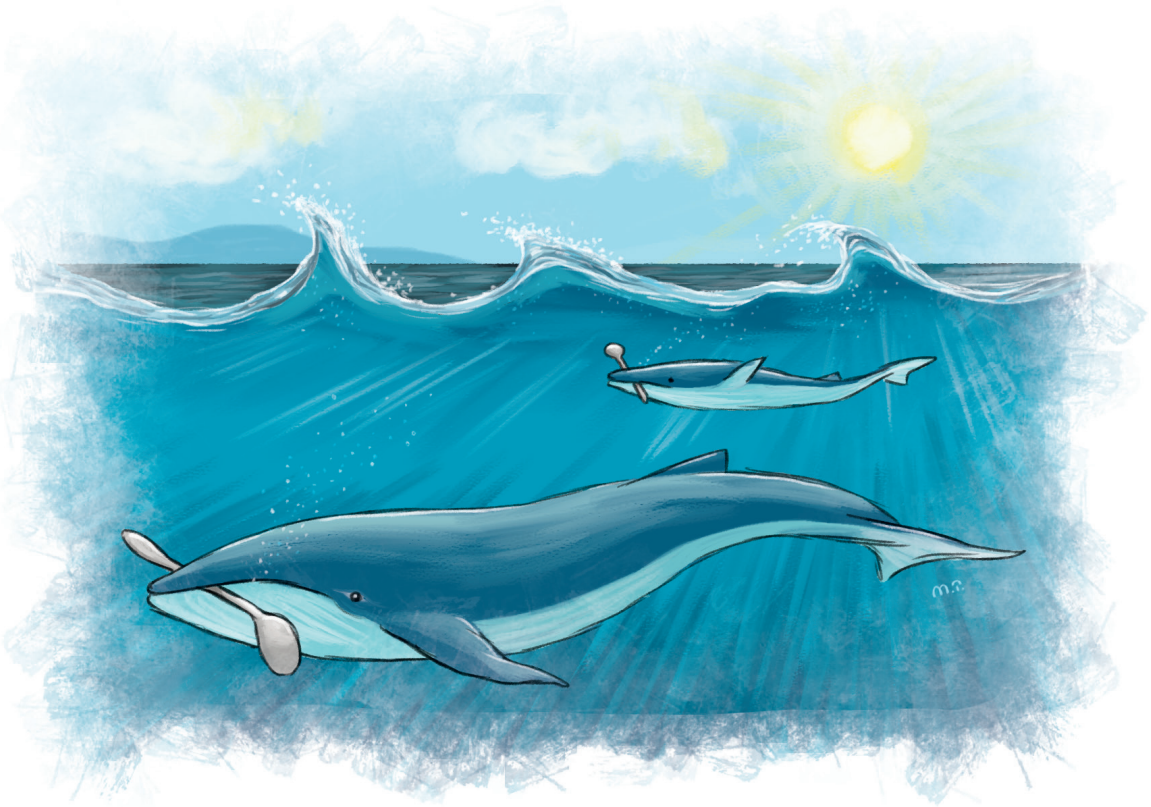
— Нээрээшье тиимэ гээшэ ха!.. Уһа мүрэнэй оёорто шэнгээ һаа, үдэртөө үндэр тэнгэридэ сагаан үүлэнэй тамархые харахабди.

— Зүб!.. Зүб!.. Һүниндөө одо мүшэдэй ониб-аниб гэлдэхые, уһанай нюрууе нэбтэ хаража баясахабди... Хүхэ ногоон долгиной хүдэлэн урилдахые хаража хэбтэхэбди. Шунгая!.. Шэнгээшье һаа шэнгүүжэбди!

Хоёр алтан дүүхэйнэр хобдол үндэр эрьеһээ гүн мүрэн тээшэ дэбхэршэбэд. Хоёр һайхан дүүхэйнэр сагаан сахариг угалзатай номин ногоон долгин худар шолд гэжэ орошобод. Уһанда шунган гэхэдэнь тэдэ хоёрые хомхой хоёр хүйтэн хүдхэ сурхайнар ябууд дундань залгижархиба.

Орой һүни болоходо али бүхы халбага, һэрээ, вилкэнүүд гэр гэртээ баяртай бусабад. Харин алтан хоёр дүүхэйнэрнайл арааta хүйтэн сурхайн гэдэһэн соо ябанад. Сурхайнууд хойто зүг баряад, Байгал тээшэ ябана. Алтан дүүхэйнэр сурхайн гэдэһэн соо алтан галта фонарь шэнги толотоно... Тэдэнэй ойро хомхойрһондоо арьягар томо гуулин вилкэ залгижархиһан нэгэ сурхай баһал хойшоо шэглэнэ.

— Халбагамнай ерээ, хутагамнай бусаа! — гэжэ хүнүүд хөөрэлдэнэ. Алтан халбагын эзэн эхэнэр ехэл уруу дуруу. Газаа ябахадаа, трамвайда һуухадаашье, автобусһоо буухадаашье алтан шүдэтэй хүнүүдые хараха бүреэ тэдээнээ һанана. «Энэ хүн минии хоёр алтан дүүхэйнэрээр ама дүүрэн алтан шүдэ хүүлээд



ябана бэшэ гү!» гэжэ алтан шүдэтэй хүнүүдые хараха бүреэ hанана.

Таня басаган хүнэй үгэдэ ородоггүй хөөрхэн жаахан Бэгзэгэрхэн Бэгзээхэйдээ бүри мээхэй болоно.

Иигэжэл городой али бүхы халбага, вилкэ, хутаганар хабарай hайхан парад маскарад хэжэ, нэгэтэ сэнгэhэн наадаhан юм. Зуун дүшэн жэлдэ түрмэ баряанда, далда нюуса байhан хуби золгүй алтан хоёр дүүхэйнэрэй намтар иимээр, уйтайгаар эсэслэшэhэн юм.

Иигээд лэ үльгэрнай дүүрэжэ, таабаримнай таhалдабал даа.

Ойлгоогүй хүүгэд үглөө баhа ерэгты, ойлгуулжа дахин хөөрэхэбди. Ойлгоhон хүүгэд унтаридаа ошогты. Үглөө болотор унтажа, энэ манай үльгэрhөө үлүү гоё зүүдэээ үглөөгүүр болотор, үглөөгүүр боложо үүрэй сайтар, үүрэй сайжа нара гаратар харагты.

Нохой морин хоёр

Нэгэ нохой садатараа эдеэлээд, хотон соогууpаа хойшо урагшаа хатаржа ябажа, «хон-хон» хусана. Тиихэдээ бил гансаараа бэрхэб гэһэн хэбэртэй бэеэ магтана:

— Хорёо дүүрэн хони ямаан, хашаа дүүрэн үхэр мал, абдар дүүрэн алта мүнгэн, амбаар дүүрэн арбай таряан — эдэ булта минии хаража манажа байһанай ашаар бүрин бүтэн байна бшуу,— гэжэ байжа «ёр-ёр» хусана, газаагуур ябаһан амитан бүхэндэ өөдэрхэнэ.

Эзэнтэеэ хамта бүхэли үдэртөө газар хахалаад, амаржа байһан мориндо тэрэ нохой туласа гүйжэ ерээд, баһа дахин үнөөхиеэ «ёр-ёр» хусажа байжа өөдэрхэхэдэнь, морин иигэжэ хэлэбэ:

— Дан ехээр өөрыгөө үргэдэг, дан ехээр бэеэ магтадаг ахир лэ зантай амитан байнаш даа. Шинии тухайгаар ажал хэдэг амитад олон байха даа. Минии эзэнтэеэ хамта газар хахалаагүй һаа, шинии эдихэшье, харахашье юумэн байхагүй һэн,— гэбэ.

* * *

Би ехэ юумэ хэнэб гэжэ бэеэ магтадаг хүнүүдшье эндэ тэндэ бии бэшэ аал?

Мэхэлхэдээ мэргэн аад, мэдэхэдээ мохоо

Үргэн ехэ талын дунда нэгэ үнэгэн хээрэ хэбтэһэн годли олобо. Тэрэ годлиин булсуу гурба-дүрбэн нүхэтэй байгаа. Яагаадшьеб үнэгэн тэрэ нүхэнүүдыень тооложо оробо. Годлиёо хүлөөрөө мухарюулна мухарюулна. Нүхэнүүд гаражал гаражал байна. Үнэгэн тоолоно тоолоно — барагданагүй. Тоогоо мянга хүргөөд, үнгэн амархаяа хэбтэбэ. Гэнтэ хажуудань шоно гүйжэ ерээд:

— Зай, үнэгэн худагы, үргэншэ хулганаяа агнажа эсэшоод хэбтэнэ гүш? — гэжэ асууба.

— Үгы даа. Энэ годлиин булсуугай нүхэнүүдые тооложо байнаб. Тооло тооло — барагданагүй. Эсэшоод амаржа байнаб, — гэбэ үнэгэн.

— Юу хэлэнэш даа, дахин тооло даа, би хараһуу,— гэбэ шоно. Үнэгэн годлиёо мухарюулан, дахин нэгэн, хоёр, гурба, дүрбэ, таба г. м. тооложо оробо.

— Байл даа,— гэжэ шоно үнэгые байлгаад, — мухарюулжал байхадаа, ши нэгэ нүхэ дахин дахин дабхар тоолонош. Иигэжэ тоолохо болоо һаа, бүхы наһан соогоо тооложо барахагүйш,— гэбэ.

Теэд үсэд үнэгэн ойлгожо үгэхэ юм бэшэ, годлиёо хүлөөрөө мухарюулжал байба. Тиихэдэнь шоно ехээр урмаа таһаржа:

— Ши мэхэлхэдээ мэргэн аад, мэдэхэ болоходоо мохоол амитан байнаш даа,— гэжэ хэлээд, саашаа ябашоо һэн ха.

Һааюур Һама

Урда сагта Золто үбгэн Һама хүгшэн хоёр һууһан юм гэдэг. Һама хүгшэн юушье нюужа шададаггүй, дуулаһан үзэһэнөө хуу хүндэ хөөрэжэрхидэг байһан дээрэһээ нютагтаа Һааюур Һама гэжэ нэрэтэй болоһон байгаа.

Нэгэтэ Золто үбгэн хүһөө шулуунай хажууда газар малтажа байтараа, тогоо дүүрэн алта олобо ха. Тогоотой алтаяа малтажа гаргаад, тамхяа татажа һуухадаа, Золто үбгэн иигэжэ бодобо ха: «Намайе алта олоо гэжэ мэдэбэл, хүгшэмни хамаг зондо һарьяжархиха. Нютаг нуга дүүрэн суу тараха. Танха зайһан дуулаа һаа, алтыемни намһаа буляажа абаха. Одоо яаха юм гээшэб» гэжэ бодолгото болон байтараа, алтаяа нюугаад гэртээ ошобо.

Дэлгүүр ошожо, нэгэ бага саахар, пряниг абаад, тэрэнээ һамгандаа мэдүүлэнгүй аянайнгаа сүүмхэ соо хэбэ.

Газар малтажа олоһон алтаяа асархаяа ошоходоо, Золто үбгэн хүгшэнһөө халта урид ябаад, монсогор саахарнуудаа харгын захаар һэмээхэн сасажархиба. Хүгшэниинь хойноһоонь хүсэжэ

ерээд: «Һүү, эндэмнай саахар байнал! Харыш!» — гэжэ хашхарба.

— Дээгүүрни үүлэн үнгэрхэдөө, саахараар будараа һэн. Суглуулжа аба. Тэнгэриин хэшэг гээшэ,— гэжэ үбгэниинь харюусаба.

Һама хүгшэнэй саахар суглуулха һамбаанда үбгэниинь тээ саана ошоод, пряанигаа сасажархиба.

— Харыш, үбгэн, модон доро пряанигууд хэбтэнэл! — гэжэ бүри ехээр баярлаба хүгшэн.

— Иимэ пряанигууд модондо ургадаг юм. Суглуулжа аба. Газарай хэшэг гээшэ,— гэбэ Золто үбгэн.

Тиигээд саашаа ябаһаар одоошье хүһөө шулуундаа хүрэжэ, алтаяа абаад, гэр тээшээ гэшхэлбэд. Яба ябаһаар байтарынь һүни орой, харанхы болошобо. Туулмагтай алтан хүндэ байжа, хоёр хүгшэд эсэшэбэ. Харгын хажууда байһан Танха баянай хорёогой хажууда амархаяа һуубад. Хорёо соо байһан олон хонид иираглана, эшэгэн тэхэ бабанана.

— Түргэн эндэһээ ябая. Шүдхэрнүүд сугараад, Танха баяниие бахалуурдажа байна,— гэжэ Золто үбгэн ехэ айһан янзатайгаар хэлээд, туулмагтай алтаяа үргэлөөд, гэр тээшээ түргэн гэшхэлбэ. Һама хүгшэн хойноһоонь хожомдохогүй гэжэ холо алхалба.

Үглөөдэрынь үглөөгүүр Һама хүгшэн уһанда ошоходоо, үбгэнэйнгөө алта олоһон тухай хотонойнгоо һамгадта һааюурдажархиба. «Золто үбгэн хоёр тулам алта олоо» гэһэн суу сахилгаан түргөөр таража, Танха баянда дуулдаба.

Баянда дуудуулһан Золто алта олоһоноо таһа арсаба. «Хаана, хэзээ, хэнэй бэлдэһэн алтан намда олдобо гээшэб»,— гэбэ.

— Бү мэлзэ. Һамганшни асараабди гэнэ ха юм,— гэбэ Танха баян.

— Һамгамни ухаагаар бага дутуушаг юм. Юуншье гэжэ хэлэхэдээ болохо,— гэбэ Золто.

— Өөрһөөнь мэдэелши,— гээд Танха Һааюур Һамые дуудажа асараад мүшхэбэ.

Һама хүгшэншье тэнгэриин хэшэг саахар олоһоноо, газарай хэшэг пряниг олоһоноо, алта асарһанаа хөөрэбэ. Мүн баһа бу-

сажа ябахадамнай шүдхэрнүүд сугараад, Танха баяниие бахалуурдажа байгаа һэн гэжэ байжа хөөрэбэ.

— Тонил саашаа, тэнэг гэргэн,— гэжэ Танха һааюур һамые намнажархиба. Тиигээд, нээрээшье һамганшни ухаагаар дутуушаг юм байна. Гэртээ ошог даа,— гэбэ Танха.

Тэрээнһээ хойшо Золто үбгэн тэнэг хүгшэн, тэнэг Танха хоёрые наадалжа, алтаяа эдлэжэ ажаһууһан юм гэдэг.

Хоёр дэгэлтэ шандаган

Хабар ерэжэ, хадын сахан хайлахадаа, һайрам болон урдажа, хада руу хаяяба, хүнды руу хүүебэ. Энэ үедэ сагаан дэгэлтэ шандаган сагдуул модон доро һуужа: «Ой соо би ори гансаараа саб сагаахан үнгэтэй үлэшэбэб, хамаг амитан намайе хараха, бариха аргатай болобо»,—гэжэ уйдаба, гашуудаба. Яаха бэлэн гэжэ һанаата болон байтараа, үбгэн буурал Үбэлдэ иигэжэ хандаба:

— Саханай хайлахада, газарай харлахада, арьяатанай аманда, ангуушанай гарта орохо сагаахан сагаалсань болобо гээшэлби. Үбгэн буурал Үбэлни, үршөөгыш, хайрлыш намайгаа, хашаланта хабарые һөөргэнь бусаагыш! — гэжэ байжа Үбэлые шандаган үнэн зүрхэнһөө гуйба ха.

— Үеын үедэ, үни холо сагһаа хойшо ошожол, ерэжэл байдаг жэлэй дүрбэн сагые ши бидэ хоёр болюулжа, хубилгажа шадахагүйбди. Би шамайе газарай үнгэдэ адли болгожо, боро һарьмай дэгэл үмэдхэһүү,— гэжэ Үбэл шандаганда хэлээд, хүхэ боро үнгэтэй хүдэһэн дэгэл үмэдхэһэн юм гэдэг.

Элеэ шубуун

Хангил үндэр Хан-Тэнгэри уулын орьёл һайхан орой дээрэ гайхалтай һайхан Гал-Барас модон ургажа, найман зүгэй һэбшээндэ найгалзахадажа байдаг юм ха. Үбшэн хүниие эдэгээдэг шэдитэй үрэ һайхан жэмэс энэ модондо ургадаг байба.

Үндэр ехэ тэнгэриин үүлэн дээгүүр ниидэдэг хүсэ ехэтэ бүргэдүүд лэ тэндэ хүрэтэр ниидэдэг юм. Хангай хадын оройдо, хатуу шэлдэн шэнэһэндэ Одон соохор бүргэд ошожо, тэндэ байраяа түхеэрбэ. Нэгэтэ тэрэнэй хатан бүргэд ехээр үбдэхэдэнь, Одон соохор бүргэд Гал-барас модоной жэмэс абажа ерэхыень элеэ шубууе эльгээбэ ха.

Арайхан гэжэ Хан-Тэнгэри уулын оройдо хүрэжэ, Гал-Барас модоной жэмэс абаад, бусажа ябахадань харанхы һүни болобо. Нэлэнхы ехэ тужын модон дээгүүр ниидэжэ ябатарынь, тушаан боложо, дорооһоонь шара шубуун «һүү» гэжэ һүхиржэрхибэ. Ехээр сошоһон элеэ аман соогоо абажа ябаһан жэмэсээ алдажархиба.

Тэрэ гэһэн сагһаа хойшо мүнөө болотор элеэ шубуун алдаһан жэмэсээ бэдэржэ, хараашалжа, газар дээгүүр эрьен тойрон элижэ ябадаг болоһон юм.

Ёлкын дуун

Шэггүй удаан хүлеэһэн
Шэнэ Жэлнай мүндэлбэ.
Шэмэг ёлкын хажууда
Шэхэр бообоор хүндэлбэ.

Сагаан Жабар Үбгэмнай
Самнаад, гоёор хатарна.
Сahан сарюун Хүүхэмнай
Сагаалхиса матарна.

Хүхюун хүбүүд, басагад
Хүтэрэлдэн наадаабди.
Шэжэм ёлкоо магтahан
Шэнэ дуугаа дуулаабди.

Үбэл

Һүни хүйтэржэ,
Һүүен жабарлаад,
Үдэр бүхэндэ
Сahан ороно.

Дайда дэлхэй
Дандаа сагаан —
Арюунш гээшэнь,
Сарюунш гээшэнь!

Бэлшэхээ гараһан
Һүрэг малнууд
Азагүйдэжэ
Аргагүй ядалсаа.

Намжар гоё
Намарай хагдан
Хүр саһанда
Хушагданхай.

Хонид, адууд
Хохидоногүй —
Саһа сабшажа,
Сараа гаргана.

Үбһэ ногоо
Үрзылгэн байжа,
Хабатай гоёор
Хагдалан ябана.

Энэ үдэр

Энэ үглөөгүүр
Эртэ абатаяа бодообди.
Эжы эгэшэ хоёроо
Һэрюулхэгүйе оролдообди.
Энэ үдэрнай
Эгээ юунтэйш сасуулшагүй
Жабхалан һүлдэтэ

Жаргаланта үдэр лэ.
Энэ үдэр —
Эжымни хүндэтэ үдэр,
Энэ үдэр —
Эгэшымни дуратай үдэр.
Энэ үдэр —
Эсэгэ бидэ хоёройшье
Бahал үнинэй хүлеэhэн
Баяртай хүхюун үдэр лэ.
Мартын Найман —
Манай эжынэрэй үдэр.
Мартын Найман —
Манай эгэшэнэрэй hайндэр!
Эгээл тиимэhээ
Энэ үглөөгүүр
Эртэ абатаяа бодообди.
Эжы эгэшэ хоёройнгоо
Энэ гайхамшаг үдэрые
Эрхимээр үнгэргэхөө оролдообди.

Шэнэ жэлнай

Шэжэр мүнгөө
Шэдэлэн, сасан,
Шэнэ жэлнай
Шэнхинэн ерээл.
Шинии, минии
Шэхэ мушхан,
Шэмэрүүхэнээр
Забдан ерээл.
Зүүнэй холо
Зүүн зүгhөө
Ангай мүрөөр
Алхалан ерээл.

Хүүгэд бидэндэ
Хүхюун баяр,
Аяг наада
Асаран ерээл.
Хасуури — ёлкоо
Хадаһаа асараад,
Шэдитэ галаар
Шэмэглэн гоёогоод,
Хүндэтэ айлшанаа
Хүлеэн байбабди.
Урма баяртайгаар
Угтан абабабди.
Шэнэ жэлнай,
Шэмэг жэлнай!
Хуушан жэлээ һайнаар үдэшөөбди.
Һургуулидаа номоо һайнаар үзөөбди.
Шэнэ жэлдэ
Шэнэ түсэбтэйбди.
Эрхимүүд болохо
Эрмэлзэлтэйбди.

Борбоостойн хүбүүн Борсоохой

Баабайн хүбүүн Баярхан Хара далайн эрьедэ, «Баабгай» хадын бооридо, «Артек» гоёхон лагерьта сэнгэжэ ябахадаа, аяар холын Африкаһаа амархаяа эндэ ерэһэн, елэн харахан нюур шарайтай Томсонтой ехээр эжэлшэжэ ханилба. Унаган нүхэд тэдэнэр болобо. Урилдааба, барилдаба, ээрэмшээлдэбэ, эрьюусэлдэбэ.

Иигэжэ үдэр хоногууд үнгэрбэ.

Нэгэ арюухан үглөөгүүр Томсон хүбүүнэй нютагаа бусаха саг ерэжэ, буряад хүбүүн Баяртайгаа хахасаха баатай болобо.

Харахан хүбүүн Томсон, буряадхан хүбүүн Баяр урда урдаһаа удаан харалсаба, уяранги нюдэнүүдээрээ гэтэлсэбэ.

Холын холо ороной хүбүүнээр нүхэсөөд, хахасаха болоходо ямар хүшэр бэ?

Энэ гэһээр лэ Томсон нүхэрни томо сагаан пароходто һуугаад лэ арилхань, хожомоо уулзаха гүбди, али үгы гү гэжэ һанахадаа, Баярай зосоо муу боложо, сэдьхэлээ заахан уярба.

Хоёр хүбүүд энэ сэнгэлиг лагерьта ямар гоёхоноор нүхэсөөб, наадааб, сэнгээб, сугаалааб, дуулалдааб?! Хара далайда шунгааб, тамарааб?! Крымэй алтан наранда али ехээр дүрөөб?! Мүнөө эдэ хоёрые хэниинь буряад бэ, хэниинь негр бэ

гэжэ илгахын аргагүй пэд харанууд. Гансал Томсон хүбүүнэй толгой бүшэмэг, буржагар хара. Тиихэдэ Баяр хүбүүнэй толгойн үһэн зүүнүүд шэнгеэр ёдойлдоһон, заряа мэтэ үрзэгэр шэрүүн.

Томсон хүбүүн түб түхэреэн, сагаа эреэн нюдэтэй. Баяр хүбүүн мойһон хара, онигор уйтахан нюдэтэй. Үндэр набтараараашье адлиханууд, хоюулаа шуран солбонууд, гүйлдэхэ харайлдахадаа унага дааган шэнги хурдан түргэнүүд. «Шархи паараа олобо» гэдэгтэл, хододоол сугтаа, хамта ябадаг һэн. Иимэ хоёр мүнөө хахасаха баатай болобо ха юм. Бэе бэедээ бэлэг-сувенир үгэлсэжэ андалдаба.

Пароходой һүүлшын дохёо зэдэлжэ, хоёр хүбүүд урда урдаһаа харалсан, ойро зуурахан зогсобо. Уһа нюдэншье болон алдабад. Теэд эрэ хүнүүд гээшэ хатуу ябаха ёһотой. Бэеэ барибад. Баяр хүбүүн үшөө дахин бэлэг үгэхэ гээд лэ, үгэхэ юумэеэ оложо ядаба. Эндэ тэндээ бэдэрбэ, халааһа хармаануудаа һуулижа, адха һамар олобо.

— Маа энээниие,— гэжэ нүхэртөө һарбайна.— Энэшни манай Сибирь, Буряад нютагта хуша модоной борбоосгой соо ургадаг һамар гээшэ.

Тиигээд пароходшье саашала саашалһаар холодобо. Аяар тэрэ уһан далайн дунда заахан сагаахан шубуун мэтэ долгиндо үлгыдүүлэн, багахан боло болоһоор далда оробо. Баяр зоогдомол сэргэ мэтэ хүдэлэнгүй үни удаан зогсожо, нүхэрөө үдэшэбэ.

Зай, мүнөө Баярай гэртээ бусаха ээлжээн болобо. Баяр хүбүүн хүсэтэ хурдан самолёдто һуужа, сагаан үүлэнэй дээгүүр наранай мандаха зүгые шэглэн шуумайн ниидэбэ.

Амар сайн, түрэл Буряад оромни! Харида ябахада һайн байбашье, гэртээ бусахада, ямар гоё гээшэб! Баяр түрэһэн нютагайнгаа агаараар амилжа, сэдьхэлээ ханаба. Дуратай хөөрхэн сагаахан хурьганиинь томо болошоод байба. Хэрмэшэ нохойнь һүүлээ шарбагануулан, урдаһаань гүйжэ ерэбэ. Аба эжы хоёрынь тэбэрин таалан угтаба.

Үглөө үглөөгүүр сентябриин нэгэн. Һуралсалай шэнэ жэл эхилхэнь. Борсоохой хүбүүнтэйгээ уулзажа, хөөрэлдэхэ байна

гээд, Баяр хүбүүн адяар өөдөө һарбайжа, бишыхан үйһэн хайрсагаа абаба. Хайрсагаа нээжэ харахадань, тэндэнь юуншье байбагүй. Хогоосон. Иихэдээ юун болобо гээшэб? Энээхэн хайрсаг соо байдаг Борсоохой хүбүүн хаана гээшэб?

— Борсоохой, Борсоохой, хаанабши? — гэжэ Баяр адяар дээгүүр эндэ тэндэ таража хэбтэһэн һамарнуудые барижа шэншэлнэ. Теэд Борсоохой хүбүүе олобогүй. Юрэдөө, тэрэмни хаана орошобо гээшэб гэжэ хүбүүн ехээр гайхаба.

* * *

Таанар тэрэ Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой тухай үшөө юушье мэдэнэгүй ёһотойт! Теэд би танда мэнэ гэһээр хэлэжэ үгэхэб.

Байгал далайн мүнгэн эрьедэ оршон байдаг баян дэлгэр ню-тагта түрэһэн Баяр хүбүүе нэгэ бага таниха, мэдэхэ болобот. Үшөө Баяр тухай нэмэжэ хэлэхэ болоо һаа, иимэ байна: гурбадахи класста һурадаг, тэрэнэй пионерэй лагерьта байһыень мэдэнэт. Тэрэ «Артек» гээшэдэшни үхибүүн байна гээд лэ эльгээдэггүй. Тэндэ ошохын түлөө Баяр хүбүүн бүхэли гурбан жэл соо хэшээлдээ оролдожо, эрхим һайнаар һураа! Ондоо талаараа Баяр хүбүүн гээшэмнай үхибүүн хадаал үхибүүн. Нэгэ бага тоомгүй, нэгэ баахан фантазёр, элдэбын юумэ урлаха, дархалха дуратай. Огторгойн одо мүшэд тухай олон юумэ бододог. Тэндэ ондоо дэлхэй, ондоо хүн зон байдаг ёһотой даа гэжэ этигэдэг. Хүбшэ тайгаараа ябажа, нюуса таабарита хүн-гүрөөһэ бэдэржэ олохо гэжэ хүсэдэг. Теэд мүнөө дээрээ гансахан лэ Борсоохой хүбүүе олонхой. Иимэл даа.

Нэгэтэ намар Баяр эсэгэтэеэ хамта һамар сохихоёо Хойто хүбшэ ошолдоо һэн. Ой тайга жэнхэн балай һүниин сагта аймшагтай һүрөөтэй байба. Бүхэли үдэртөө һамар сохижо эсэшэһэн эсэгэнь бүхэ гэгшын нойроор унтана. Баяр хүбүүн унтанагүй. Галдаа гэшүүһэ мүшэр хаяжа һэргээгээд, өөдөө хаража хэбтээд, огторгойн гүнзэгые шэртэн, ялаганалдаһан одо мүшэдэй эмнисэгээлдэхые ажаглан, хуурагдаагүй нойтон һамар сэмэжэ хэбтэтэрээ гэнтэ:

— Ай, Баяр, болиш! Үбшэнтэйл! — гэжэ нэгэ нариихан хоолойтой юумэнэй һиганахые дуулажа, тон ехээр сошобо, гайхаба.

— Энэш юун гээшэб? — гэжэ Баяр өөрөө өөрһөө асууба.

— Биб. Борсоохой хүбүүнби,— гэһэн абяан соностобо.

— Хэн, хэнби гэнэш? — гэжэ Баяр ойлгожо ядаба.

— Би Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой гээшэб. Ойлгобо гүш?

— Ши иигэжэ байжа худалаар хэлэхэеэ болил даа,— гэжэ Баяр уурлаба.

— Ши өөрөө болиш. Энэ ямар үбшэнтэйгөөр намайе шэмхээд байна гээшэбши? Үшөө тиигээд амандаа хэжэ жажалхаяа байналши.

Эгээл эндэ Баяр хүбүүн гартаа баряад, амандаа хэжэ сэмэхэ гэжэ байһан һамараа ханамжатайгаар ажаглан хараба. Теэд энэ һамарынь үнэхөөрөөшье тон ондоохон һамар байжа байбал. Янза түхэлөөрөө хүн мэтээр үзэгдэбэ. Юрэдөө, теэд ямархан хүн байба гэжэ һананат? Бишыхан даа, заахан. Тархи толгойнь тэжэ шоро шобогорхон. Хара хүрин костюм үмдэнхэй. Тэнзэгэрхэн гүзээтэй. Баяр шэнги мойһон хара уйтахан нюдэтэй. Зүгөөр зурлаа мэтэ онигорхон нюдэдынь ехэл хёрхо, ехэл хурса. Юумэн бүхэниие бултыень сүмэ харана. Гар хулнүүдынь зүүн шэнги нариихануud. Шоро шобогорхон толгойдоо хушын борбоосгойн хальһан малгайтай.

— Юрэдөө, ямар жэгтэй, ямар һонин юм гээшэб? — гэжэ Баяр өөгшөөн гайхаба.— Энэ гэһээр би шамда үйһөөр хайрсаг дархалаад үгэхэб. Ши тэрээн соо байхаш. Тэрэгүйдэ шимни үгы болошохош. Дан заахан хүн байнаш. Зүбшөөхэ гүш?

Эгээл иигэжэ баабайн хүбүүн Баяр Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой хоёр танилсаа һэн.

Тэдэ эжэл хоёр шубуухайнууд мэтэ хододоол хоюулаа ябадаг байгаа. Эжэлшэхын ехээр эжэлшээ бэлэй.

Теэд Баяр нүхэрынь Хара далайн эрьедэхи «Артек» лагерьта амархаяа ошоходоо, абаашалсахагүйнь гэжэ Борсоохой хүбүүн мэдэхэдээ, булай ехээр уйдаа бэлэй.

Баярайнгаа мордохын урдахана Борсоохой хүбүүн адха һамарай хэбтэһэн алаг хүүртигэйнь хармаан соо аргаахан орожо хоргодоо һэн...

Тиигээд лэ мүнөө Баяр гэртээ бусажа ерээд, үйһэн хайрсаг соохи Борсоохой нүхэрөө олобогүй. Юундэб гэхэдэ, өөрөөшье тэрэнээ мэдэнгүй, Хара далайн эрьедэ үнөөхи Томсон нүхэртэйгөө хахасахадаа, адха һамарнуудаар хамталжа, айдархан нүхэр Борсоохойгоо бэлэг барижархиһан байбал...

* * *

... Эгээл энэ үедэ һэрюухэн һэбшээн үлеэжэ, энэ һэбшээнтэй хамта хараасгай шубууд элин ниидэн ерэбэд.

— Борсоохой, Борсоохой,— гэлдэн тэдэ пишаганаба.—Бидэ шамайе бэдэржэ ябанабди, бусаха сагнай болоол. Гэртээ маанадтайгаа бусаха гүш?

— Эндээ үлэ, эндээ үлэ! — гэлдэжэ, үхибүүд, ан арьяатад шуулдаба.

— Эндээ үлыш даа,— гэжэ тэрээниие альган дээрээ табяад, Джен басаган аргааханаар хэлэбэ.

— Үгы даа,— гэжэ Борсоохой уйдхартайгаар һанаа алдаба.— Түрэл Эхэ орондоо тон ехэ дуратайб, тиимэ хадаа би эрхэ бэшэ гэртээ бусаха ёһотойб. Түрэл орон дайдадаа дуратай хүн гээшэ Эхэ оронойнгоо энхэ жаргалай түлөө, тэрэнэйнгээ ажабайдалай үнэн сэхэ, арюухан, сэбэрхэн байхын түлөө хүсэ шадалаа үгэхэ ёһотой. Теэд мүнөө таанад хани барисаан, эб найрамдал тухай яһала олон дуунуудые мэдэхэ болоо ха юмта. Минии үгыдэшье эдэ дуугаа мартангүй дуулалдаад лэ, хоорондоо эбтэй эетэй байха бэзэт гэжэ найданам.

— Тиимэ даа, дууешни мартахагүйбди. Эбтэй ябахабди,— гэлдэн, тэдэнэр шууяба.— Шамайгаа мартахагүйбди. Хойто жэл дахин мандаа ниидэжэ ерээрэй. Хэрбээ ерэжэ шадаагүйшье һаа, нүхэдэй һэшхэл тухай, хани барисаан тухай шэнэ һайхан дуу мандаа эльгээгээрэй.

— Эльгээхэб тандаа, шэнэ һайхан дуу мэдэхэ болохобди гэжэ найдагты,— гэбэ Борсоохой хүбүүн. — Би мүнөө тандаа һайн нүхэд боложо танилсаһанайнгаа дурасхалда энээхэн һур таһам тоонтодожо уяад бэлэглэхэм. Энэшни буряад уялаа гээшэ. Тоонтодохо гэжэ нэрэтэй юм. Ухаангүй бүхэ байха. Тайлаад туршагты даа?

— Үгэл даа, би туршаад үзэхэм,— гэжэ Джен тэрэ уялааень абаад, тайлажа шадабагүй.

— Үгэл даа наашань, би туршаад үзэһүү,— гэжэ эдээн соо эгээл хүсэтэй гэжэ тоологдодог хүбүүн абаад: — Аргамнигүй даа,— гэжэ тайлажа шадангүй бусааба.

— Асал даа наашань тэрэнээ,— гэжэ сагдаа ноён Смит сухалтайгаар хэлэбэ.— Тэрэ шинии «бүхэ», «бүхэ» гэжэ байжа һайрхадаг уялааеш энэ гэһээр тайлаад хаяжархихаб. Хүнүүд булгадаа хараг! — гэжэ Борсоохой хүбүүнэй тоонтодожо уяһан уялаа һуга татан абаба.

Теэд энэ хэрэгнай хатуухан лэ юумэ байшаба хаш даа. Яашье тайлажа ядаба: иишэньшье мушхана, тиишэньшье мушхана, шүдөөрөөшье хазаад туршана — тайлдаха юумэ бэшэ. Яажашье ядахадаа, хармаан соohоо свисток гаргажа ерээд лэ, эшхэржэл оробо.— Тарагты, тарагты гэнэм! — гэжэ хашхарба. Теэд уялаа тайлажа ядаад уурлаһан тэрэнэй үгэ хэншье мүнөө дуулабагүй. Эндэ байгшад байһан газарһаа хүдэлбэгүй.

— Зай, харыт даа, энэ уялаае хайшан гээд тайладаг юм гэжэ заажа үгэһүү,— гэжэ Борсоохой хүбүүн хэлээд, һур таһамынгаа нэгэ үзүүрһээ татажархихадань, уялаань тайлдашаба.— Энэтнай миин юрын уялаа бэшэ юм. Энэ уялаае манай Буряадта эб найрамдалай уялаа гэдэг. Тиимэл хадаа бэлэхэнээр тайлдажа үгэнэгүй ха юм,— гэбэ Борсоохой.

Эгээл энэ үедэ хараасгай шубууд ниидэн ерэбэ. Тиигээд лэ хараасгай шубууд Борбоосгойн хүбүүн Борсоохойе бэедээ абажа, дайда дэлхэйн алас холые зорижо ниидэбэ.

Мүнөө гэртээ бусаха замдань хэншье Борсоохой хүбүүе хаража гайхабагүй. Харин шубуу шонхор, ан арьяатан булгадаа миин лэ юрын һамар бэшэ, эб найрамдал тухай, хани барисаан тухай олон һайхан дуу мэдэдэг, элһэн халуун орондо элдэб олон бэрхэшээлнүүдтэй дайралдажа, бэрхээр илажа гараһан Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой гэжэ һайн мэдэхэ болоод, тэрээндэ али болохо аргаар туһалха гэжэ оролдодог байба.

Тиигэжэ олон мянган уула хаданууд дээгүур, уһан далай, гол мүрэнүүд дээгүур, задатай шуурга һалхин соогуур, жабартай бороо, мүндэр соогуур Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой хараас-

гай нүхэдөөрөө хамта шармайн ниидэжэ, түрэл һайхан Буряад орондоо бусажа ерэбэ.

Юунһээшье ондоохон, инагхан, хоншуухан, зүрхэндэ дүтэхэн түрэл ороной үнэр хангал лэ даа! Оршон тойрон байһан байгаали дэлхэй сэдьхэлдэ ямар дүтэ һайханаар үзэгдэнэб.

Борсоохой хүбүүе бултадаа зулгы һайханаар угтаба. Хэрмэ, хулгананууд шье, нэгэтэ тоншожо эдихээеэ һанаһан петухшье мүнөө зулгы зохидоор тэрээнтэй золгобо. Магад халуун оронһоо хиидэжэ ерэһэн хабарай һэбшээтэ һалхин Борсоохой хүбүүнэй уршагта олон ябадалнуудые эндэ асаржа, олондо тараһан байгаа гү? Бү мэдэе.

Хараасгай шубууд Баяр хүбүүнэй нээлгээтэй сонхо худар ниидэн орожо, Борбоосгойнгоо хүбүүн Борсоохойе тэрэнэй сэхэ урдань аргааханаар табижархёод, гэдэргээ ниидэн гарабад.

— Баяр, бишни бусажа ерэбэлби даа,— гэжэ Борсоохой хүбүүн аргаахан хэлэбэ.

— Борсоохой! — гэжэ Баяр тон ехээр баярлаба.— Шиниингээ уршагта олон ябадалнууд тухай яһала дуулааб. Зай, бишыхан бэетэйшье һаа, бэрхэ хүбүүн байнаш. Мүнөө һургуулиимнай хэшээлэй һүүлшын үдэр. Бишни шамайгаа һургуулидаа абаад ошоһуу. Ши тэндэ үхибүүдтэ өөрынгөө ябаһан газар оронууд тухай, үзэһэн, һонирхоһон ушар ябадалнууд тухайдаа хөөрэжэ үгэхэш. Хэрбээ би дахин «Артек» ошохо болоо һаа, шамайгаа заатагүй абаашахаб. Тэндэ үшөө олон һайхан дуунуудые һурахабди. Тэдэ дуунуудшни дахин шамда хэрэгтэй боложо магад. Дахиншье шам тухай домоглон бэшэхэ ушар тохёолдожо болохол...

* * *

Юун гэжэ һанаха байнат, үхибүүд? Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой тухай үшөө дахин уншаха, мэдэхэ дуратай байха гүт?

Инвалид

Мама сказала:

— Собирайся... Пойдем в лес... Саранок накопаем.

— Накопаем? — не понял я. — Ведь это же цветы...

— И цветы, и каша, — еще более непонятливо сказала мама.

— Быть может, Ильку возьмем с собой?

Я забрался на забор, свистнул, засунув в рот два пальца, закричал:

— Илька, пойдем в лес за кашей!

Илька выскочил в окошко и перемахнул в нашу ограду.

— В лес, говоришь? Вот это да! Я рогатку прихватил. Быть может зайца подстрелим, а? Бери и ты свое оружие.

— Вот ваше оружие, — сказала нам мама и показала маленькие железные лопаточки, — мне его на работе смастерили...

— Будем сусликов из нор выкапывать, да? — спросил Илька. — Их, говорят, тоже едят.

— Все едят, — вздохнула мама, — и собака за чистую белку сходит. Потерпите, увидите, что к чему...

За калиткой, напротив нашего дома сидел на завалинке дядя Петя, положив по бокам деревянные костыли. Мы знали — недавно он вернулся с войны, оставив там одну ногу и получив три ордена.

— В лес отправились, — сказал дядя Петя, — и меня бы захватили с собой...

— Куда тебе с этими? — мать кивнула на костыли. — Мы в Кукушкину падь, за сараной.

— Три года я сараны не видел, — раздумчиво проговорил дядя Петя. — Грех признаться, но снились мне эти цветочки...

— Сарана снилась, говоришь? — удивилась мама.

— Снилась.

— Ну что ж... Тогда собирайся... Мы подождем.

Вскоре дядя Петя вышел из дому с вещмешком за плечами. Шагал он, к нашему удивлению, довольно быстро.

— Как у тебя с ногой-то случилось? — спросила мама.

— Очень просто... Фрицы двинулись в атаку. Мы их встретили, как полагается. Из пулеметов, значит, из автоматов. Но мне не повезло — ранило. В живот. Лежу, кровью истекаю, но продолжаю стрелять. А тут «Тигры» фашистские!.. Наши дрогнули... А танки давай раненых давить... Вот я без ноги и остался... Повезло, считаю, шибко повезло, ведь могло и мокрого места от меня не остаться.

— Хватит, не надо, Петр, — попросила мама и вытерла рукой глаза.

— А дальше что было? — не удержался я.

— А дальше наши стенку устроили: шалишь, гад, не пройдешь! Командир с гранатами под танк бросился. Ну и бойцы свой сибирский характер показали... Нашли меня после боя, еле-еле душа в теле, и начал я странствовать по госпиталям.

— А немцы страшные? — спросил Илька.

— Люди как люди. Но у фашистов руки страшные, грязные, потому что страшное, грязное дело делают. Ишь, чего захотели! Россию задушить! Кишка тонка! Слышали по радио, как они драпают?

— Ага, — враз сказали я и Илька.

— Не устал, Петр? — спросила мать. — А то отдохнем...

— На том свете наотдыхаемся, а на этом ходить надо.

Мы свернули с дороги и начали подниматься по увалу. И тут я увидел саранку: красная кудряшка покачивалась на ветру и ка-

залось, что она вот-вот улетит. Я метнулся и сорвал ее. На моей ладошке горел уголек, осыпая желтый пепел пыльцы. «Царские кудри», — вспомнил я, так называла саранки бабушка. Дядя Петя взял цветок и поднес к губам. Он стоял, большой и сильный, с повлажневшими глазами и силился улыбнуться. Вдруг он качнулся (или это мне показалось), я подскочил к нему и обхватил за пояс. Дядя Петя ласково похлопал меня по спине:

— Вырастешь большой, уедешь в края дальние и нет-нет да и вспомнится тебе саранка... эта, первая, что ты сорвал.

— Я никуда от мамки не уеду.

— Как знать, сынок, земля-то у нас большая.

Мы немного прошли по косогору и вдруг впереди стало красным красно, казалось, что горит сама земля.

— Са-ран-ки! — истошно закричал Илька и бросился вперед.

Я кинулся за ним, еще не веря, что весь склон и вправду усеян цветами. Красно-рыжие царские кудри вились по траве, пылали, радовались, как будто долго-долго ждали нас.

— Вот и пришли в Кукушкины горы, — сказала мама, усаживаясь, — передохнем и за работу примемся.

— Жалко красоту такую изводить, — сказал дядя Петя, сворачивая самокрутку из газеты, сложенной гармошкой.

— Что поделаешь... — вздохнула мама и, помолчав, добавила:

— Я верю тебе, Петр: могла красота такая на войне присниться.

Отдохнув, мама взяла железную лопаточку и копнула под стебелек саранки. Повела черенком на себя и подняла кубик плотной, пронизанной жилами корней земли. Затем сунула руку в ямку и вытащила белую луковицу. Обтерла о подол, обдула и подала мне:

— Пробуй.

Луковица оказалась душистой и сладковатой, не похожей по вкусу ни на что. Я хотел поделиться с Илькой, но он уже сам успел вырыть луковицу саранки и жевал ее, почти не очистив от земли.

— Вкуснятина! — ликовал Илька. — Пельменей не надо!

Мы начали добычу.

— Покрупнее цветки выбирайте, — говорила мама, — там и луковицы крупнее. Придем домой — кашу сварим.

Мы с Илькой собирали саранки в мешочки, мама в подвязанный фартук, а дядя Петя в солдатскую манерку.

— Сиди, отдыхай, — сказала мама дяде Пете, — мы поделимся с тобой. Скоро я к ручью за водой схожу, а ты нам чай сваришь.

Выкопать саранку было не так-то просто: земля крепкая, под лопаточку то и дело попадали камни, и стебелек приходилось окапывать со всех сторон, но все же и мой мешочек потихоньку наполнялся. Мама собралась за водой, я хотел увязаться за нею, но Илька шепнул мне:

— Не ходи. Мы дядю Петю про войну спросим...

Лишь только мама отошла от нас, Илька спросил:

— А вы много фашистов убили?

— Двух... с половиной, — усмехнулся дядя Петя.

— Как это «с половиной»?

— Двух застрелил, одного ранил, — засмеялся дядя Петя. — Давайте лучше я расскажу вам, за что мне боевые награды дали...

Дядя Петя начал рассказывать, как однажды его группа разведчиков попала в засаду, как погибли друзья, как он, раненый, приволок к своим гитлеровского офицера.

— Хорошо, что немец щупленьким оказался, — вздохнул дядя Петя, — а то бы что я делал? Не видать бы мне ордена Красной Звезды.

— Вы все шутите, — недовольно сказал Илька, — а ведь мы не маленькие.

— На будущий год в школу пойдем, — добавил я.

Подошла с водой мама. Жалко, как быстро она обернулась! При ней про войну не спросишь, уж слишком тяжело она все переживает... Дядя Петя развел костер, подвесил над ним манерку. Вскоре мы пили чай с сахарином. Дядя Петя все глядел и глядел вокруг, словно видел в первый или последний раз горящую сарану, редкие кусты кривого ильма, тропинку, по которой он ходил до войны в Кукушкину падь косить сено.

— Спасибо, что взяли с собою, — говорил матери. — Смотрю вокруг и силы приливают... Сарана... Сторона... Страна... Рядышком, близехонько слова стоят. Вот в них и скрыта суть всего... За эту суть мы и воевали. Я наклонился к Ильке и прошептал:

— Сарана-сторона-страна.

Хлебные карточки

Все ребята с нашей улицы любят играть камушками. А камушки у нас необычные: кругленькие, цветные — с речки. Вначале один камушек положишь на ладошки, подкинешь его вверх и поймаешь, опустив ладошки вниз, затем берешь два кругляшка, потом еще один добавишь... Итак до десяти. Трудно поймать девять камушек, а десять еще труднее — отскакивают они от рук, как ни старайся. Тут тебе и наказание: сколько камушек уронил, столько щелчков по лбу получишь. А ставить шалбаны мальчишки умеют! Особенно Илька наловчился: вывернет сред-

ний палец за большой, взмахнет рукой да как трахнет — искры из глаз сыплются! Камушками мы играем, когда караулим очередь за хлебом. Сидим около магазина и забавляемся. Далеко отходить нельзя, а то начнут пересчитываться в очереди, а тебя нет, вот и выпадешь из очереди, как камушек с рук. А выпасть никак нельзя, ведь мама ночью, когда магазин был, понятно, закрыт, стояла в очереди, ей на руке химическим карандашом написали, в каком она десятке и какая по счету в этом, десятке... За ночь люди несколько раз пересчитывались. Кто уйдет вздремнуть, пусть сам на себя пеняет. На рассвете маме дали бирочку с номером. Она подняла меня с постели, сунула в кулак эту самую бирку из картона и отправила в еще закрытый магазин. Нет, нельзя потерять мамину очередь, никак нельзя, иначе без хлеба останешься. Вот и торчишь возле магазина с хлебными карточками и биркой на очередь. А вдруг снова начнут пересчитываться?

Мы играли камушками. Сколько я щелчков Ильке поставил, сколько он мне — неизвестно, ведь мы с ним умеем считать только до десяти.

— Хлеб везут! — неожиданно закричал Илька.

И точно — из-за угла вывернула знакомая всему городу синяя деревянная повозка, которую тащил знаменитый Сивка-бурка— сухой, одноглазый конь с волдырями на шее. Я хотел взять с земли свои хлебные карточки, но — о боже! их не было... Около меня лежала лишь бирка на очередь, никому теперь ненужный кусочек картона с черными жирными цифрами. Я пошарил вокруг и заплакал.

— Ты что? — испуганно спросил Илька, но тут же догадался, что я потерял хлебные карточки и добавил:

— Эх, ты, — растяпа! Надо было в оба глядеть!..

Я знал, что хлебные карточки дают на много-много дней, и наша семья будет теперь много-много дней без хлеба... А мы и так никогда не ели досыта. Илька обнял меня за плечи и тоже заплакал. Мне стало холодно, хотя, когда играли камушками, солнце уже припекало через рубашку.

— Что я скажу маме? — повторял я сквозь слёзы. — Она меня из дома выгонит...

— А ты скажи, почему она тебе шаровары без кармана сшила? — утешал Илька. — На шаровары тоже можно карман с пуговкой пришить...

Ох уж эти шаровары!.. Сняла мама с окон занавески, выкрасила их в настоенном бадане и принялась за шитье... Хорошие штаны вышли! Широкие, как у грузчиков! Розовых цветочков почти не видно! Вот только карманов не было.

— Не реви! — сказал Илька, вытирая слезы. — Мать твоя сейчас на работе... Дома одна бабушка... Ей расскажешь... Пусть она займет у кого-нибудь деньги и купит новые карточки...

Бабушку я боялся меньше, чем маму. Но когда мы с Илькой вошли в дом, я и бабушке не мог признаться в случившемся, а тут еще слезы...

— Он карточки потерял, — оказал Илька.

— Как же это ты, милок? — прошептала бабушка и обессиленно опустилась на свой сундук, обитый блестящими полосками жести. Посидев молча, подошла ко мне и неожиданно погладила по голове.

— Не плачь. Слез и без того много... Матери про карточки — молчок. Скажи только, что очередь потерял...

Бабушка стала молиться. Поднялась, потирая спину, затем большим ключом открыла сундук и подняла его горбатую крышку. Бабушкин сундук!.. В нем, мне всегда казалось, хранились сокровища! По праздникам бабушка извлекала из него кусочки сахара, а то и ложку изюма для кулича, когда, мама пожаловалась, что исхудился гребень, бабушка достала новый, когда в керосиновой лампе сгорал фитиль, вновь открывался спасительный сундук...

— Что у бабушки в сундуке? — спрашивал я маму.

— К смерти приготовленное, — отвечала она. — Ну и всякая мелочь... Не вздумай гвоздем открыть сундук! Тогда бабушка уши тебе отрежет и кой-куда пришьет!

Я никогда не пробовал открыть сундук. Встав на колени, бабушка перебирала свои сокровища. «Пересчитывает», — подумал я, счастливо поглядывая на счастливого Ильку. И вдруг у меня в глазах зарябило, поплыли разноцветные круги и пятна...

Бабушка держала в руках шаль, красивую, каких я никогда не видел.

— Мое приданое, — сказала бабушка, вернее, не сказала, а жалостливо, выдохнула. — Моя память о счастье...

Бабушка накинула шаль на сухонькие плечи и прошлась по избе. Баба Таня была красивой, как никогда. Глаза ее поблескивали, плечи распрямились, словно концы шали стали бабушкиными крыльями.

— Продам или на карточки обменяю, — сказала мне. — А ты варнак, дом карауль.

Я не успел и пол подмести, как бабушка вернулась.

— На, держи, — сказала и протянула мне хлебные карточки. — Беги в магазин. Быть может, очередь еще не прошла...

Я заплакал и поцеловал бабушку.

Кораблик на Байкале

Чайки с криком носились над водой. Миша попытался их сосчитать, да разве уследишь за ними! Недалеко от него на берегу играли мальчик и девочка. Подойдя к ним, Миша сказал:

— А я видел, как чайки ловят рыбу из озера.

— Вовсе не из озера, а из моря,— поправил его мальчик.— В песне поётся: славное море, священный Байкал! Разве не знаешь? А ты откуда?

Миша слышал эту песню, её поют повсюду, спорить не стал, ответил:

— Из Москвы.

Потом Миша узнал, что мальчика зовут Арсалан, а девочку — Дарима. Имена эти были бурятские.

— Его имя Арсалан по-русски значит Лев,— объяснила девочка.

—Ух ты! — удивился Миша.— А Дарима как будет по-русски?

Она пожала плечами, не знала. Никто ее имя не переводил, просто все звали Дарима.

— И я просто Миша... А вот он — Лев! — с завистью произнёс Миша.

— Не горюй,— приободрил его Арсалан, — Во всех сказках медведей Мишами зовут. Так что, ты тоже...— Медведь.

Мальчики рассмеялись. Ну и знакомство, Лев и Медведь! Смеясь, даже начали бороться и рычать друг на друга.

Ребята быстро подружились. Арсалан и Дарима учили Мишу говорить по-бурятски.

Ребята каждый день играли на берегу Байкала. Но наступил день, когда Мише надо было уезжать домой.

Миша предложил: «Давай поклянёмся в нашей дружбе».

— Давайте,— согласились Арсалан и Дарима.— Но... как?

— Напишем клятву, запечатаем её в бутылку.

— И... пустим её по морю,— предложил Миша.

— А вдруг бутылка на камень наскочит? — засомневалась Дарима.

— Да-а... — призадумались ребята. И тут они вспомнили, что у Миши есть небольшой кораблик.

— Неси, Миша, свой кораблик. Мы пустим его с нашей клятвой по морям, по волнам,— сказал Арсалан.

Чего не сделаешь для друзей! Незаметно вздохнув, он побежал к себе и вскоре вернулся с корабликом.

Оставалось только написать клятву. Но... читать они умели только большие заголовки, вывески крупные. И писать умели только свои имена. Арсалан с трудом вывел печатными буквами: «нухэд», а рядом это же по-русски: «друзья». А потом начертали: «МИША, ДАРИМА, АРСАЛАН»

Наконец ребята свернули свою клятву, запихнули её под палубу кораблика. Кораблик они пустили на воду. И он поплыл. Игриво перескакивая с гребня на гребень, кораблик стал медленно удаляться.

Друзья притихли, глядя, как волны относят кораблик всё дальше и дальше. Сбудется ли их мечта? Встретятся ли они когда-нибудь?

Кто знает, может, игрушечный кораблик по Ангаре, а дальше по Енисею добрался до студёных северных вод или даже до берегов Америки. Может, сейчас его держит в руках американский мальчик, пытаясь разобрать непривычные имена. Если он попадёт к вам, посмотрите, нет ли у него под палубой, ближе к корме, записки ребят с Байкала.

Если есть, значит — это тот самый кораблик. Тогда вы напишите своё имя или же нарисуйте что-нибудь, и пустите его обратно. Пускай он приплывёт в Байкал.

Содержание

Геннадий Лепинский
Полосатый кормилец 3
Усердный лесовод 4

Лодон Линховоин
Баабгай хабарга хоёр 5
Нохойн ашаар 7
Хун шубуун 8

Владимир Липатов
Волейбол 11
Первая ёлка 13
Пять пальцев —
пять животных 14
Скворушка 14
Загадки 15

Дольён Мадасон
Дулаа зүгнэбэ 18
Галай булаг 18
Хабарай халуун һалхинаар 19
Боосоото урилдаан 20
Хотоолой баатар 24

Элбэг Манзаров
Ангуудай суглаан 26
Хүрэнгэ Сай хоёр 28

Пётр Мананников
Семейские посиделки 30
Поход 34
Нечистая сила 41
Двор 43
Огород 45

Светлана Махачкеева
Алдарта Байгалнай 48
Эхэ нютаг 49
Эхын хэлэн 49
Мүрысөөн 51
Сагаалганда 51
Сентябриин нэгэн 52
Түрэлхи хэлэн 52

Владимир Митыпов
Мамонтёнок Фуф 53

Барадий Мунгонов
Бэлэг 67
Тула 70
Хорёошо малаан 75
Мэхэтэй шандаган 82

Андрей Мухраев
Сказка старого Хубитэ 85

Илья Намсараев
Мундаргын үхибүүд 96

Хоца Намсараев
Абын ангууша хүбүүхэй 106

Бадма-Базар Намсарайн
Эжы 116
Бээлэй 118
Талын сэсэгүүд 120
«Олохоб!» 122
«Алтан гартай» 122

Татьяна Нелюбина
За грибами.....123
Синица.....123

Светлана Нестерова
Андрианов ключ 124
Байкальская сказка.....127
Сказка о потерявшемся медвежонке 131

Шираб Нимбуев
Тархайн хубүүн Зархай.....135

Дамнин Ошоров
Ута һүүл 139
Трактор.....140
Зундаа унтадаг 141
Миисгэй хулгана хоёр.....141
Һам.....142
Гахай 142
Яһан 142
Хадааһан.....142
Зүүдэн.....143
Хөө хара миисгэй.....144
Ажал хэһээрээ 144
Һүн соо юун бииб? 145
Хуушан эдеэн 146
Зураг 146

Владимир Петонов
Сэсэгме хочется знать про всё на свете. Перевод В. Разумневич 147
Концерт для взрослых. Перевод В. Разумневич.....150
Сэсэгма гостит в деревне. Перевод В. Разумневич.....152

Балдандоржо Рыбдылов
Гүрөөһэнэй заншал.....156

Дарима Самбуева-Башкуева
Новый друг Цырена 160
На Байкал и сразу обратно....164
Белый месяц.....167
Как друзья страх победили ...170

Балдан Санжин
Аршаан Булаг 173
Долоон хуһан 175
На берегу моря.....176
Нехороший случай.....180

Константин Соболев
Нежеланная встреча 182
Рыжая труба 183
Спасите! Лечу!.....185
Таежные хрюшки.....186
В капкане.....187
Новогодняя ночь.....188
Наездник 189
Сытный ужин 191

Виктория Султанова
Одуванчики.....192
Солнышко.....193
Дружок мой учится читать....194
Есть друзья у воробья 195
Слон 197

Дондок Улзытуев
Зорюулга.....198

Ирина Филиппова
Осень.....204
Божья коровка.....204

Паучок 204
Лягушонок.....205

Татьяна Хамаганова
Красный шар.....206
Жёлтый спор 207
Голубое счастье 210
Зелёная нежность 212

Сырен Субанов
Һайн һанаатай хүбүүнэй һанал яажа хүсэлдөөб.....215

Доржо Сультимов
Айгаагүйбди 224
Хүнгэн болохо байгаа 224
«Минии шэнээн болоходонь...» ..225
Гуталгүй гулабхаа.....225
«Үшөө түрөөдүй байгаат» 226
Хоёр тэнгэриин хоорондуур 227

Борис Сыренов
Морин 230
Үнеэн.....230
Тэмээн 231
Һармагшан 231
Арсалан.....232
Хэрмэн.....233
Баабгай 233
Жираф.....234
Багша 235
Нүхэр 236
Сэрэгшэн 236
Эжы 237

Аполлон Тороев
Зол шор хоёр 238
Муу Баанхи.....243

Жамсо Тумунов
Олоной хүсэн ольһотой 247

Борис Хатов
Толпек.....251

Данри Хилтухин
Иркут 273
Оляпка 277

Цокто Номтоев
Родник 278

Чимит Цыдендамбаев
Бэгзэгэрхэн Бэгзүүхэй 285

Даши-Дондок Цыренжапов
Нохой морин хоёр.....302
Мэхэлхэдээ мэргэн аад, мэдэхэдээ мохоо 303
Һааюур һама.....303
Хоёр дэгэлтэ шандаган.....306
Элеэ шубуун 307

Гунга Чимитов
Ёлкын дуун 308
Үбэл.....308
Энэ үдэр.....310
Шэнэ жэлнай 311

Цырен Шагжин
Борбоосгойн хүбүүн Борсоохой.....313

Михаил Шиханов
Инвалид.....321
Хлебные карточки 325

Александр Эрдынеев
Кораблик на Байкале 330

Писатели Бурятии детям

Антология в 2-х томах

Том 2

Составители В. А. Осипова, Г. Х. Чагдурова
Редактор Н. Г. Лубсанова

Художник Т. Б. Мердыгеев
Дизайнер А. Л. Жаркой
Корректор Н. Г. Лубсанова

Издательство «Номад»
(ИП Дамдинжапова Октябрина Балдановна)
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Каландаришвили, 23,
оф. 7. Тел.: 8 (3012) 211155.
e-mail: nomadbook@mail.ru
www. nomadbook.ru

Подписано в печать 01.12. 2023 г. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Печ. л. 21,0. Заказ № 32. Тираж 500 экз.
Отпечатано ООО «Принт Лайн».
г. Иркутск, ул. Сергеева 5/5. Тел.: 8 (3952) 48-66-00